

НАВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ.
РАССКАЗ О МОЛОДЕЖИ КИПРА

№ 2 ЯНВАРЬ 1977

СМЕРНА

ВЕРН СОВЕ

Я горжусь тем, что каждый день моей жизни неотделим от тех дел, которыми жила и живет наша Коммунистическая партия, наша Советская страна. Для меня превыше всего всегда было и остается доверие партии, доверие народа.

Из речи товарища
Л. И. БРЕЖНЕВА
при вручении ему
высшей награды Родины.

Товарищу **БРЕЖНЕВУ** Леониду Ильичу

Дорогой Леонид Ильич!
Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо и сердечно приветствуют Вас—верного сына советского народа, выдающегося деятеля Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, пламенного борца за мир и социальный прогресс, последовательного марксиста-ленинца—в день Вашего семидесятилетия.

Ваша неутомимая и плодотворная деятельность, Леонид Ильич, представляет вдохновляющий пример самоотверженного служения Родине, ленинской партии, делу коммунизма. На всех по-

стах, на которые выдвигала Вас партия, в решении всех ответственных задач, которые она Вам поручала, Вы всегда с честью оправдывали и оправдываете оказанное доверие.

Ваша неиссякаемая энергия, партийная принципиальность, неразрывная связь с жизнью народа имеют глубокие истоки. Вступив в строй великой армии труда в юные годы, Вы, Леонид Ильич, вместе с миллионами сверстников уверенно шли вперед по открытому Советской властью пути, сочетая работу на заводе с настойчивым овладением знаниями. Жизнь в рабочем коллективе дала Вам глубокое понимание дум и чаяний тружеников. Рабочий, инженер,

ЫЙ СЫН ПАРТИИ, ТСКОГО НАРОДА

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении Генерального секретаря ЦК КПСС
Героя Советского Союза,
Героя Социалистического Труда
товарища БРЕЖНЕВА Леонида Ильича
орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»**

За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в коммунистическом строительстве, активную, плодотворную деятельность по упрочению мира и безопасности народов, за большой личный вклад в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, в ук-

репление экономического и оборонного могущества Советского Союза и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить Генерального секретаря ЦК КПСС, Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда товарища Брежнева Леонида Ильича орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.**
Москва, Кремль. 18 декабря 1976 г.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
О награждении Генерального секретаря
Центрального Комитета КПСС,
Председателя Совета Оборона СССР
Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Л. И.
Почетным оружием с золотым изображением
Государственного герба СССР**

За выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны и совершенствовании Вооруженных Сил СССР наградить Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Пред-

седателя Совета Оборона СССР Маршала Советского Союза Брежнева Леонида Ильича Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.**
Москва, Кремль. 18 декабря 1976 г.

Фото Александра ПАХОМОВА.

партийный работник. Вы были всегда на ударных направлениях развития социалистической индустрии и колхозного строя в годы первых пятилеток.

Когда разбойничье нападение фашистской Германии поставило нашу Родину перед смертельной опасностью, Вы с первых дней Великой Отечественной войны стали в ряды воинов и сражались до полной победы. Битва за Кавказ, легендарная «Малая земля», изгнание гитлеровских оккупантов из Крыма, с Украины, освобождение Польши, Венгрии, Чехословакии — таковы вехи славного пути армий, в битвах которых отмечены и Ваш ратный подвиг и личное мужество, за что Родина удостоила Вас звания Героя Советского Союза.

После Великой Отечественной войны Вы в качестве первого секретаря Запорожского, а затем Днепропетровского обкомов партии отдавали свои силы восстановлению этих крупных индустриальных центров, принимали непосредственное участие в возрождении прославленной ДнепрГЭС имени В. И. Ленина и гиганта металлургии — «Запорожстали».

Труженики Молдавии и Казахстана хорошо знают, как много труда, инициативы и настойчивости вложили Вы, Леонид Ильич, возглавляя партийные организации этих союзных республик, в развитие их промышленности, сельского хозяйства и культуры. Превращение целинных земель Казахстана в крупную житницу страны вошло в ее историю замечательной эпопеей, в которую вписаны и Ваше имя, Ваш выдающийся вклад.

В последующие годы, будучи членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС и занимаясь вопросами тяжелой, оборонной промышленности, строительства, Вы сыграли выдающуюся роль в росте индустриального и научно-технического потенциала Родины, в укреплении ее оборонного могущества, в организации исследований по освоению космоса. Родина по достоинству оценила Ваши заслуги, Леонид Ильич, присвоив Вам звание Героя Социалистического Труда.

На посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР Вы немало сил отдали делу дальнейшего укрепления Советского государства и развитию социалистической демократии.

Высоким признанием партий и народом Вашего авторитета как руководителя ленинского типа явилось избрание Вас, дорогой Леонид Ильич, на октябрьском (1964 г.) Пленуме Центрального Комитета партии Первым секретарем ЦК КПСС, а по завершении XXIII съезда КПСС Центральный Комитет избрал Вас Генеральным секретарем ЦК.

С тех пор, вот уже более 12 лет, все главные события в жизни нашей партии и народа, успехи ленинской внутренней и внешней политики Советского Союза связаны с Вашей плодотворной деятельностью на посту Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС. Вы, Леонид Ильич, вносите выдающийся вклад в разработку и осуществление ленинского генерального курса партии, правильность и справедливость которого подтверждается всем ходом развития нашей Родины и мирового исторического процесса.

Это были годы мощного, неуклонного

подъема созидательной энергии народных масс Советского Союза, которые под мудрым руководством Коммунистической партии и ее Центрального Комитета во главе с Вами, Леонид Ильич, осуществляли грандиозные по размаху и глубине социально-экономические преобразования, строительство развитого социалистического общества. Героическим трудом партии и народа создан гигантский материальный и духовный потенциал Советской Отчизны. Выдающейся по своим политическим и экономическим итогам явилась девятая пятилетка, обозначившая крупный этап в создании материально-технической базы коммунизма, в повышении материального и культурного уровня жизни народа, в обеспечении обороны и безопасности страны.

В эти годы становится все более монолитным союз рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, все более тесной и неразрывной — братская дружба народов Советского Союза. Советское государство стало общепризнанным, и в последовательном развитии социалистической демократии, всей нашей общественной системы убедительно проявляется великая сила исторического революционного творчества народных масс.

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза ознаменовал вступление нашей Родины на новые исторические рубежи величественного поступательного продвижения вперед, к коммунизму.

Программным документом партии является «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», с которым выступили Вы, Леонид Ильич. В нем дан глубокий и всесторонний анализ важнейших процессов нашей эпохи, революционно-преобразующей деятельности партии и народа, хода мирового революционного процесса, раскрыты их закономерности и перспективы, выдвинуты кардинальные задачи ленинского внутреннего и внешнеполитического курса на современном историческом этапе.

Неустанную заботу проявляет наша партия и ее Центральный Комитет во главе с Вами, Леонид Ильич, о постоянном улучшении жизни советского народа. Выработанные съездом Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы и принятый в соответствии с ними десятый пятилетний план имеют главной задачей неуклонный подъем народного благосостояния на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства, повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех отраслях народного хозяйства.

XXV съезд КПСС горячо и единодушно одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС. Отчетный доклад ЦК, приняв как руководство к действию выдвинутые Вами положения и задачи. Съезд дал могучий импульс новому подъему политической и трудовой активности советских людей, которые восприняли решения съезда как программу своей деятельности. Они еще

теснее сплотились вокруг партии и ее Центрального Комитета.

С успехами коммунистического строительства неразрывно связано укрепление авторитета и влияния Советского Союза на мировой арене. Международное положение нашей Родины прочно как никогда. Непрерывно развиваются наша братская дружба и сотрудничество со странами мирового социалистического содружества, спаянные боевым союзом коммунистических партий на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. Крепнет сплоченность, связывающая КПСС с коммунистическими, рабочими партиями, со всеми отрядами участников всемирного фронта борьбы против империализма, за мир, демократию и социализм. Духом возрастающей солидарности, дружбы и взаимопонимания проникнута отношения Советского Союза с развивающимися странами, со всеми народами, борющимися за политическую и экономическую независимость, за дело мира и свободы.

В последние годы наша Родина, неуклонно следуя миролюбивым ленинским курсом, вместе с братскими странами социализма и другими миролюбивыми силами добилась успехов в упрочении мира и безопасности народов. Выдвинутая Вами, Леонид Ильич, на XXIV съезде КПСС Программа мира стала мощным позитивным фактором оздоровления международных отношений, поворота к разрядке напряженности и все более прочному утверждению принципов мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем, за которые боролся В. И. Ленин.

С воодушевлением восприняли советские люди, все честные люди на земле изложенную Вами на XXV съезде КПСС программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, в которой воплощена единая воля КПСС и советского народа — отстоять и упрочить дело мира и прогресса человечества, устранить угрозу мировой термоядерной войны.

Советские люди гордятся тем, что каждый шаг внешнеполитической деятельности Центрального Комитета КПСС, Политбюро ЦК и Вашей лично, Леонид Ильич, посвящен достижению этих благородных, гуманных целей. Вдохновенной, страстной борьбой за мир Вы снискали себе признательность всех людей доброй воли на земле, которая нашла выражение в присуждении Вам Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и награждении Золотой медалью мира имени Ф. Жолио-Кюри.

Реакционные империалистические силы всячески тормозят процесс разрядки международной напряженности и продолжают гонку вооружений. Поэтому Советское государство, партия и ее Центральный Комитет проявляют неослабную заботу о поддержании на должном уровне обороны нашей Родины. Лично Вы, Леонид Ильич, на посту Председателя Совета Обороны вносите большой вклад в строительство наших славных Вооруженных Сил.

Научной основой всей деятельности нашей партии, ее внутренней и внешней политики является творчески применяемое и развиваемое марксистско-

ленинское учение. Велик Ваш, Леонид Ильич, личный вклад в дальнейшее творческое развитие партий марксистско-ленинской науки, в особенности применительно к условиям строительства развитого социализма и перехода к коммунизму, в глубокую разработку ключевых проблем экономического и социального развития страны. Выдвинутые Вами положения по вопросам развития социалистической индустрии, аграрной политики, направленной на всемерное развитие сельского хозяйства, повышения эффективности общественного производства, соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя, совершенствования общественных отношений, коммунистического воспитания трудящихся, по проблемам международных отношений и задачам внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства имеют основополагающее значение на современном этапе развития нашей Родины.

Дорогой Леонид Ильич!

Вы заслужили глубокое уважение, любовь и доверие коммунистов и всех советских людей, посвятив все свои силы беззаветному служению партии и народу. Вы с честью выполняете возложенную на Вас партией миссию, возглавляя ее боевой штаб — Центральный Комитет. Партия и народ знают, с какой поистине неисчерпаемой энергией, принципиальностью и дальновидностью Вы осуществляете руководство решением сложных и ответственных задач коммунистического строительства.

Вы проявляете постоянную заботу о дальнейшем повышении руководящей роли Коммунистической партии в нашем обществе, укреплении ее связей с народными массами, утверждению и развитии ленинских принципов и норм в жизни партии и общества, являющихся условием наших успехов.

Дорогой друг и товарищ!

Для всех Ваших товарищей, всех борцов за дело коммунизма Вы являетесь примером того, каким должен быть коммунист-ленинец. Вся Ваша деятельность проникнута глубокой верой в творческие силы партии и народа, сердечной близостью и уважением к людям труда. Вас отличает замечательное умение вдохновлять и сплачивать людей, организовывать дружную, сплоченную работу Центрального Комитета КПСС.

Наша Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, Политбюро ЦК и Вы лично, Леонид Ильич, добились утверждения и развития в советском обществе обстановки подлинного коллективизма, товарищеского доверия, уважения и вместе с тем требовательности и принципиальности, что содействует расцвету всех творческих сил человека — строителя коммунизма. Советские люди отвечают партии, Центральному Комитету КПСС, Вам, Леонид Ильич, чувствами глубокой душевной благодарности.

Выражая эти чувства и горячо поздравляя Вас, дорогой Леонид Ильич, с днем Вашего семидесятилетия, сердечно желаем Вам доброго здоровья и счастья, новых успехов в Вашей неустанной и плодотворной деятельности на благо советского народа, всех трудящихся, во имя торжества светлых идей мира и коммунизма.

**Центральный Комитет
Коммунистической партии
Советского Союза**

**Президиум
Верховного Совета
СССР**

**Совет
Министров
СССР**

Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ

Дорогой Леонид Ильич!
В этот торжественный, волнующий день 35-миллионный Ленинский комсомол горячо и сердечно поздравляет Вас, выдающегося революционера-ленинца, признанного вождя партии и народа, крупнейшего политического деятеля современности, мудрого и доброго наставника молодежи, со славным юбилеем!

Комсомолы и молодежь единодушно одобряют и безраздельно поддерживают ленинский курс КПСС. Великая энергия ленинского ума, биение ленинского сердца живут в делах и свершениях партии, в творческой деятельности ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК КПСС. На партию равняется советская молодежь, у коммунистов учится по-ленински жить, работать, бороться и побеждать.

Для советской молодежи Ваша героическая жизнь, Леонид Ильич,—вдохновляющий пример беззаветного служения коммунизму. Ваша яркая биография отражает самые значительные этапы истории Советской Родины. Вы всегда в кипении великих работ, на больших перекрестках эпохи: среди ударников первых пятилеток, на огненных фронтах Великой Отечественной, на легендарной целине, с покорителями космоса. Ныне Вы, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Маршал Советского Союза, возглавляете самый важный, самый ответственный и самый благородный фронт—борьбу за мир и коммунизм.

Глубочайшая идейная убежденность, большевистская страстность, организаторский талант, титаническая деятельность, душевная теплота и скромность снискали Вам громадный авторитет, искреннее уважение и глубокую, чистую сыновнюю любовь советской молодежи, всей демократической юности планеты. Мы гордимся тем, что комсомол был для Вас, Леонид Ильич, большой школой, где Вы учились коммунизму, постигали сложную науку жизни, классовой борьбы, строительства нового общества, закаляли революционный характер. Свой комсомольский билет Вы получили при жизни В. И. Ленина. Но Вы и сегодня остаетесь комсомольцем—жаром души, неутомимостью сердца, энергией и оптимизмом.

Советской молодежи выпало огромное счастье—жить в стране Октября. Юноши и девушки имеют неограниченные возможности для учебы, труда, научно-технического и художественного творчества, принимают активное участие в управлении государством. Политический и трудовой подъем, душевный порыв, вызванные историческими решениями XXV съезда КПСС, нашли свое выражение в патриотическом движении «Пятилетке эффективности и качества»—энтузиазм и творчество молодых!»

Комсомол объявил себя ударным отрядом пятилетки, развернул соревнование молодежи за почетное право подписать Рапорт Центральному Комитету

КПСС к 60-летию Октября. Победители будут сфотографированы у легендарной «Авроры». Адресами нового комсомольского подвига стали БАМ и КамАЗ, Западная Сибирь и Нечерноземье, стройки СЭВ—более 100 всесоюзных ударных строек.

Счастлирое будущее и мир—для молодых понятия неразделимые. Советская молодежь горячо благодарит партию, Вас, Леонид Ильич, отважного командира и пламенного комиссара ленинской закалки, прошедшего во фронтовой шинели по суровым дорогам войны от первого дня до Парада Победы, за подвижнический труд во имя мира, за укрепление единства международного коммунистического, рабочего и молодежного движения. Мощным стимулом для усиления борьбы прогрессивной молодежи планеты за мир и социальный прогресс стала Ваша недавняя встреча с руководителями союзов молодежи социалистических стран.

После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС комсомол еще теснее сплотил свои ряды, политически и организационно окреп, в четыре раза увеличилось его партийное ядро. Комсомол всегда и во всем чувствует направляющую руку, помощь и поддержку партии, ее Центрального Комитета, Политбюро, Вашу, Леонид Ильич, ленинскую заботу, требовательность и высокое доверие.

В документах ЦК КПСС, в Ваших трудах—удивительном сплыве мудрости, опыта, научного предвидения—получили развитие принципы партийного руководства комсомолом, сформулированы его очередные задачи, раскрыто содержание ленинского завета «учиться коммунизму» в условиях развитого социализма. Решения XXV съезда КПСС стали сердцевинной, сутью всей комсомольской работы.

Неуклонно следовать за нашей могучей победоносной партией, быть ее надежным помощником и боевым резервом, воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма—в этом высший смысл деятельности комсомола.

Молодая гвардия строителей коммунизма будет работать по-стахановски, по-гвардейски, по-коммунистически, овладевать наукой и культурой, достойно продолжать революционные, боевые и трудовые традиции партии и народа, отдаст все свои силы, а если потребуются, и жизнь в борьбе за великое ленинское дело.

Дорогой Леонид Ильич, в день Вашего 70-летия молодежь 70-х годов присягает родной Коммунистической партии на верность, на преданность, на готовность к подвигу!

Желаем Вам отличного здоровья, счастья, неиссякаемой энергии, огромных успехов в Вашей партийной и государственной деятельности во славу нашей социалистической Родины, Коммунистической партии, в священной борьбе за коммунизм и мир на земле!

Центральный
Комитет
ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1192) ЯНВАРЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
юные киприоты.
Фото Альберта
ЛИХАНОВА

- 1 К 70-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА.
- 4 ДОСAAF—50 ЛЕТ.
Маршал Советского Союза
Александр Иванович ПОКРЫШКИН.
«ШКОЛА МУЖЕСТВА».
- 8 Рассказ Кирилла БУЛЫЧЕВА «ДРУГАЯ ПОЛЯНА».
- 11 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ. «ПЯТЫЙ ЛЕБЕДЬ».
- 12 Альберт ЛИХАНОВ.
«ГОРЯЧИЙ ОСТРОВ АФРОДИТЫ».
- 14 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи кипрского поэта Андреаса КАНАКИСА.
- 18 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«ПИСАТЕЛЬ, АКТЕР, РЕЖИССЕР ШУКШИН».
- 20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ЧАША С ЯДОМ».
- 24 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».
- 28 ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 30 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«В ТЕСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГРАВЮРЫ».
Очерк о творчестве художника Юрия КОСМИНИНА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
Редколлегия: В. С. АБАШИН, С. А. АБРАМОВ, А. П. КУЛШОВ,
В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕН-
КО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖ-
ДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, Г. В. СЕМЕ-
НОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. И. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1977 г.

К 50-ЛЕТИЮ ДОСААФ

— Александр Иванович, чем была вызвана необходимость создания добровольных оборонных обществ в нашей стране и как начиналась эта работа?

— В первые годы Советской власти В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость как можно более широкого привлечения трудящихся масс к

военной академии РККА. Председателем его был избран М. В. Фрунзе. Впоследствии оно было переименовано в Общество содействия обороне — ОСО. В 1923 году, в связи с быстрым развитием авиации, создается Общество друзей Воздушного флота (ОДФВ), а годом позже — Общество друзей химической обороны и химической промышленности (ДОБРОХИМ), объединившиеся в 1925 году в Общество друзей авиационно-химической обороны и промышленности (АВИАХИМ).

Кроме пропаганды авиационных и химических знаний, АВИАХИМ ставило перед собой практическую задачу сбора средств для строительства самолетов и самолето- и моторостроительных заводов. Именно в этот период начинают работать первые авиамодельные кружки, секции планеристов, в которых постигают теоретические азы будущие прославленные авиаконструкторы, создатели космических кораблей.

23 января 1927 года на совместном заседании делегатов съезда АВИАХИМа и участников пленума ОСО по предложению К. Е. Ворошилова было принято решение слить оба общества в одно, назвав его Союзом Обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства — Осоавиахим СССР

На вопросы «Смены»
отвечает председатель
ЦК ДОСААФ СССР,
трижды Герой Советского
Союза,
маршал авиации
Александр Иванович
ПОКРЫШКИН

ШКОЛА МУЖ

военному строительству. Партия считала, что только мощная армия, состоящая из людей, отлично владеющих воинскими специальностями, будет надежной гарантией существования молодой Советской республики. Выступая с докладом «О войне и мире» на VII съезде партии, Владимир Ильич говорил: «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом...» Ленинский призыв нашел отклик в сердцах тысяч людей, взявших в руки винтовки.

Большую роль в осуществлении ленинских указаний сыграли добровольные оборонно-патриотические организации, такие, как Военно-научное общество (ВНО), созданное в 1920 году при

**УСТРОЙСТВО ОРУЖИЯ ОБЯЗАН
ЗНАТЬ КАЖДЫЙ БУДУЩИЙ ВОИН.**

**ТАК ВОСПИТЫВАЕТСЯ МУЖЕ-
СТВО.**

Так была создана единая массовая добровольная военно-патриотическая организация трудящихся, с 1951 года известная в нашей стране как Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту — ДОСААФ СССР.

— По каким направлениям развивалась работа оборонного общества в довоенные годы?

— Как я уже говорил, Осоавиахим собирал средства на строительство первых советских эскадрилий, создавал военные кружки, вместе с комсомолом проводил тактические учения, декады и недели обороны, организовывал военно-технические экзамены комсомольцев. Только на средства Осоавиахима было построено и передано ВВС за два года 233 боевых самолета.

Вообще о связях ДОСААФ и комсомола можно говорить много и нужно говорить отдельно. Эти связи многогранны и проверены жизнью на протяжении нескольких десятилетий. Ни одно сколько-нибудь значительное дело оборонное общество не проводило без участия комсомольских организаций. Нас всегда объединяла общность задач, ответственность за воспитание молодого поколения.

Итак, это было время, когда молодежь жадно рвалась к техническим знаниям, горячо откликалась на призывы партии и комсомола осваивать военные специальности летчиков, танкистов, специалистов по защите от химического оружия. Не забывайте, что наша страна продолжала оставаться в окружении врагов. И Осоавиахим — самая массовая организация, которая ставила перед собой цель подготовить как мож-

ней, достаточно вспомнить лишь несколько примеров мужества первых советских летчиков, вписавших подлинно героические страницы в историю нашей авиации. Это перелет С. Шестакова и Д. Фурьева на АНТ-3 Москва—Токио, во время которого было пройдено расстояние в 22 тысячи километров. Это полеты М. Громова, Ю. Пионтковского, Г. Байдукова, М. Расковой, В. Чкалова... Об этих людях написаны десятки книг, и мне не хотелось бы повторяться. Важно то, что их замечательный пример проложил путь в авиацию тысячам юношей и девушек, из которых впоследствии получились отважные воздушные бойцы. К слову сказать, каждый третий летчик, удостоенный во время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза, — воспитанник аэроклубов Осоавиахима. Думается, мало кто знает и о том, что наши знаменитые авиаконструкторы А. Яковлев, Н. Камов, О. Антонов и другие свои первые самолеты и вертолеты создавали именно по поручению и при самой горячей поддержке Осоавиахима.

Не забывал Осоавиахим и о подготовке будущих воинов ПВО, парашютистов, мотористов, водителей, стрелков. О масштабах этой работы дают представление следующие цифры: только в

— Начало моей биографии схоже с судьбами тысяч моих сверстников, ставших летчиками. Поступив работать на завод, я почти сразу же начал посещать занятия планерного кружка. Затем, учитывая мой летный энтузиазм, заводской комитет ВЛКСМ направил меня по комсомольской путевке в авиационную школу, которая готовила авиационных техников. Так что авиацию я начал познавать с моторов, что впоследствии мне очень пригодилось.

Готовя машины к полетам, я продолжал мечтать о том, что когда-нибудь полечу сам, и, несмотря на уже имевшуюся воздушную специальность, занимался в аэроклубе. В сентябре 1938 года впервые поднялся в небо самостоятельно.

Случилось так, что большинство летчиков соединения, которым я командовал в годы Великой Отечественной войны, учились летать в аэроклубах Осоавиахима. Они были мужественными, умелыми воинами и, как правило, побеждали врага благодаря отличной выучке, знанию всех приемов воздушного боя.

— В годы Великой Отечественной войны деятельность оборонного общества была особенно значительна. В чем конкретно она заключалась?

— В первые же месяцы войны на фронт ушли более 7 миллионов бойцов — членов оборонного общества, то есть больше половины его состава. Почти все они сразу заняли место в боевом строю: технических знаний и воинского мастерства, приобретенных в Осоавиахиме, было достаточно, чтобы успешно драться с врагом. На фронтах шли тяжелые, кровопролитные бои, действующие армии требовали пополнений, а учить молодых бойцов военному искусству непосредственно в частях было особенно некогда. И вот по инициативе Осоавиахима на заводах и фабриках, в институтах, колхозах, совхозах стали создаваться группы, отряды, команды, где без отрыва от производства готовились стрелки, пулеметчики, снайперы, водители, парашютисты, связисты. К сентябрю 1941 года военным специальностям учились таким образом, семь

миллионов человек. Это помогало готовить резервы для фронта, формировать партизанские отряды, части народного ополчения. Одна только московская городская организация Осоавиахима в октябре—ноябре 1941 года обучила, вооружила и направила в партизанские отряды около 2 тысяч снайперов.

С октября 1941 года Осоавиахим активно участвовал в проведении всеобщего военного обучения трудящихся — Всеобуче. В 1944 году осоавиахимские учебные подразделения выпустили пулеметчиков почти в 30 раз больше, чем в 1941 году, снайперов — в 16 раз, минометчиков — почти в 8, радистов — в 6 раз.

Вполне понятно, что и в тылу врага и в действующей армии пригодился опыт штатных работников Осоавиахима. Многие возглавили партизанские соединения. Среди них — председатель Тульского областного совета общества Есипов, председатель Калужского райсовета Матросов; в Краснодарском крае в партизанских отрядах находилось 17 председателей райсоветов общества; много штатных работников Осоавиахима действовало в тылу врага на подможковой земле.

Немалую помощь фронту оказал Осоавиахим, собрав 272 миллиона рублей для оснащения Красной Армии техникой и 45 миллионов рублей для подарков фронтовикам и их семьям.

Партия и правительство высоко оценили деятельность оборонного общества в годы военных испытаний, наградив его орденом Красного Знамени.

— Теперь, Александр Иванович, давайте перейдем к мирному периоду. Вероятно, после войны задачи ДОСААФ несколько изменились, получили иное содержание?

— Да. Качественно изменилось техническое вооружение нашей армии. В хозяйстве страны, в системе обороны возникла потребность в специалистах самого высокого класса. ДОСААФ должен был учитывать все это и соответственно перестроиться организационно и технически. Вместе с тем ДОСААФ очень многое взял из опыта Осоавиахима. Ведь, как и прежде, оборонное

ЕСТВА

но большее число умелых защитников Родины, — искал для этого самые разнообразные формы. К примеру, на промышленных предприятиях Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и других городов появились осоавиахимовские бригады, участки, цеха, значительно перевыполнявшие план и трудившиеся под лозунгом превратить заводы и фабрики в «крепости обороны».

Стремясь привлечь к занятиям в осоавиахимовских кружках как можно больше рабочих и крестьян, Осоавиахим был организатором и вдохновителем сверхдальних перелетов, установления мировых рекордов на самолетах, планерах, аэростатах.

Чтобы почувствовать атмосферу тех

ПЕРЕД ПЕРВЫМ ПРЫЖКОМ.

ЗАНИЯТИЯ В КЛАССЕ ПРОТИВОХИМИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ.

предвоенные годы 6 миллионов человек выполнили нормативы на значок «Ворошиловский стрелок», около 800 тысяч сдали зачеты по знанию автомобильного или тракторного мотора, почти полтора миллиона человек сдали нормы «Готов к ПВХО».

— Александр Иванович, известно, что вы тоже пришли в авиацию через оборонное общество. Как это произошло?

общество главным образом должно было воспитывать и обучать будущих воинов, с той лишь разницей, что воспитанникам ДОСААФ в отличие от их предшественников предостояло теперь поднимать в небо мощные сверхзвуковые самолеты, вести по дорогам военную технику, какой не имела ни одна армия мира.

Выступая на IV съезде ДОСААФ, Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Призванное всемерно укреплять военное могущество нашего государства, его оборону от возможного вражеского нападения, оборонное общество не только готовит боевые резервы для Советских Вооруженных Сил, но и всей своей деятельностью способствует дальнейшему сплочению трудящихся вокруг Коммунистической партии, воспитывает их в духе советского патриотизма, беззаветной преданности великому делу строительства коммунизма в нашей стране. Общество играет большую роль в деле укрепления связей между воинами армии и флота и трудящимися фабрик, заводов, колхозов и совхозов».

Документом огромной важности для ДОСААФ стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 мая 1966 года. Выполняя его, оборонное общество за минувшее десятилетие выросло численно, окрепло организационно, создало более мощную материально-техническую базу.

— Какую роль в делах общества играют первичные организации?

— Первичное звено — основа любой общественной организации, ДОСААФ не исключение. Эффективность и качество его работы в большой степени зависят от деятельности именно первичного звена. Опыт показывает, что первичная организация может добиться очень многого. Например, того, чтобы все ее члены были вовлечены в военно-патриотическую и оборонно-массовую работу, а юноши после призыва в армию и на флот стали отличниками боевой и политической учебы, спортсменами-разрядниками.

более 76 миллионов человек, из них 30 миллионов — комсомольцев.

— На каких разделах работы прежде всего сосредоточено внимание организаций ДОСААФ?

— Огромное значение придается воспитанию в членах оборонного общества высоких моральных качеств, патриотизма, преданности Родине. Нам, солдатам, участникам Великой Отечественной войны, хорошо известна роль морального фактора в вооруженной борьбе. Мы победили немецко-фашистских захватчиков не только силой нашего оружия, но и силой духа, благодаря величайшей идейно-политической стойкости всего нашего народа, руководимого партией. Об этом необходимо постоянно помнить. Интересы защиты Родины, задачи коммунистического строительства требуют, чтобы все советские люди и прежде всего наши юноши и девушки были верны боевым и трудовым традициям отцов и дедов. Формирование в характерах молодежи этих качеств ДОСААФ считает для себя главной практической задачей.

За последние годы в наших организациях сложилось много интересных форм патриотического воспитания: это тематические вечера, литературные диспуты, кинофестивали, лекции, доклады, беседы о величии нашей Родины и массовом героизме советских людей; встречи с участниками революции, гражданской и Великой Отечественной войн, современными солдатами — отличниками боевой и политической учебы.

Комсомол и ДОСААФ немало сделали для совершенствования военно-патриотической работы среди молодежи. Подлинно массовый характер приобрели поход молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, маршрутами которого идут около 30 миллионов молодых людей, военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок», число участников которых превысило 24 миллиона пионеров и комсомольцев. Интереснее проводятся традиционные месячники и недели обо-

нельзя не сказать и о той большой роли, которую играет в военно-патриотическом воспитании советских людей печать ДОСААФ. Газета «Советский патриот», журналы «Военные знания», «За рулем», «Радио», «Крылья Родины» имеют общий разовый тираж больше 4 миллионов экземпляров.

— Одна из главных практических целей ДОСААФ, как и прежде, состоит в подготовке советской молодежи к службе в рядах Вооруженных Сил СССР. Как ведется эта работа?

— «Современной армии, авиации и флоту», — говорил товарищ Л. И. Брежнев на XVI съезде ВЛКСМ, — нужны сейчас люди образованные, идейно стойкие, физически закаленные, способные соединить традиции беззаветного мужества с совершенным знанием новейшей военной техники».

Высокий уровень оснащения Вооруженных Сил, их организационная структура, новые принципы и методы боевых действий армии и флота выдвинули серьезные проблемы в деле подготовки военных кадров. Два года службы — срок небольшой, использовать его надо с максимальной отдачей, не тратав время на освоение азов военной специальности. Эти азы будущий солдат должен постигать до службы и приходиться в армию подготовленным военным специалистом или как минимум закончив программу начального военного обучения.

В связи с этим Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» впервые в истории оборонного общества в законодательном порядке возложил на нас ответственные задачи по подготовке молодежи к военной службе и прежде всего по подготовке специалистов для Вооруженных Сил. Интересы обороноспособности страны потребовали от ДОСААФ необходимых мер, направленных на расширение сети его учебных организаций и их высокое материально-техническое обеспечение. Благодаря заботам партии и правительства все это было осуществлено.

Только за последние пять лет введе-

но в строй свыше тысячи новых учебных зданий и сооружений. Во многих школах ДОСААФ созданы специализированные учебные классы, лаборатории, автотромы, радио и радиолокационные полигоны, пункты технического обслуживания, мастерские, гаражи. Мы располагаем десятками тысяч автомобилей, мотоциклов, радиостанций, большим парком планеров, вертолетов, учебно-тренировочных самолетов как с поршневыми, так и с реактивными двигателями.

Все это позволило ДОСААФ не только значительно увеличить число обучающихся призывников, но и повысить уровень их подготовки. Сейчас многочисленные технические, автомобильные, радиотехнические и морские школы, аэроклубы, авиационно-спортивные клубы ДОСААФ готовят будущих воинов более чем по 35 специальностям. В течение 4—6 месяцев юноши получают знания и навыки, необходимые для того, чтобы после непродолжительной дополнительной подготовки занять достойное место в расчетах, отделениях и экипажах, быть готовыми к выполнению боевой задачи. Я сказал «непродолжительной», хотя известны случаи, когда, к примеру, те же водители, получившие права в школах ДОСААФ, садятся в кабины военных машин буквально сразу после прохождения ими курса молодого бойца. И неплохо справляются с доверенной им техникой. То же можно сказать о юношах, ставших парашютистами. Три, а то и больше прыжка с парашютом, изучение его устройства и техники приземления позволяют им быстро занять место в строю.

Словом, сейчас каждый третий призывник получает военно-техническую специальность в системе ДОСААФ.

О том, насколько высока подготовка специалистов в ДОСААФ для Вооруженных Сил, свидетельствуют письма из частей, где проходят службу наши воспитанники. Мы получаем эти письма довольно часто, все они, как правило, рассказывают о мужестве молодых людей, отличном знании ими воинской специальности. Отзывы командиров, пожалуй, лучшая оценка работы ДОСААФ.

Многие из первичных организаций добились отличных результатов, стали подлинными центрами оборонно-массовой работы. Среди них особое место занимают организации ДОСААФ Московского локомотиворемонтного завода, киевского завода «Арсенал» имени В. И. Ленина, Уральского завода тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе, колхоза имени Гафура Гуляма Ферганской области, средней школы № 1 города Плавска Тульской области.

В оборонном обществе ныне действует свыше 320 тысяч первичных организаций, объединяющих в своих рядах

ИТАК, У КОГО ЖЕ БОЛЬШЕ «ДЕСЯТОК»?

ИНСТРУКТАЖ ПЕРЕД УЧЕБНЫМ ПОЛЕТОМ.

ронно-массовой работы, посвященные дням Советской Армии, Военно-Морского и Воздушного Флота СССР. Мы стремимся как можно шире представить молодежи тот или иной вид Вооруженных сил, род войск, историю его создания, обязательно рассказать о тех, кем гордится наш народ.

Необходимой, важнейшей работой мы считаем для себя участие в начальном военном обучении молодежи. Комитеты общества помогают руководителям предприятий и учебных заведений создавать и оборудовать учебные пункты НВП, подбирать для них опытных преподавателей и инструкторов, обеспечивают оружием, боеприпасами и военнотехническим имуществом.

— Александр Иванович, ведь ДОСААФ готовит специалистов не только для армии и флота, но и для народного хозяйства.

— Безусловно. Это заложено и в государственном плане, который учитывает потребности народного хозяйства в специалистах на много лет вперед по всем отраслям. Только за пять последних лет в учебных организациях ДОСААФ получили специальности около 8 миллионов человек, из них почти 3 миллиона — жители села. Исходя из интересов дальнейшего развития народного хозяйства страны и ее обороноспособности, в ближайшие годы в организациях ДОСААФ планируется увеличить подготовку специалистов по некоторым профилям почти вдвое.

Но все же мне хочется еще раз подчеркнуть, что вся эта работа имеет огромное оборонное значение, так как главный ее результат — подготовка умелых защитников Родины.

— А как ДОСААФ влияет на развитие военно-технических видов спорта?

— На этот вопрос, мне думается, лучше отвечать языком цифр, как самым красноречивым. Так вот, в системе оборонного общества работают 16 спортивных федераций, которые организуют работу по каждому из военно-технических видов спорта. Сейчас спортивно-технические клубы имеются в двух тысячах трехстах районах страны. Кроме того, свыше 4000 спортивно-технических клубов создано при первичных организациях общества.

Спортивная работа ведется и в 40 детско-юношеских спортивно-техниче-

шли 21 миллион человек, то на VI спартакиаде, посвященной 30-летию Великой Победы, их было более 40 миллионов.

За последние годы многие наши спортсмены успешно выступили в международных соревнованиях, завоевав в 1972—1975 годах 911 золотых, 498 серебряных и 379 бронзовых медалей. За этот же период установлено 819 всесоюзных рекордов по военно-техническим видам спорта, из которых более 400 превышают мировые достижения. Абсолютными чемпионами мира стали наши летчики Лидия Леонова и Виктор Лецко, парашютисты Валентина Закорецкая и Григорий Сурабко.

С 1972 по 1975 год в организациях ДОСААФ подготовлено 12 миллионов спортсменов-разрядников, в том числе 6759 мастеров спорта СССР, 331 мастер спорта международного класса, 172 тысячи кандидатов в мастера спорта и спортсменов первого разряда.

Думаю, нет необходимости доказывать, как нужны военно-технические виды спорта для воспитания будущих защитников Родины. Полученные ими знания и навыки, приобретенные волевые качества намного сокращают сроки становления их как солдат.

— Александр Иванович, каждый юбилей — это не только подведение итогов многолетней работы, но и взгляд в будущее. Что волнует сегодня активистов ДОСААФ?

— Одна из проблем — пути повышения активности первичных организаций. Именно там, где учатся или трудятся члены общества, должна быть развернута эффективная оборонная работа — в кружках и секциях, лекториях и клубах. В этом мы вправе рассчитывать на помощь комсомольских организаций, которые должны быть кровно заинтересованы в приобщении молодежи к изучению военного дела.

Мы считаем, что каждому комсомольцу необходимо овладеть как минимум одной из военно-технических специальностей, уметь метко стрелять, ориентироваться на местности, метать гра-

не всегда все это в полной мере используется. Тут вина не только руководителей районных, учебных и первичных организаций ДОСААФ, но и ряда комсомольских, профсоюзных организаций, без поддержки которых нам работать трудно. Очень важно привлечь комсомольцев, молодежь к перестройке устаревших учебных баз, их усовершенствованию. Сошлюсь на положительный пример такой работы.

В 1973—1975 годах на Украине по инициативе донецких комсомольцев была проведена комсомольско-молодежная трехлетка, в ходе которой юноши и девушки безвозмездно отработали на объектах ДОСААФ свыше двух миллионов человеко-дней. В результате были открыты 28 домов военно-технического обучения, более тысячи стрелковых тиров, 79 автодромов и много других сооружений. Подобная работа проводится молодежью Белоруссии, ряда краев и областей Российской Федерации. Развивать материально-техническую базу ДОСААФ необходимо. Ведь тем самым мы способствуем профориентации молодежи, отвлекаем подростков от улицы, прививаем им технические навыки, которые впоследствии пригодятся молодым людям на производстве.

Думаю, что эти вопросы будут подняты на предстоящем VIII Всесоюзном съезде ДОСААФ.

— Большая работа организациями ДОСААФ ведется среди молодежи. А молодежь пойдет не за каждым, важно, чтобы она в своих руководителях видела подлинных наставников...

— Поскольку ДОСААФ призвано воспитывать будущих солдат, защитников Родины, о чем мы сегодня уже довольно много говорили, то вполне понятно, что мы стремимся доверить это дело людям, имеющим военный опыт, знающим технику и умеющим находить общий язык с молодежью. Среди руководителей оборонного общества много бывших воинов, начинавших свою взрослую биографию с кружков Осоавиахима. Так,

например, довольно крупную, имеющую прекрасные традиции первичную организацию ДОСААФ Тульского оружейного завода возглавляет А. Рогожин. До войны он окончил аэроклуб, затем мужественно сражался с фашистами и вернулся на родной завод Героем Советского Союза. А областную Тульскую организацию возглавляет Герой Советского Союза Л. Тихмянов, бывший артиллерист, чье имя носит одна из высот на Витебщине. Председателем Башкирского обкома ДОСААФ вот уже много лет работает бывший осовавиахимовец, дважды Герой Советского Союза М. Гареев.

Таких людей я мог бы назвать немало. Но, знаете, хотя и поется «Не стареют души ветераны», время не проходит бесследно, и представителям старой гвардии все в большей степени нужна в их патриотической работе помощь молодых людей. Такая практика есть. На руководящую работу в организации оборонного общества довольно часто приходят бывшие комсомольские работники. Опыт показывает, что многие из них со временем становятся достойной сменой ветеранам в их многотрудной работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Тут сказывается комсомольская закалка, организаторский опыт.

В заключение нашей беседы хочу отметить, что оборонное общество направляет все свои усилия на неуклонное выполнение решений XXV съезда партии. Это твердая гарантия того, что деятельность оборонного общества будет и впредь образцом нерушимого единства армии и народа, проявлением всенародной заботы об укреплении обороноспособности нашей Родины.

— Александр Иванович, разрешите от имени читателей журнала «Смена», многие из которых являются активистами оборонного общества, поздравить ветеранов ДОСААФ и вас лично с юбилеем и пожелать вам еще более высоких результатов в вашей трудной, но благородной работе.

— Благодарю.

ских школах. В результате более 20 миллионов юношей и девушек занимаются моделизмом, самолетным, вертолетным, парашютным, автомобильным, мотоциклетным, радио, подводным, водномоторным, стрелковым и другими видами спорта.

Немалое значение для развития военно-технических видов спорта имеют соревнования и спартакиады; они в огромной степени способствуют повышению мастерства спортсменов, развитию массовости нашего спортивного движения. Если, к примеру, на старты V Всесоюзной спартакиады народов СССР по военно-техническим видам спорта вы-

КРОМЕ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ, ЭТОТ ВИД СПОРТА ТРЕБУЕТ ГЛУБОКИХ ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.

ВОЗМОЖНО, ЭТИМ РЕБЯТАМ В АРМИИ ПРЕДСТОИТ РАБОТА ВОДОЛАЗОВ.

нату, укладываться в нормативы на кроссах.

Я уже упоминал о том, что ДОСААФ располагает необходимой техникой, оружием, снаряжением, учебными классами, тирами. Однако жаль, что далеко

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ля того, чтобы понятно было, о чем я намерен рассказать, мне придется поделиться своими взглядами на состояние современной науки, в частности литературоведения.

Как-то один зарубежный физик подсчитал, что число публикаций в его отрасли знания удваивается каждые двенадцать лет. Соответственно сужается возможность каждого конкретного специалиста быть в курсе того, что происходит в смежных науках или разделах той же науки. И тут уже не помогают ни реферативные сборники, ни информационные бюллетени, ни международные симпозиумы.

Такая картина характерна не только для физики, но и для литературоведения. Недавно мне пришлось беседовать с молодым кандидатом наук, посвятившим себя исследованию творчества поэта Никитина. В ходе беседы я был неприятно поражен тем, что он не знает, в каком году родился Помяловский, и глубоко убежден в том, что «Франкенштейна» написал поэт Шелли.

Мой молодой коллега, не будучи оправдан, может быть понят, — ведь он день за днем проследивает жизнь и творчество своего «изучаемого» и тратит годы на полемику со своими оппонентами, публикуя обширные исследования о Никитине, которые надо хотя бы прочесть.

Я предвижу, что через несколько лет появятся специалисты по младенческим годам Пушкина, семейным отношениям Некрасова, стилистике первой главы «Тили Уленшпигеля» и так далее.

Подобные тенденции меня тревожат, хотя, к сожалению, альтернативы им придумать я не могу. Исторический процесс объективен, хотя и не всегда приемлем.

Теперь, познакомив вас со своим *сredo*, я расскажу конкретный случай, который наглядно иллюстрирует вышеизложенное.

Морис Иванович Долинин — младший научный сотрудник на кафедре, которую я имею честь возглавлять. Это приятный молодой человек, к тридцати пяти годам несколько располневший от сидячего образа жизни, голубоглазый и румяный, любящий наших аспирантов и гардеробщиц. К его положительным качествам относятся, в частности, преданность изучаемому им Александру Сергеевичу Пушкину. Еще в средней школе Морис поставил себе целью выучить наизусть все написанное великим поэтом, и следует признать, что в этом он преуспел, хоть и путает порой порядок абзачев в «Истории Петра Великого». Кандидатскую диссертацию он писал по истории создания «Маленьких трагедий» — казалось бы, давно изученных вдоль и поперек. Однако Морису удалось сделать несколько небольших открытий и совершенно по-новому связать образ Скупого рыцаря с жившим в XVI веке в Аугсбурге бароном Конрадом Цу Хиденом.

Следует сказать также, что Морис, будучи влюбчив, до сих пор не женат. Причину этому я усматриваю в душевной травме, полученной им на первом курсе университета в очаровательных коготках Инессы Редькиной, ныне, в третьем браке, Водовозовой. Мое знание прошлого Мориса объясняется просто: я преподавал на его курсе и был осведомлен о драмах и трагикомедиях, кипящих в студенческой среде.

Последние семь лет мы работали рядом, Морис был со мной откровенен, делился не только научными планами, но и событиями личной жизни. Его откровенность и вовлекла меня в переживания, равных которым мне переносить не приходилось.

— Уж не влюбились ли вы, голубчик? — спросил я как-то Мориса, обратив внимание на то, что он три дня подряд приходил на работу в новых, чрезмерно ярких галстуках и сверкающих ботинках.

— Нет, что вы! Этого со мной не случится! — ответил он с таким скорбным неодобрением, что я уверился в своей правоте.

Я полагал, что вскоре он сам во всем покается. В драматический момент разломки или, наоборот, когда счастье переполнит его и хлестнет через край. Дело было летом, я как раз собирался в отпуск, мы засели на кафедре по какому-то пустяковому вопросу, хотя следовало бы поехать всем на речку купаться. Я попросил Мориса набросать проспект статьи, которую он намеревался предложить в сборник. Морис долго мусолил ручку, смотрел в потолок и вообще думал не о проспекте. В конце концов он взял себя в руки и изобразил несколько строчек. После чего вновь ушел в сладкие мысли. Получив набросок проспекта, я обнаружил там несколько раз повторяющееся на полях имя Наташа, а также курносый профиль, выполненный немастерской рукой.

После заседания я не удержался и спросил Мориса:

— Вы намерены посвятить свою статью Наташе? Мы напишем просто: «Наташе посвящается» или более официально?

— Я вас не понимаю! — взвился Морис, словно я собирался похитить эту Наташу.

Я показал ему злосчастный проспект. И представляете, он на меня смертельно обиделся. На два дня.

Затем в его отношениях с Наташей наступил какой-то кризис. Он потерял аппетит и перестал чистить ботинки. Без сомнения, он был глубоко травмирован каким-то пустяковым словом или подозрением.

Я спросил его.

— Вы чем-то расстроены?

— Вам не понять, — сказал Морис с таким видом, словно в мои времена отношения с возлюбленными бывали только безоблачными.

— Разумеется, — согласился я. — А все-таки?

— Мы расстались, — сказал он. — И навсегда.

— Жаль. А я думал, что вы ее любите.

Вдруг его прорвало.

— Я так больше не могу! — прошипел он трагическим шепотом, который был слышен в соседних коридорах. — Я этого не перенесу.

Я не ручаюсь за точную форму его монолога, но суть его заключалась в том, что в сердце моего коллеги вкралось подозрение, любит его или — о, непереносимая альтернатива! — не любит.

Основанием к подобным мыслям послужило увлечение Наташи сбором шампиньонов. Вы бы послушали, как Морис произносил слово «шампиньон» — оно звучало, словно имя презренного выроodka из захудалого французского графского рода. По словам Наташи, шампиньоны можно собирать в Москве, где они благополучно произрастают в некоторых скверах, парках и на бульварах. Только надо знать места. У Наташи был излюбленный парк, где-то неподалеку от метро «Сокол». Она делила это месторождение с несколькими местными пенсионерами, которые выбирались на заветную площадку с рассветом. А позже приходила Наташа, которой тоже хватало грибов, особенно если погода благоприятствовала. Почему-то Мориса Наташа в свои походы брать отказывалась, чем вызвала в нем дурацкое подозрение, что она там бывает не одна, а может, вообще на поляну не ходит, покупая специально, чтобы ввести его в заблуждение, корзиночку шампиньонов на рынке. Как только Морис свои подозрения высказал вслух, Наташа обиделась. А там, слово за слово, — и разрыв.

— Вы неправы, — сказал я Морису, когда он завершил свою сбивчивую исповедь.

— Конечно. Но все-таки...

— Вам надо пойти и извиниться...

— Разумеется. Но тем не менее...

— Кстати, когда я в начале тридцатых годов ухаживал за Машенькой, то однажды увидел ее на улице с джозим рабфаковцем. Две недели мы не разговаривали. Потом выяснилось, что рабфаковец — ее двоюродный брат Коля, мильейший человек, мы до сих пор дружим домами.

Он уже открыл рот, чтобы ответить мне: «При чем тут Коля!», — но сдержался, махнул рукой и ушел.

Я был глубоко убежден, что конфликт изживет себя дня через два. Ничего подобного. Дни проходили, а Морис был так же мрачен и одинок. Нелепо, разумеется, разрушать собственное счастье из-за корзинки с шампиньонами, но люди гибли и по более ничтожным причинам.

Через неделю, утром, часов в девять, я, позавтракав, направился к письменному столу, и вдруг в кабинете зазвонил телефон. Что-то кольнуло меня в сердце — бывает же, самый обыкновенный звонок покажется каким-то особенно тревожным...

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте. Это я, Морис. Случилось нечто невероятное. Мне нужно вас срочно увидеть.

— Вы где?

— Недалеко от метро «Сокол». Я могу быть у вас через полчаса...

Голос Мориса срывался, словно он только что пробежал три километра и не успел восстановить дыхание.

— Я вас жду.

Повесив трубку, я сразу вспомнил, что тот злополучный шампиньонный сквер расположен по соседству с метро «Сокол», и тут же мне представилось, что Морис решил выследить неверную и неудачно встретился со счастливым соперником.

Я почти угадал.

Морис ворвался ко мне через двадцать минут. Он был встрепан, взволнован, удручен, но, к счастью, невредим.

Он тут же начал говорить, бегая по кабинету и угрожая всяким хрупким вещам.

— Да, — гремел он. — Я виноват. Я не выдержал. Я следил за ней. Я решил раз и навсегда положить конец сомнениям.

Он посмотрел на меня с вызовом, ожидая немедленного осуждения. Ну, что ж, я пойду тебе навстречу.

— Никогда не поверю, — сказал я менторским голосом, — чтобы вы могли опуститься до безжалостной слежки за женщиной, которую вы любите и хотя бы потому должны уважать.

— Да! — обрадовался Морис. — Я вас понимаю. То же самое я сам себе говорил. Я проклинал себя, но по вечерам дежурил у ее подъезда, а по утрам ждал, не выйдет ли она из дома с пустой корзинкой. Мне стыдно, но и Отелло стыдился, подняв руку на Дездемону.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Сравнение было рискованным, но моей улыбки Морис не заметил. Он сделал трагический жест, свалил со стола стопку бумаг и продолжал монолог, сидя на корточках и собирая листья с пола:

— Я не прошу снисхождения и не за тем к вам пришел. Но сегодня утром, в семь часов десять минут, она вышла из дома с корзинкой и пошла к тому скверу. На краю парка, за фонтаном, есть поляна. Почти открытая. Только кое-где большие деревья. Там как раз какое-то строительство начинается—столбы врыли, будут огораживать. Не самое лучшее место для грибов. Вы меня понимаете?

— Пока что ничего непонятного вы сказать не успели.

— Вот до этой поляны я ее и проводил. Только я не приближался. Представьте, если бы она обернулась!

— Не дай бог,— сказал я.

— Так вот, она вышла на поляну и начала по ней бродить. Ходит, нагибается, что-то подбирает, а я стою за большим деревом и жду.

— Чего? Самое время выйти из укрытия, обратиться к ней и сказать, что виноваты, раскаиваетесь и больше никогда не будете.

— Я хотел так сделать. Но меня удерживал стыд... и подозрения.

— Какие еще подозрения?

— А вдруг она, набрав грибов, пойдет к нему на свидание? Или он сейчас выйдет...

— Убедительно,— сказал я.— Очевидно, я вижу перед собой настоящего рыцаря и джентльмена.

— Ах, оставьте,— ответил Морис в лучших традициях литературы прошлого века.— Сейчас все это уже неважно. Важно то, что, пока я смотрел на Наташу, она исчезла. Представляете? Только что была посреди поляны и вдруг исчезла. Я глазам своим не поверил. Что вы на это скажете?

— Пока ничего.

— Я обошел всю поляну, выскочил на улицу—пусто. Вернулся в парк, заглядывал в кусты, чуть ли не под скамейки. Нигде ее нет. Вернулся на поляну и остановился примерно там, где видел Наташу в последний момент. И вдруг слышу ее голос:

— Морис, что ты тут делаешь?

Она стоит совсем рядом, в трех шагах, с корзинкой в руке.

— И в корзинке грибы?

— Почти полная.

— Ну и что дальше?

— Я сказал ей: «Тебя жду».

— Чего не позвал?— отвечает она.— Смотри, сколько я набрала.

— А где же ты была?— спрашиваю.

— Здесь.

— Как здесь? Я уже полчаса здесь стою, а тебя не было.

— А где же я еще могла грибы собирать? Не на мостовой же!

Морис замолк.

— В конце концов она обиделась на вас и ушла?— предположил я.

Я вспомнил, что обещал к обеду закончить статью, а рассказ Мориса явно затягивался.

— Ушла,— согласился Морис.— Но не в этом дело.

— В чем же?

— Понимаете, я подумал: здесь какая-то тайна. То Наташа была, то ее не было.

Как будто в дырку проваливалась. И в таком я был состоянии духа, что мне захотелось эту дырку найти. Я дошел до той точки, где исчезла и появилась Наташа. А там такая небольшая низинка...

«Господи,— подумал я,— его ничем не остановишь. Неужели и я, когда был влюблен, становился столь же зануден и велеречив?»

— Однако ничего я там не обнаружил—лишь трава была утоптана. И я медленно пошел дальше, глядя по сторонам... И тут я увидел шампиньон!

— Вот и отлично,— сказал я и посмотрел на часы, что не произвело на рассказчика никакого впечатления.

— И вообще на той поляне оказалось много шампиньонов, я даже удивился, что раньше их не заметил. А пока я там бродил, то и решил, что нельзя с таким недоверием относиться к Наташе. Нет, подумал я, надо попросить у нее прощения...

Пауза. На минуту, не меньше. Я терпеливо ждал. Сейчас должен появиться

таинственный разлучник либо должна возвратиться Наташа, подбежать сзади, ласково закрыть ему глаза ладонями и спросить: «Угадай, кто?».

— И в этот момент,—продолжил он, наконец,—я понял, что на поляне нет столбов для забора. Только ямы.

— Какие еще ямы?

— Ямы для столбов. Ямы для столбов, понимаете, были, а сами столбы лежали на земле. Вот, подумал я, и галлюцинации начинаются. Тогда я ушел из парка. И пошел к остановке сто второго троллейбуса.

«Кажется, рассказ подходит к концу»,—с облегчением подумал я.

— Но там не было остановки сто второго троллейбуса, потому что там была остановка автобуса «Б», хотя такого автобуса в Москве нет. Я был в смятении и даже не удивился, а подошел к стоявшей там женщине и спросил: «А где останавливается сто второй троллейбус?» А она ответила, что не знает. «Как так?»—спросил я.—Ведь я только полчаса назад на нем сюда приехал. Вы, наверное, не здешняя?» Она возмущенно на меня поглядела — и ни слова в ответ. Ладно, думаю, схожу с ума. Лучше, чтобы об этом никто пока не знал. И как ни в чем не бывало спросил: «Как доехать до метро «Аэропорт?»» — «До метро «Аэровокзал»? Садитесь на автобус, сойдете через шесть остановок». Вы что-нибудь понимаете?

— Понимаю,—сказал я.—Сейчас вы мне расскажете, как проснулись и решили поведать свой сон любимому учителю.

— Ни в коем случае!—воскликнул Морис.—Это был не сон.

И в доказательство своей правоты он основательно грохнул кулаком по письменному столу. Я поймал на лету телефон. В литературе зафиксированы различные формы любовного помешательства. У многих народов любовная одержимость считалась вполне допустимым и никак не позорным заболеванием.

— Так слушайте дальше! Когда автобус подошел к метро и я увидел над входом выложенную золотыми буквами надпись «Аэровокзал», я понял, что не ошибся в своем диагнозе. Я спятил. Я старался глубоко дышать и думать о посторонних вещах. Спустился вниз, подошел к контролю, нашел в кармане пятак и опустил его в автомат, но он застрял в щели. Дежурная спросила у меня, в чем дело. Покажите, мол, мне ваш пятак. Я показываю, а она говорит, что он желтый! Пятаки, дескать, должны быть белые, а он желтый. И показывает мне тонкий пятак из белого металла. И смотрит на меня так, словно я этот пятак сам изготовил. Я покорно поднялся на улицу. И знаете, чем больше я глядел вокруг, тем более меня поразило несоответствие деталей. Именно деталей. В целом все было нормально, но детали никуда не годились. Человек читает газету, а название у нее не в левом верхнем углу, а в правом нижнем, трамвай не желто-красный, а зеленый — и так далее...

Я молчал. Морис казался нормальным. Даже следы волнения, столь очевидные в начале его рассказа, исчезли. Он даже забыл о своей возлюбленной. Это не Меджун, это просто очень удивленный человек.

— И тогда я допустил в качестве рабочей гипотезы, что попал в параллельный мир. Вы читали о параллельных мирах?

— Не читаю фантастики,—ответил я, излишней категоричностью выдавая себя с головой, ибо как бы мог я узнать о параллельных мирах, не читая этой самой фантастики?

— Ну все равно знаете,—сказал Морис.—И эта версия полностью оправдывала Наташу. Она, как и другие грибки, бродила по поляне, ступала в эту низинку, которая каким-то образом оказалась местом перехода из мира в мир, попадала туда и как ни в чем не бывало продолжала свою охоту. А может быть, грибки знают о свойствах этого места и пользуются им сознательно, не придавая тому большого значения...

Тут он замолчал, подумал и добавил:

— А может, кто-нибудь из них и остался в параллельном мире.

— Ну да, вернулся домой и встретил самого себя,—заметил я. Но Морис меня не слушал.

— Так вот, осознав, что произошло со мной, я пришел к неожиданному выводу: если в параллельном мире есть отличия от нашего, то они могут распространяться и в прошлое. Я же ученый. Куда мне следует направиться?

— К памятнику Пушкину,—пошутил я.

— Вы почти угадали. Только, разумеется, не к памятнику, он мне не даст нужной информации, а в Пушкинский музей. Я остановил такси и велел ехать на Кропоткинскую. Я продолжал размышлять. А вдруг Пушкин избежал дуэли в 1837 году? И прожил еще десять, двадцать, тридцать лет, создал неизвестные нам гениальные произведения? Все более волнуясь от предстоящей встречи с великим поэтом, я спросил таксиста, в каком году умер Пушкин. Не помню, сказал таксист, давно, больше ста лет назад. Шофер был пожимал флегматичным толстяком, его совершенно не интересовала поэзия. Но в его словах звучала надежда. Больше ста лет — это семидесятые годы прошлого века. Такси еще не успело остановиться у музея, как я выскочил из машины и сунул шоферу два рубля. К моему счастью, он, не глядя, сунул их в карман. Я подбежал к дверям в Пушкинский музей, и вы не представляете!

Морис обижено посмотрел на меня.

— О ужас! — произнес он тоном страдающего Вертера. — Это был не Пушкинский музей! Я стоял как громом пораженный. Тут дверь открылась, и из дверей вышел старик. «Простите,—бросился я к нему.—Где же Пушкинский музей?» А он отвечает: «По-моему, в Москве такого нет. Только в Кишиневе». «Так почему же?» «Вы правы,—ответил старик,—этот замечательный поэт заслуживает того, чтобы в Москве был музей его имени. Его ранняя смерть не дала полностью раскрыться его могучему дарованию...»

«Ранняя смерть!» — кричу я. — Ранняя смерть! В каком году умер Пушкин? «Он погиб на дуэли в Кишиневе в начале двадцатых годов прошлого века», — отвечает мне старик и уходит. У меня руки опустились, и я понял: больше мне там делать нечего. Скорее домой! У нас он прожил почти сорок лет. Ведь если я по какой-то глупейшей случайности останусь там, то я никогда и никому не докажу, что Пушкин написал «Маленькие трагедии» и «Евгения Онегина»!

— А может, стоило вам остаться,—возразил я.—Вы бы заявили, что обнаружили их на чердаке, и вам бы цены не было.

— А потом бы меня разоблачили как мистификатора,—серьезно сказал Морис.—Кстати, мое приключение чуть было не закончилось трагически.

— То есть как?!

— У меня оставалось пять рублей. Одной бумажкой. Я поймал такси, вернулся к парку, протянул пятерку шоферу и, думая совсем о другом, попросил у него сдачи.

— Ты чего мне суешь? — спросил шофер.

— Деньги,—говорю я,—три рубля сдачи, пожалуйста.

А сам уж открыл дверцу, чтобы выйти.

— Где же это ты раздобыл такие деньги? — спросил шофер злое.

И тут только до меня дошел весь ужас моего положения. Еще секунда, и я

навсегда — пленник мира, где не знают зрелого Пушкина! Я стрелой вылетел из машины и бросился к поляне, слыша, как сзади топочет шофер. Я первым успел к ложбинке, и стоило мне пробежать ее, как вокруг послышались голоса — рабочие сколачивали забор. А ведь за секунду до того на поляне никого не было.

— Стой! — закричал шофер, пролетая вслед за мной в наш мир. И крепко вцепился в меня обеими руками.

Но я уже был в безопасности. Я спокойно обернулся и спросил:

— В чем дело, товарищ водитель?

— А в том дело,—он потрясал моей пятеркой, как плеткой,—что мне фальшивые деньги не нужны!

— Фальшивые? Минуточку. Пошли к людям, разберемся.

И говорил я так уверенно, что он послушно отправился за мной к плотникам, которые с интересом наблюдали за нами. Ни с того ни с сего на поляне возникают два незнакомых человека и вступают в конфликт.

Я взял у шофера пятерку, протянул ее рабочим и спросил:

— Скажите мне, пожалуйста, что это такое?

— Деньги,—сказал один из них.—А чего?

— А того,—закричал шофер,—что таких денег не бывает!

— А какие же бывают?

Тут шофер вытащил из кармана целую кучу денег. Очень похожих на наши, только других цветов. Пятерка, например, там розовая, а три рубля — желтые.

Плотники смотрели на шофера, буквально выпучив глаза. Один из них достал пятерку и показал шоферу.

— А у меня тоже не деньги? — спросил он с некоторой угрозой в голосе.

— Да гони ты его отсюда,—сказал второй плотник.—Может, шпион какой-нибудь или спекулянт-валютчик.

— Какой я шпион! — возмутился шофер.—Вон моя машина стоит, из третьего парка.

И показал, где должна была бы стоять его машина. Сами понимаете, никакой машины там не было.

— Ой! — сказал шофер.—Угнали!

И попытался броситься к тротуару напрямик. Мне стоило немалых усилий перехватить его так, чтобы провести сквозь ложбинку. И он благополучно исчез...

Я набил трубку, раскурил.

— Спасибо за увлекательный рассказ.

— Вы мне не верите? Вы полагаете, что я обманул вас?

— Нет, вам никогда такого не придумать.

— Тогда я пошел.

— Куда?

— К Наташе. Я ей все расскажу. У меня такое облегчение! Жалко, что его убили молодым. Представляете себе, целый мир, не знающий зрелого Пушкина!

— Все на свете компенсируется,—сказал я.—Не было Пушкина, был кто-то другой.

— Конечно,—сказал Морис, продвигаясь к двери. Он уже предвкушал, как ворвется к Наташе и начнет плести любовную чепуху.

— Да,—повторил я,—должна быть компенсация... Кстати, Морис, а тот дом, в который вы приехали, я имею в виду Пушкинский музей, в нем что?

— Тоже музей.

— Какой же?

— Музей Лермонтова,—сказал Морис.—Ну, я пошел.

— Лермонтова? А разве нельзя допустить...

— Чего же допускать,—сносительно улыбаясь мой молодой коллега.—Там написано: «Музей М. Ю. Лермонтова. 1814—1879».

— Что? — воскликнул я.—И вы даже не заглянули внутрь?

— Я — пушкинист,—ответил Морис с идиотским чувством превосходства.—Я пушкинист, и этим все сказано».

— Вы не пушкинист! — завопил я.—Вы лошадь в шорах!

— Почему в шорах? — удивился Морис.

— Вы же сами только что выражали сочувствие миру, лишенному «Евгения Онегина». Неужели вы не поняли, что обратное также действительно? Верных пятьдесят лет творил второй русский гений — Лермонтов? Вы можете себе представить...

Но этот утюг остался на своих бетонных позициях.

— С точки зрения литературоведения,—напыщенно заявил мой пушкинист,—масштабы гения Пушкина и Лермонтова несопоставимы. С таким же успехом мы могли бы...

— Остановись, безумный,—прорычал я.—Я тебя выгоню с работы! Ты недостойн звания ученого! Единственное возможное спасение для тебя — отвести меня немедленно в тот мир! Немедленно!

— Понимаете,—начал мямлить он,—я собирался поехать к Наташе...

— С Наташей я поговорю сам. И не сомневаюсь, что она немедленно откажется общаться со столь ничтожным субъектом. А ну, веди!

Наверно, я был страшен. Морис скинул и покорно ждал, пока я метался по кабинету в поисках золотых записок, которые я рассчитывал обменять в том мире на полное собрание сочинений Михаила Юрьевича.

Когда мы выскочили из машины у парка, было уже около двенадцати. Морис подавленно молчал. Видно, до него дошел весь ужас его преступления перед мировой литературой.

Поляна уже была обнесена забором, и плотники прибывали к нему последние планки. Не без труда нам удалось проникнуть на территорию строительства.

— Где? — спросил я Мориса.

Он стоял в полной растерянности. По несчастливому стечению обстоятельств, строители успели свалить на поляну несколько грузовиков с бетонными плитами. Рядом с ними, срезая дерн, трудился бульдозер.

— Где-то... — сказал Морис,—где-то, очевидно...

Он прошлепал за бульдозером, неуверенно остановился в одном месте, потом вернулся к плитам.

— Нет,—сказал он,—не представляю... Тут ложбинка была.

— Чем помочь? — спросил бульдозерист, обернувшись к нам.

— Тут ложбинка была,—сказал я тупо.

— Была, да сплыла,—сказал бульдозерист.—А будет кафе-закусочная на двести мест. Потеряли чего?

— Да,—сказал я.—А скажите, у вас ничего здесь не проваливалось?

— Еще чего не хватало! — засмеялся бульдозерист.—Если бы моя машина провалилась, большой бы шум произошел.

Ничего мы, конечно, не нашли.

Надо добавить, что через два месяца Морис женился на Наташе.

Морису я, безусловно, верю. Все, что он рассказал, имело место. Но прежней теплоты в наших отношениях нет.

ПЯТЫЙ ЛЕБЕДЕЦ

Геологам Севера посвящая

Снова я здесь, на Севере. Опять моросит блаженный дождик на Койде — мошка пропала, и, кажется, ничто не мешает тебе приблизиться к великой тайне природы, тайне, которой нет... Утром мы сядем в лодку и вечером приплывем в поселок. Снова будут встречи с ихтиологами, лесным дозором, рыбаками... Здесь, вдыхая могучую свежесть лесов, человек укрепляет свою веру в здоровое будущее Земли.

На камни лодку понесло.
Уперлось в дно мое весло.
Прошли падун!.. Весла кусок
я выбросить не смог.

— Друг, мои пальцы разожми.
И пальцы он разжал мои.
О чем подумал — не сказал.
Он и свои разжал...

Погасло солнце за рекой.
Последний отблеск золотой
отчаянно пропал вдали.
Мы в озеро вошли.

Елдома — озеро смгов.
Цветы плавающих берегов
и кланы белых лебедей
не видели людей.

Болела голова — цвели
цветы таинственной земли.
И унижали ум слова.
Болела голова.

Я спал в кошмарах золотых.
Цвели! И не смущало их,
что мимо проплываешь ты.
Не для того цветы.

На берегу был дом пустой.
И я, охваченный тоской,
там на крыльце сидел.
В пустую даль глядел.

Ночь белая смущала ум.
Я слышал крыльев мощный шум,
и отгонял мой сон
гортаней дикий звон!

Там плавали пять лебедей.
Как я любил тогда людей,
как им прощать удел.
Шестой не долетел...

Две белых свадьбы — на волне.
А пятый плавал в стороне.
Тянулся над водою дым,
он стать хотел шестым!

И пятый полетел к нему,
и обманул он в дыму.
И с криком бросился в туман.
Обман! Опять обман.

Он небо крыльями подмел.
И куст черемухи расцвел
на дальнем берегу...
Так верить я могу!

Он подлетел и видит куст.
Шестого нет, и воздух пуст.
Обман, опять обман,
дым, куст или туман.

Шестого не было нигде.
По сонно-голубой воде
скользил тоскливый крик.
А я уже привык...

На свете кто не одиночек?
Цвели болиголов и дрок.
Вдали шумел большой порог.
Я вытряхнул мешок.

И ветер в сторону берез
от сухарей труху понес.
Дороги нет! Зарубок нет!
И только лося след.

Определялись по следам,
по муравьиным городам.
Они всегда глядят на юг,
и мы брели на юг.

Как перед севером сосна,
душа к тебе обращена,
но стужей дышишь ты в лицо,
и воешь мне в лицо!

О чем я говорил с тобой?
И мрака нет во тьме ночной!
И не яснее свет,
когда дороги нет.

Мы шли одиннадцать часов,
распугивая белых сов.
Мы путались в сухих ветвях,
и ноги путал страх.

Мы перешли Кулойский вал.
Над тундрой ветер тучи гнал.
И на холме вокруг креста
гудела пустота.

Упали в мокрую траву.
Когда я потерял тропу?
И свой в траве услышал бред:
— Давно! Во цвете лет.

Томил унылый блеск воды.
Какие райские сады
забили слух, украли взгляд?
Назад, назад, назад...

И стали школьные друзья
в березах окликать меня,
поплыли лица по кустам...
Мешок упал к ногам.

Товарищ крикнул мне: «Лови!»
Как бы во сне или вдали —
мешок я не схватил.
Он по ручью поплыл.

Вонзился в просеку простор!
И хлынул в школьный коридор...
Я вспомнил! В этот день и час
решил собраться класс.

Какие грустные места!
Вокруг поморского креста
мерцала водяная пыль.
Цвела на ветках гниль.

О чем же я? Намокла соль.
В боку опять взбесилась боль.
Я зачерпнул воды в ладонь
и проглотил огонь.

От боли рвало пустотой.
Зарубки затекли смолой.
И язве шел от них приказ:
стянуться хоть на час!

Свои следы искали мы,
и сдавливали грудь холмы.
Вдруг я услышал детский хор
в распадке диких гор.

Меня встряхнул товарищ: «Эй!»
Звенели крики лебедей.
В холодном небе пел детдом
о городе родном.

В детдоме я горнистом был.
Но я уже тогда любил
за солнцем гаснущим следить,
в ночных полях бродить.

Синела за холмом вода.
Опять! Вернулись мы сюда.
Нас крики лебедей спасли.
Мы к озеру пришли.

Помог найти дорогу крик.
И пятый надо мной возник.
Шестого он еще искал.
Он верить не устал!

От боли рвало пустотой,
и лебедь мучал высотой,
один — летел с других озер.
Я думал, это хор.

Я больше верить не хотел,
что боль — избранных удел,
что метит бог не наугад.
На ватник падал град...

Мы перемазались в золе.
Под пленкой на сырой земле
от боли извивался я,
как под ногой змея.

И мрака нету в темноте!
И боли нет моей в тебе!
Я видел в небе тайный свет,
но тайны в небе нет!

Елена, ты простишь меня.
Но не было счастливее дня,
и ночи не было такой,
и не было другой.

Товарищ мой нашел тропу!
Окурок он держал во рту.
Окурок он нашел в траве.
Теперь мы на тропе!

И затянулись мы трухой.
Не докурил ее лихой
сын северной земли.
Виденья потекли...

Я видел сына своего.
И непреклонный взгляд его
смотрел из синей бездны дня...
Нет сына у меня!

Наш дом под тополем стоял.
Открылась дверь. Отец сказал:
— Иначе ты задуман был...
В былое дом уплыл.

Война не кончилась. Отец
вернулся белый как мертвец.
По возрасту списали. Он
был жизнью награжден.

Вороны каркали с берез.
— Отцу повестку не принес? —
так почтальона я встречал.
Он головой качал.

И почтальона я просил:
— Скорей повестку приноси,
а то закончится война.
Отцу медаль нужна.

Ждал почтальона у крыльца.
Больного старого отца
мечтал послать в кровавый дым.
Так был воспитан им!

Тетради проверяла мать,
вдруг лампа начала мигать...
Я затянулся — лес поплыл.
Дым голову кружил.

Сосали клевер. Шли к реке.
Стрекозы мокли на руке.
— Иначе был задуман ты, —
вздых клеверной версты.

Тень тополя по кругу шла.
А буря ветку унесла.
Синела брешь — смотрел в упор
заоблачный простор!

И свет в тени стоял столбом,
и осы вспыхивали в нем.
Сверкало оперенье птиц.
Твой ум не знал границ...

Ты все забыл, себя забыл.
А ты задуман равным был
тем, на кого молился ты.
Молился — с высоты.

Ты шел надежною тропой!
От боли рвало пустотой.
В тоске на пятого глядел.
Ты первым быть хотел.

Однажды станешь ты шестым.
Но белый куст и белый дым
тебя не смогут заменить.
Хотел ты первым быть...

Рисунок Михаила ПАПКОВА

ПАМЯТНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ—
ОДИН ИЗ ВПЕЧАТЛЯЮЩИХ И СИМ-
ВОЛИЧНЫХ МОНУМЕНТОВ ОСТ-
РОВА.

Когда самолет накренился и я увидел этот остров, вскинувшийся из морской глубины, меня поразила несовместимость: голубая, отдающая бирюзой вода и красная, спекшаяся от жары, иссохшая земля в двух шагах от сказочного, но чуждого своей солью моря...

Пролетела, как миг, неделя, заполнив записями страницы блокнота, память—новыми лицами, а сердце—свежими чувствами, и когда самолет вновь накренился, отрываясь от бетонной спины аэродрома, я снова вспомнил свое самое первое впечатление: бескрайняя вода и изнывающая от жажды земля....

Неделя—срок невеликий, но если он до отказа набит выходящей лентой шоссе, бесконечными разговорами, встречами и работой, главное осознать можно. По крайней мере почувствовать. И главное, окольцованное двумя пейзажами с взлетающего и садящегося самолета, внутренне соответствует этим картинам.

ГОРЯЧИЙ ОСТРОВ АФРОДИТЫ

КВАРТАЛЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗДАНИЙ НИКОЗИИ И НЕЛЕГКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ТРУД—ОНИ РЯДОМ, ОНИ СВЯЗАНЫ МЕЖДУ СОБОЙ.

Альберт ПИХАНОВ
Фотокорреспондент

ГЛУБОКО НЕБО, ГОЛУБОЕ МОРЬЕ — СОЛНЕЧНАЯ НАРАДОВАЯ СТРАНА КИПР.

ДЕМОНСТРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ, ТРЕБУЮЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОГО РЕШЕНИЯ КИПРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В РАМКАХ РЕЗОЛЮЦИЙ ООН... ВОТ ОНИ, ЛИЦА МОЛОДЫЕ И ПОЖИЛЫЕ... НАРОД, КОТОРЫЙ БОРЕТСЯ. НАДЕЕТСЯ, ТРЕБУЕТ.

Кипр для меня остался страной щедрой земли, если ей достает пресного питья, и земли горестной, прожженной беспощадным средиземноморским солнцем, страной радости и беды, контрастом молодой улыбки, не знающей горя, и морщин, за которыми не увидишь чувства. Но еще Кипр остался в моем сердце страной борьбы, где зло неуступчиво, как всякое зло, но где добро побеждает, потому что ему бескорыстно и преданно служат горячие и верные рыцари.

Кажется, кто-то из космонавтов сказал примерно так: наша Земля с высоты кажется такой хрупкой и маленькой, что ее становится жаль. И еще: когда видишь планету всю, целиком, понимаешь с особой силой,

как надо беречь Землю, мир и спокойствие на ней.

Это замечание стоит того, чтобы повторять его вновь и вновь.

Снова и снова над ним задумываться.

Мы, спешащие всяк по своим делам—то на работу, то домой, то в кино или к друзьям, слышим пульс планеты как бы опосредованно—по радио, по газете. Далекие беды кажутся порой нереальными, но вот всего три с половиной часа лету—быстрее, чем до Новосибирска!—и ты стоишь у реальной «зеленой полосы», разделившей Кипр на двое, где реют на ветру бело-голубые флаги войск ООН, ты видишь старуху беженку, в глазах которой застыли

ДВОРЕЦ ПРЕЗИДЕНТА, ОГРАДА, ИЗРЕШЕЧЕННАЯ ПУЛЯМИ ПУТЧИСТОВ.

Андреас КАНАКИС,
Кипр

слезы от непоправимой, может быть, беды: пропал без вести ее сын...

Нет, беда и горе вовсе не далеко от нас, хотя и вдали, и горе матери нам близко, и близка борьба, которую ведут достойные сыны этой страны за единство и спокойствие своей родины. А мысль, что наша Земля такая маленькая, такая хрупкая, приходит на ум особенно часто там, на иссушенной солнцем красной земле.

Что нужно этой земле, чтобы стать плодородной? Всего-то навсего воды. Что надо старухе беженке, чтобы высохли ее слезы? Всего-то навсего обнять пропавшего сына. Что нужно народу, уставшему от напряженности и борьбы? Всего-то навсего объединения разрезанной надвое страны. А что надо нашей планете, чтоб быть покойной? Всего-то навсего мира!

Новейшая история творится на наших глазах, при нашем личном соучастии, однако эти слова чаще всего остаются формулой, как бы не «озвученной» и не расцвеченной собственными эмоциями, и когда нам, маленькой советской делегации на Кипре, аплодировали стоя, едва мы появились на пороге небольшой комнаты или огромного зала, наполненного народом, аплодировали и улыбались только за то, что волей рождения мы были советскими, а Советский Союз неуклонно и последовательно поддерживает борьбу киприотов за единую, целостную страну, когда на наши плечи возлагалась добрая слава нашей страны, страдающей маленькому народу, в эти минуты по спине ползли мурашки, и формула личного участия в новейшей истории обрела совершенно конкретное чувство — гордости за себя, потому что ты советский, гордости за страну, потому что она — самая справедливая...

В один из дней, который был свободен от встреч и бесед, мы поехали в горы. Сухая земля сменялась зелеными полями. В одном месте пейзаж был как-то по-особому свеж и прозрачен: вдали поднимались вершины, ветер покачивал отточенные колючки, а между горами и дорогой паслись овцы, возле которых недвижно стоял старик.

Мы остановились. Он словно проснулся, приблизился к нам, заговорил приветливо, и снова мы увидели слезы в глазах: у старика восемь сыновей, двадцать девять внуков, но один сын тоже пропал без вести там, на севере... Старик смахнул слезу, спросил, кто мы, обрадовался и сказал:

— Я верю, что вы нам поможете...

«Я верю...» Эти слова прозвучали в те дни еще раз. Их сказал в своем дворце президент Макариос. Речь шла, в частности, о позиции нашей страны по кипрскому вопросу, о советском предложении созвать в рамках ООН международную конференцию по Кипру.

— Я верю, — сказал президент, — что такая конференция явилась бы весьма положительным фактором в деле поиска справедливого и демократического решения кипрской проблемы...

Тот старик, у подножия гор, был с севера и жил на новой земле вместе со своей старухой. А дню, когда старик, собрав свой скарб, вместе с сыновьями и внуками строился с обжитого места, предшествовали события, взволновавшие мир...

В семьдесят четвертом на Кипре пролилась кровь, произошел антиправительственный переворот, за спиной которого стояла греческая хунта и милитаристские круги НАТО. В Никозии нам показали старый президентский дворец, превращенный в руины, выжженный изнутри пламенем и гранатами, следы танков, намертво впечатанные в асфальт у дворца... Вслед за переворотом свои войска ввела Турция. Кипр оказался разделенным, греки-киприоты двину-

лись на юг, турки-киприоты — на север. Слезами омыты дороги тех и других.

Мы были в лагере беженцев в Никозии. Прошлись по бывшим павильонам международной выставки, разделенным фанерой и досками на маленькие клетушки. Тут еще ничего, рассказывали нам. Многие живут в палатках, и зимой начинаются болезни. Двести тысяч — представьте! — двести тысяч греков-киприотов стали беженцами. В том лагере, в Никозии, — тысяча человек. В семьях от одного до девяти детей. Беженцы получают пособия: восемь кипрских фунтов деньгами и четыре фунта продуктами — более чем скромно...

Политический мир Кипра сложен, как в любой стране Запада. Идет борьба. И величина государства тут ни при чем — накал страстей определяет не территория, а проблемы. Проблемы же Кипра сложны и многообразны.

Взгляните на карту. Остров в Средиземном море. Просто сказать! А что

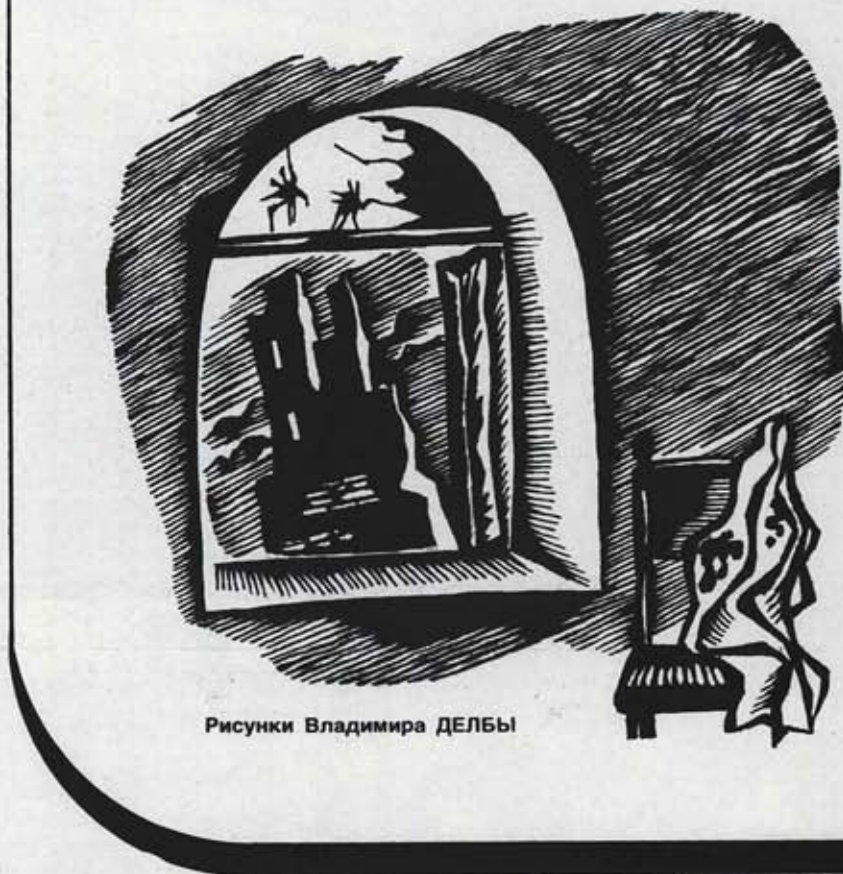
Гвозди

Три гвоздя —
как три черных вопля,
три гвоздя —
как три черных слезы,
три гвоздя —
как три призрака черных —
в его комнате,
на стене.
Сидит перед ними
седая женщина
и не может
оторвать от них глаз.
На первом —
сын ее вешал пиджак,
на втором — рубашку,
на третьем — брюки...
Была неграмотной мать.
Когда принесли известь,
она попросила соседку
его прочитать.
«Ваш сын погиб за Родину...»
Мать сначала окаменела.
А потом мы услышали стон,
как будто три гвоздя
были вдруг вырваны из стены
чьей-то рукой
и по шляпки вошли в ее сердце.

Открытое окно

Открытое окно —
в тот мир цветов и песен,
что был разрушен
жестоким ветром войны,
изрешечен
ее слепыми пулями.
Открытое окно —
в комнату его любимой,
где все вещи
еще хранят ее тепло,
лишь белая рубашка
своей изменила цвет
и красной стала,
окрасилась кровью ее сердца,
пробитого пулей.
Пуля пробила ткань
в том месте,
где раньше она любила
прикалывать красную гвоздику...
Он все стоит перед окном,
он видит,
как медленно закрывается оно.
За ним — темнота.
За ним — пустота.
И горе.
Распахнутое в мир окно
закрыто.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

такое Средиземное море, особенно сейчас? На Кипре много лет существуют две английские военные базы, НАТО не отказалось от идеи превратить Кипр в своеобразный милитаристский плацдарм. А какой народ хочет, чтобы по его стране ходили чужие солдаты?

Однако тут не все просто, и проналовские силы имеют на острове свою опору. Это партия Демократический сбор, объединившая реакцию. Ее ампула — запугивание «коммунистической опасностью», «крушением демократии»; ее «позитивная» программа — «сближение с Западом».

Время все расставляет по своим местам. Народ Кипра теперь уже невозможно «взять на испуг», да еще на такой примитивный. Где черное, а где белое, видно сразу, и никого теперь не заставишь называть черное белым. Президент Макариос сказал, что реакционные элементы острова «нанесли Кипру самые большие раны». В сентябре народ Кипра четко выразил свое отношение к Демократическому сбору — эта партия не по-

лучила на выборах в парламент ни одного места.

Мы были на Кипре по приглашению ЭДОН — единой демократической организации молодежи Кипра. ВЛКСМ и ЭДОН связывает традиционная и многолетняя дружба. И нас, естественно, интересовала жизнь и работа друзей, кипрских комсомольцев.

История ЭДОН последних лет — это история Кипра, многострадальная и героическая. Во время путча семьдесят четвертого года погибли сотни комсомольцев. Из 190 местных организаций осталось 118. После тех событий ЭДОН усиливает политическую и идеологическую работу. Проводит митинги и манифестации, углубленно воспитывает молодежь. Важным испытанием для молодежной организации острова стали выборы. ЭДОН вошел в предвыборные комитеты левых сил, агитировал за кандидатов Демократического сотрудничества.

Любопытная деталь. Мы едем по стране, мелькают сбоку домики деревень, городские районы, и наш друг

Прошедшее счастье

Время радости прошло, ушло и счастье. Остались в памяти его приметы. Перебираю их, как пожелтевшие фотографии, вспоминаю, как весело горел в печке огонь и стрекотал в листве дождь. Кошка терлась о твои ноги, а ты куда-то уплывал от меня по бурному морю раскрытой книги. А я, как всякая женщина, ждала тебя на берегу и, привалившись к спинке стула, вязала нашему малышу теплый свитер... Прошло время радости. Нас разделила черная пропасть войны. Ты сгинул в темноте. Осталась твоя улыбка на старой фотографии.

Никогда не забудем

Шумит дождь за окном, звучит музыка в доме. Мы стараемся позабыть о ненависти и страхе, о пулях и бомбах, ворвавшихся в тишину наших душ. Но память — это действующий вулкан, он затухает только на время. Вновь извержение. В небо летят раскаленные камни нашей боли, огнедышащая лава нашего гнева вырывается наружу. Дождь за окном напоминает о ненависти и страхе, музыка вызывает в памяти имена погибших. Никогда ничего не забудем. Шумит дождь за окном, умолкает музыка в доме. Наша память — как поле, изрытое воронками войны.

Есть надежда...

Родилась вместе с ребенком в палатке беженцев. Как искра, выпорхнула из рукопожатия грека Андреаса и турка Ахмеда, осветила улыбкой их почерневшие лица. Автоматы — за спину. Будем восстанавливать наши дома, а не разрушать их, создавать, а не разрушать — вот смысл нашей жизни. Надежда вошла в наш порт вместе с кораблями наших друзей, она — в глазах стариков и детей, и когда я вижу влюбленных, поселившихся в палатке беженцев под оливковым деревом, я говорю себе: «Есть надежда.»

Перевел с греческого Анатолий ГОРЮШКИН.

Титос Фантис, член Исполкома ЭДОН, как о самых прекрасных достопримечательностях говорит об этих районах: «Деревня Цери — тут 85 процентов наших голосов. Каймакли, рабочий район Никозии, — 75 процентов».

Титос улыбается, притормаживает у террасы деревенского кафе, магазинчика или просто возле человека, идущего по обочине, ему радуются как родному, он смеется, весело говорит, потом объясняет: «Наш парень». Или: «Мы тут победили».

Во время подготовки к выборам ЭДОН проделал колоссальную работу. Дело в том, что существовали официальные избирательные списки. ЭДОН составил свои, неофициальные списки, которые разошлись с официальными на десять тысяч человек! И эти десять тысяч в конце концов приняли участие в голосовании. Эдонцы говорят очень скромно: мы помогли правительству создать полноценные списки с полным участием левых сил. За этой формулой — многое, очень многое. Много не сказанного вслух... Кто-то ведь не

хотел, чтобы эти десять тысяч голосов прибавились к блоку Демократического сотрудничества...

Деревня Дериня, район Фамагусты. Эта деревня — кусочек страдающего Кипра, его нечаянная модель: селение располосовано зеленой полосой, одна ее треть под контролем турецких войск.

Нас принимает председатель Союза кипрских крестьян. Его фамилия Шаилис. Ладонь огромная, такая большая, что в ней может уместиться арбуз. Мы сидим за столом в клубе, Шаилис обводит рукой комнату: «Это самый старый на Кипре крестьянский клуб, ему 56 лет». И нам рассказывает биографию этого дома.

В двадцатом году учитель Элефриос Иакову образовал тут клуб. Под потолком до сих пор висит та самая керосиновая лампа, с которой начал учитель. В этой комнате нарочно ничего не меняют — все, как было тогда. Камышовый потолок, дубовые балки, крыша из глины и соломы. В клубе собирались крестьяне — и ко-

фе выпить и поговорить. В пятьдесят пятом англичане — а Кипр ведь был английской колонией — клуб закрыли. Организация — тогда уже была крестьянская группа, которая не только кофе пила, а имела политические взгляды, — стала работать в подполье, но клуб не отдала: тут открыли кафе. Независимость, полученная Кипром в шестидесятом году, была отмечена в клубе — он открылся вновь.

Но что же такое крестьянский клуб?

Шаилис сказал нам, что этот клуб, именно этот конкретный клуб в деревне Дериня, — живая история кипрских крестьян, потому что он стал самой первой ячейкой Союза кипрских крестьян. Союз был учрежден в сорок шестом году, а до этого все крестьянские вопросы в стране выдвигались именно через такие клубы. А вот сейчас на Кипре нет деревни, где не было бы ячейки Союза. Никого не удивляет, что председатель Союза именно из деревни Дериня.

Ну, а что такое Союз? Его представители входят в советы по торговле продуктами — молоком, зерном. Союз участвует в распределении земель бедным крестьянам, в неофициальном порядке присутствует в министерстве сельского хозяйства при обсуждении всех крестьянских вопросов. Словом, крестьянский защитник — этот Союз, его коллективный голос.

А клуб — клуб по-прежнему играет в Союзе большую роль. Молодежь бесплатно, после работы построила новую часть здания, тут есть библиотека, читальный зал, зал для игр, спортплощадка, при клубе две футбольные команды, одна играет в чемпионате Кипра, волейбольная женская команда (большая редкость на острове), сильная мужская волейбольная команда заняла первое место на Всекипрском чемпионате.

Нам сообщают без улыбки: кстати, завтра играет с одной реакционной командой. Болельщиков соберется тьма. Наши выиграют! И как убедительное дополнение: в деревне 3 тысячи человек, 60 процентов рабочих, остальные крестьяне, служащие, домохозяйки, 220 членов АКЭЛ, Прогрессивной партии трудового народа Кипра.

А через день еще одна кипрская деревня — Кити. Ее прозвали «Маленькой Москвой Кипра». В шутку, конечно. Потому что тут все сто процентов населения голосовало за кандидата АКЭЛ. В том числе и священник. Здешняя футбольная команда называется «Спартак», так что чем не Москва! Правда, в соседней деревне футбольная команда по имени «Динамо»...

Деревня, разделенная надвое, столлица, разрезанная пополам, страна, расчлененная зеленой линией...

Мы ездим по стране, встречаемся с людьми, пожилыми и молодыми, видим много улыбок, но о чем бы ни шел разговор, он всегда возвращается к главному — к самому большому для киприотов, и чувствуешь неожиданно дыхание всеобщей тревоги.

Там, в деревне Дериня, после встречи в крестьянском клубе мы вместе с грузным председателем крестьянского Союза поднялись на холм, откуда виделась та, отрезанная треть деревни. Наши хозяева стояли молча, скорбно. И вдруг Шаилис сказал: «Им тоже тяжело». Он сказал о турках-киприотах. А чуть раньше, на митинге в Никозии, который проводился в день открытия Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждавшей кипрский вопрос, я услышал лозунг, который скандировали молодые ребята: «Турки Кипра — не наши враги, турки Кипра — наши братья!». Позже мне рассказывали о деревне Пила возле Ларнаки, где турки-киприоты и греки-киприоты живут и работают вместе. По дороге в Ларнаку мы были в древней турецкой мечети, охраняемой государством. У входа почтительно толпилась группа школьников, приехавшая вместе с учителем увидеть этот памятник.

Только так, взаимно уважая друг друга, могут жить народы, только сами народы могут решить свои собственные проблемы. И уж ясно, что решение проблем должно быть мирным.

В тот самый сиренево-теплый вечер в Никозии, когда на площади Свободы собралась демонстрация, мы увидели борьбу наших друзей-эдонцев. Они скандировали лозунг: «За мирное урегулирование кипрской проблемы». Рядом, в одной толпе, даже плечом к плечу с ними, стояли представители ЭДЕН, молодежной организации социалистической партии. Лозунг эдонцев они чередовали своим: «Только вооружив народ, можно решить кипрскую проблему!».

РАДОСТНО-ЯРКИЕ ЦВЕТЫ—СИМВОЛ ТЕПЛОГО ОСТРОВА.

Разные точки зрения. Прямо противоположные: с кровью или без крови? Слишком серьезный вопрос, чтобы уступать... И эта сцена стала для меня неким символом сложности политической жизни Кипра. Тех условий, напряженных, трудных, в которых работает кипрский комсомол.

В этом — во взгляде на пути решения **НА УЛИЦЕ ЮЖНОГО ГОРОДКА, У МАГАЗИНЧИКА ПО ИМЕНИ «ПЕЛИКАН».**

ния кипрской проблемы — ЭДОН и ЭДЕН расходятся. Но по многим вопросам они вместе. Вместе в солидарности с борцами Чили и Палестины, вместе — на выборах за победу Демократического сотрудничества. ЭДОН, сотрудничая с другими организациями и партиями, стремится использовать для победы все общие позиции.

В горах Кипра растет благородный кедр, и воздух, напоенный душистым запахом кедровой хвои, как будто обновляет тебя. Щедрая, если есть вода, кипрская земля дарит желтые, как солнце, апельсины и мандарины. По легенде, Афродита, рожденная

ГЕОДЕЗИСТЫ. ОНИ РАССЧИТЫВАЮТ НОВУЮ МАГИСТРАЛЬ.

СТАРУХА И ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА. ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ СИДЯТ ОНИ, ТЩЕТНО ОЖИДАЯ ПОКУПАТЕЛЯ НА ЭТИ ЧУДЕСНЫЕ РУКОМЕСЛА.

пенной морскойю, появилась на кипрском берегу, и уже одна эта древняя легенда дает представление о белопенном, прозрачном и теплом, ласковом море. Все, кажется, есть тут для человеческого блага, да вот только режет глаз аккуратная черепица зданий английской военной базы, утопающей в яркой южной зелени, да вот только алмазно блестит слеза в краешке глаза того самого крестьянина, пасущего овец...

Кипр борется, Кипр страдает... Самолет выравнивает крылья, оставляя внизу красный остров на изумрудном полотне океана... Как близко от нас беда! Как близко...

ДЕВУШКИ-КРЕСТЬЯНКИ, СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН. ИХ СЕРДЦА ПОЛНЫ ОДНИМ: КИПР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЕДИНЫМ!

И СНОВА МОНУМЕНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ. ВОЗЛЕ НЕГО БЕЗЗАБОТНЫЕ ПОКА МАЛЬЧИШКИ ГОНЯЮТ МЯЧ...

писатель, актер, режиссер

ШУКШИН

Владимир КОРОБОВ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

А откуда пошли бесконечные, начиная с Пашки Колокольникова, шукшинские шоферы, механизаторы, трактористы со всеми доскональными тонкостями их ремесла: жиклерами, карбюраторами, коленчатыми валами и т. п.? Конечно, много шоферов встречал Шукшин на Чуйском тракте и трактористов немало знал. Но дело, как мне представляется, еще и в том, что в 1943 году Василий Макарович (после семилетки) поступил в Бийский автомобильный техникум и около года в нем проучился. Такая была у них с матерью мысль после несостоявшейся бухгалтерии: выучиться Василию на автомеханика. Не вышло — к тогдашнему расстройству Марии Сергеевны. И... к нашему счастью, вправе добавить мы сегодня.

Но почему же, собственно говоря, не вышло? «Автомобильный техникум бросил из-за непонимания поведения поршней в цилиндрах. Нам лекцию говорят, а мне петухом крикнуть хочется. Я это здорово умел — под петуха. В Сростках петухи наиредкостные...» Если это объяснение, данное Шукшиным в году 1970-м одному из его товарищей, писателю Юрию Скопу, тогда нас вполне удовлетворяло, то ныне вряд ли мы можем принять его на веру, как говорят, «на все сто». Скорее всего у Шукшина было в тот момент хорошее настроение, и он не хотел

Продолжение. Начало в № 1.

омрачать его не очень-то радужными воспоминаниями, к тому же стеснялся быть многословным, показаться наивным и — в конце концов — оказаться неправильно понятым. Это, кстати говоря, очень характерная черта Шукшина, на этом сходятся все хорошо знавшие его. Он чаще молчал, слушал, а на незнакомых людях вообще нередко замыкался, боясь «брякнуть» что-либо невпопад: отсюда одна из бытующих, к сожалению, «вокруг Шукшина» легенд — о нелюдимости его и угрюмости... Добавим, что молчаливость, скупость слов и жестов, под которыми — даже когда он был среди хорошо знакомых, добрых, но почему-либо не очень пока близких людей — скрывалась натура горячая и пылкая, но бесконечно совестливая и стеснительная: это черта характера не врожденная, а выработавшаяся за годы мытарств и ох какого тяжелого учения!

Разумеется, как поршни ведут себя в цилиндре — это не так просто усвоить. Но еще труднее подростку преодолеть тоску по дому — дому! — а не только по знаменитым сросткинским петухам. Тем более, что вокруг все чужие и поддержки, кроме как от двух-трех ребят-земляков, ждать неоткуда. До сих пор кое-где живуч (особенно среди подростков не больших городов) этот мерзкий «обычай» того свойства, что будто нельзя обойтись без подтрунивания легкого издевательства над деревенскими ребятами

«дья-р-вня», — будто тем самым утверждается некий приоритет над другим, вся беда — или счастье? — которого заключается в том, что рос он у отца, у матери не в городе, а в селе... А в то время, когда едва ли не три четверти населения проживало в деревне, этот гнусный «обычай» кое-где прямо-таки процветал. И какой болью отозвалось такое «отношение» «горожан» к «сельским жителям» в сердце подростка Васи Шукшина, какой болью и тревогой оно отозвалось у писателя Шукшина всякий раз, когда потом приходилось ему наблюдать такое! Сколько сил и здоровья потратил он, чтобы искоренить подобные взгляды, про то, наверное, он один и знал до конца.

У нас еще будет время вдосталь наговориться об отношении Шукшина к «деревне» и к «городу» (тут критика за четырнадцать лет такое накрутила!). Сейчас мы просто обязаны привести выписку из рассказа «Самолет», замыкающего биографический цикл «Из детских лет Ивана Попова». В этом рассказе как раз и повествуется о том, как шел Вася Шукшин «с товарищи» в бывший монастырь, где в семи километрах от города и помещался техникум.

«...Мы шли с сундучками в гору, — пишет Шукшин, — и с нами вместе — налегке — городские. Они тоже шли поступать. Наши сундучки не давали им покоя.

— Чяво там, Ваня? Сальса шматок да мядку туясок?

— Сейчас раскошелитесь, черти! Все вытряхнем!

— Гроши-то куда запрятали?... Куркули, в рот вам пароход!

Откуда она бралась, эта злость, — такая осмысленная, не четырнадцатилетняя, обидная? Что, они не знали, что в деревне голодно? У них тут хоть карточки какие-то, о них думают, там — ничего, как хочешь, так выживай. Мы молчали, изумленные, подавленные столь открытой враждебностью. Проклятый сундучок, в котором не было ни «мядку», ни «сальса», обжигал руку — так бы пустил его вниз с горы...

А что было в техникуме?

«Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали. Называли «чертями» и «рогальями». Что такое «рогаль», я по сей день не знаю и как-то лень узнавать. Наверное, тот же черт — рогатый. В четырнадцать лет презрение очень больно и ясно сознаешь и уже чувствуешь в себе кое-какую силу — она порождает желание мстить. Потом, когда освоились, мы обижать себя не давали. Помню, Шуя, крепкий парень, подсадиный и хлесткий, закатал в лоб одному городскому журавлю, и тот летел — только что не курлыкал. Жаренок в страшную минуту, когда надо было решиться, решился — схватил нож... Тот, кто стоял против него — тоже с ножом, — очень удивился. И это-то — что он только удивился — толкнуло меня к нему с голыми кулаками. Надо было защищаться — мы защищались. Иногда — так вот — безрассудно, иногда с изобретательностью поразительной».

Всего же хуже из такого вот «взаимоотношения» подростков городских и деревенских было то, что многие сельские ребята после «обработки» начинали как бы подлаживаться под городских: мы, мол, тоже не лыком шиты. И получалось: ни богу свечка, ни черту кочерга. Правда, человек еще молодой тем самым приглушал что-то очень сокровенное и главное внутри себя, может быть, талант, данный свыше, приглушал и если не прислушивался чутко к сердцу, не слушал живую душу свою, то и губил, рубил его под корень.

Шукшин — и неизвестно еще, потеряли мы здесь или выиграли, — тоже приглушал в себе нечто до поры до времени. Долго приглушал. Но не настолько, чтобы угас душевный огонь, которому суждено было заполыхать и правдой и страстью народной жизни.

Техникум он покинул еще и вот почему. И, возможно, да скорей всего так оно и было, эта-то причина и есть главная. Рассуждением, рациональным логическим построением тут ничего, конечно, объяснить нельзя, но представить себе, почувствовать можно.

Не приходилось ли вам, читатель, принимать решение, вроде бы и не осознанное до конца, с точки зрения окружающих нелепое и ошибочное, когда ясно, что упускаешь из рук синицу, а журавля в небе и не видать — может, появится, а может, нет? Но вы почему-то верили, что прилетит журавушка, обязательно прилетит и опустится у ваших ног, не сейчас, так погода. А синицу надо нынче выпустить, иначе журавль и не покажется в небе, да и сами вы с годами о нем забудете, не бывает, скажете, никаких таких журавлей, сказки это все, надо реально, трезво рассуждать... Хоть раз в жизни — по-крупному, по-малому ли, — но, думается, каждый такое решение принимал, а на удивленные вопросы ошарашенных друзей и родственников отвечал: «Так надо, я чувствую это, но не могу вам объяснить. Такая уж планета, судьба, наверное. Вы не очень на меня сердитесь. Я верю...»

Почему бы нам не поверить, что Шукшин уже тогда чувствовал, хотя бы и неосознанно, иную планиду, что брезжило где-то там, в потаенных уголках души, будто иная, может статься, судьба ждет его. Интуитивное, пророческое нечто и медициной ведь признается.

— Ты знал? — спросил он в откровенную минуту у Георгия Буркова, пермяка, когда сидели за полночь в тесной каюте теплохода «Дунай» во время съемок фильма «Они сражались за Родину», пили кофе, беседовали. — Знал тогда, в молодости, что в Москве будешь, в театре играть будешь, в кино играть?..

— Ну, как. Так вроде чего-то подмывало, верилось. Рассказывал уже тебе — в ГИТИС три раза не принимали, так и не приняли. А все равно получается, вроде как знал... А ты?

— А я знал...

Правда, это «знал» относилось, пожалуй, к более позднему, послевоенному странствию Шукшина, но все же, все же... Мы знаем по рассказам матери, что уже в это время Шукшин тайком «кропает» стихи. А где-то к концу войны делает попытку писать небольшие юмористические рассказы. И не только писать, но и напечатать иные из них. Мария Сергеевна припомнила название одного из журналов, куда посылал свои первые опыты Василий Шукшин: «Затеяник». Я проверил в Ленинской библиотеке: действительно, выходил в сороковых (и ранее) годах такой журнал юмора и сатиры. Но как ни листал я годовые комплекты, как ни силится: так хотелось весь белый свет удивить и еще одну из легенд «вокруг Шукшина», что-де случайно в литературу пришел, развеять, — ничего за подписью «В. Шукшин» не нашел.

Мария же Сергеевна еще такую историю о первых писаниях сына вспомнила:

— Послал он в Москву один пакет, другой, третий. Ничего. А потом случайно узнала, что были ответы-то. Но не к нам домой приходили, а к однофамильцу нашему, дальнему родственнику, деду-сторожу. Вася полностью подписывался: «Шукшин В. М.». А тот тоже «В. М.», только не Макарович, а Максимович. А откуда почтальону думать, что такие хорошие конверты из Москвы мальчонке-то идут. Дед же грамоту разумел слабо, ну, и на самокрутку пускал — с бумагой худо было. Один пакет сама видела, насылу отбила, да уж скурил половину, ирод. Я уж Васе не сказывала, да он к тому времени уже поехал из колхоза. Дюлю искать...

О странствиях, о жизни Шукшина в 1946—1948 годах, как и о последующей службе его на флоте, мы знаем очень немного. Знаем, что был он разнорабочим, учеником маляра, грузчиком (на строительстве литейного завода в Калуге), восстанавливал железные дороги, работал слесарем-такелажником на тракторном заводе (это во Владимире). Еще работал несколько месяцев (видимо, в командировке) в Польске.

Завеса над тем временем (Шукшин не очень-то любил вспоминать этот период своей жизни) приоткрылась немного в ноябре 1973 года, когда в журнале «Сибирские огни» был опубликован откровенно «личный» цикл «Внезапные рассказы». Тут и уже упоминавшиеся нами «Сны матери» и несколько «больничных» новелл, своеобразных «писем» Шукшина из больницы. Нас же сейчас интересует рассказ «Мечты».

Шукшин — и здесь нам ни к чему прятаться за формулой «герой-рассказчик» — зашел как-то в гостиничный ресторан пообедать. И неожиданно узнал в официанте («Он совсем изменился, этот человек. Не будь у меня такая редкая память на лица, никогда бы мне не узнать его») того самого парнишку, с которым он работал вместе на стройке в Калуге, жил в одной комнате в общежитии («Было нам по шестнадцать лет, мы приехали из деревни, а так как город нас обоих крепко пригнул, придавил, то и стали мы вроде друзьями»). Этот человек еще тогда мечтал стать официантом и никем другим («Я хорошо помню, как он азартно напирал и шлепал губами про то, как официанты хорошо живут, богато»). Мечта его исполнилась.

Шукшин прекрасно описывает этого героя, каким он стал со временем, мастерски передает его «психологию» угодничества и подлости, «науку» улышаться и заискивать и в то же время не скрывать брезгливого, холодного презрения в глазах к тем посетителям, кто одет поскромнее, у кого «лицо солдатское», кто не шелестит купюрами. И уж не этому ли официанту обязаны мы образом официанта в «Калине красной»? Во всяком случае, тип тот же.

Но в рассказе этом интересует нас сейчас, конечно же, не официант, хотя бы он и состоял в знакомцах и «друзьях» Шукшина, не его мечты и метаморфозы, — нас интересует, как тогда жилось Шукшину. После работы, пишет он, «нас тянуло куда-нибудь, где потише. На кладбище. Это странно, что мы туда наладились, но так».

* Вспомните Шукшина в «Они сражались за Родину» и оцените, насколько точно, одним эпитетом определил он характерность своего лица в этом рассказе.

«Кладбище было старое, купеческое. На нем, наверное, уже не хоронили. Во всяком случае, ни разу мы не наткнулись на похороны. Каких-то старушек видели — сидели на скамеечках старушки. Тишина... Сказать, чтобы мысли какие-нибудь грустные лезли, — нет. Или думалось: вот жили люди... Нет. Самому жить хотелось, действовать, может, бог даст, в офицеры выйти. Скулила душа, тосковала: работу свою на стройке я ненавидел. Мы были с ним разнорабочими, гоняли нас туда-сюда, обижали часто. Особенно почему-то возбуждало всех, что мы — только что из деревни, хоть, как я теперь понимаю, сами они многие — в недалеком прошлом — тоже пришли из деревни. Но они никак этого не показывали, а все время шпыняли нас: «Что, мать-перемать, неохота в колхозе работать?»

Один мечтал на старинном калужском кладбище стать официантом, а другой — о чем мечтал другой? «Не помню, о чем я тогда мечтал, а выдумывать теперь тогдашние мечты — лень. Тогда бы, в то время, если бы кто спросил, наверное, соврал бы что-нибудь про летчиков бы, моряков: я был скрытный, к тому же умел врать. А теперь забыл... Всерьез захотел вспомнить — о чем же все-таки мечталось? — и не могу. Помню, смотрел тогда фильм «Молодая гвардия», и мне очень понравился Олег Кошевой, и хотелось тоже с кем-нибудь тайно бороться. До того доходило, что иду, бывало, по улице и так с головой влезу в эту «тайную борьбу», что мне, правда, казалось, что за мной следят, и я оглядывался на перекрестках. И даже делал это мастерски — никто не замечал. Но едва ли я рассказывал про такую мечту. Да и не мечта это была, а игра, а игра, что ли, какая-то. Как про это расскажешь!»

Выделим этот случай, а особо слова: «игра, что ли, какая-то». Игра воображения? Фантазии юноши, еще не переставшего играть «в войну» и «разведку»? Все зависит от того, как к этому вопросу подойти. Подойдем объективно. «Мы еще создали драмкружок, где с большим усердием старались подготовить и поставить на клубной сцене «Остров сокровищ» Стивенсона — это сообщение вместе с фотографией шестнадцатилетнего Шукшина прислал в «Комсомольскую правду» бывший сrostкинский кинемеханик А. Куксин (не родственник ли это Шукшина по линии отчима?)»

«Он шутить любил. Подражать кому-нибудь. Был у нас в деревне чудакотавый мужик Афоня. Всеобщее посмешище. Еще и говорить не начинает, зубы покажет лишь, а уже все хохочут. Василий любил его изображать. Как брякнет что-нибудь с украинским акцентом, мы, мальчишки, покатываемся со смеху».

Это рассказ Василия Яковлевича Рябчикова, ныне преподавателя истории в сrostкинской средней школе, записанный алтайской журналисткой Н. Басаргиной.

Так, может, не зря говорят, что актером надо родиться! Не перед кем было в Калуге изображать чудакотавого мужика Афоню, и самостоятельности там никакой не было, а внутренняя, хотя и не осознанная еще потребность в такой и гре уже была. Так почему же не поиграть — тихонечко, для себя только в киногероев? С этим и жилось легче, это и стало своеобразной частью его подготовительной школы актерской игры. А мечты — что ж, мечты в шестнадцать-семнадцать лет сколь радужны, как правило, столь неопределенны и расплывчаты. К тому же 6 марта 1973 года в небольшой заметке «Завидую тебе», адресованной некоему много мечтающему школьнику, напечатанной в «Пионерской правде», Шукшин прямо сказал, что мечтать он не любит, главное — не мечтать, а действовать, дело делать.

В этот же калужско-владимирский период произошла, как мы сейчас бы сказали, знаменательная встреча. От Калуги да и от Владимира до Москвы путь недалекий, а кому же «из глубинки» столицу посмотреть не хочется! Как выпало свободное время — хотя редко, конечно, — наезжал сюда и Шукшин. Однажды он приподнялся и совсем уже пристроился — благо лето — заночевать на одной из лавочек Тверского бульвара, как к нему подошел пожилой, хорошо одетый мужчина и заговорил с ним. Шукшин оробел, смутился и на прямой вопрос того, мол, деревенский ли парень, начал отвечать невразумительно: да нет, почему вы так решили и т. п.

— А выговор? — засмеялся прохожий.

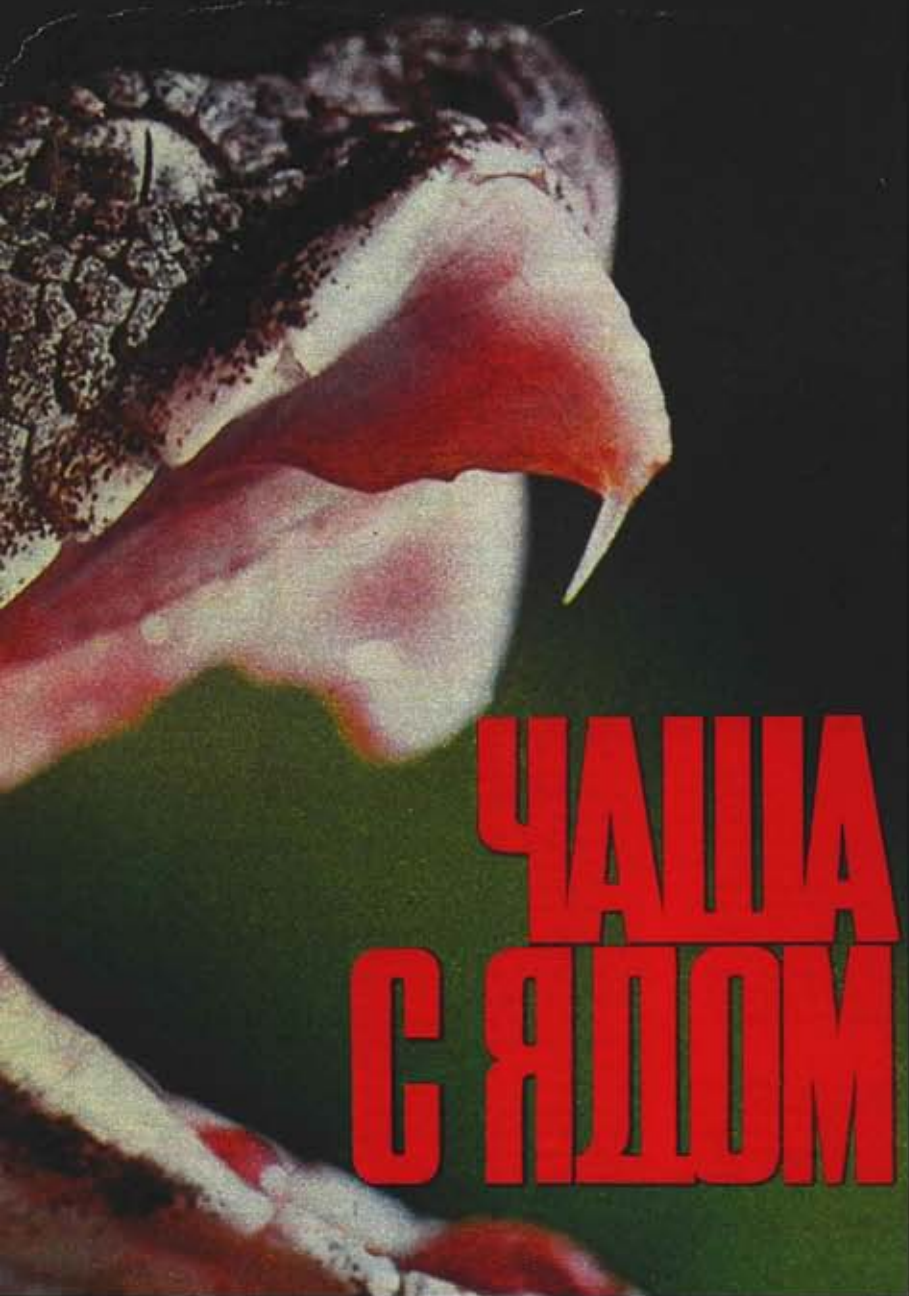
— А что выговор-то?..

— Да ты не бойся. Алтайский же? Я тоже алтайский, только давно на родине не бывал. Знаешь что, землячок, давай-ка так сделаем. Сейчас зайдем ко мне — надо же встречу следом отметить. Ну, и поговорим с тобой где-нибудь, очень уж я хочу речь твою послушать, да и как там, на родине... Уважь, землячок, не отказывай...

Этим поздним прохожим был замечательный кинорежиссер Иван Пырьев.

— То, что это был Пырьев, я уже потом узнал, во

Продолжение на 22-й стр.

ЧАША С ЯДОМ

В этот день, как и в предыдущие, в питомник пришла посылка. Большой фанерный ящик с высверленными по бокам отверстиями — в таких пересылают фрукты — со всех сторон был оклеен надписями: «Осторожно! Не бросать! На солнце не держать!» Заведующий питомником Юрий Иванович Сударев поднял крышку ящика, под ней оказалась прочная металлическая сетка. Вскрыли и ее. На гвоздях, вбитых в стенки ящика, покойно висели холщовые мешочки...

Впрочем, если присмотреться, не все мешочки висели неподвижно. Некоторые слегка подрагивали и шевелились. В них — по пять в каждом — находились гадюки. Десять мешочков — пятьдесят недавно выловленных гадюк.

В неподвижных мешочках были ядовитые гюрзы и кобры. Эти располагались с комфортом — поодиночке и лежали спокойно.

Так в Киргизском змеепитомнике, что в городе Фрунзе, принимали очередную партию змей. А всего их здесь более пяти тысяч «голов», общий «надой» с которых составляет несколько килограммов жидкого яда в год.

Сказать, что змеиный яд ценится на вес золота, — значит, сказать неправду. Ибо один грамм высушенного яда гюрзы стоит 160 рублей, а грамм гадючьего яда — почти в девять раз больше! Как видите, цена золота в

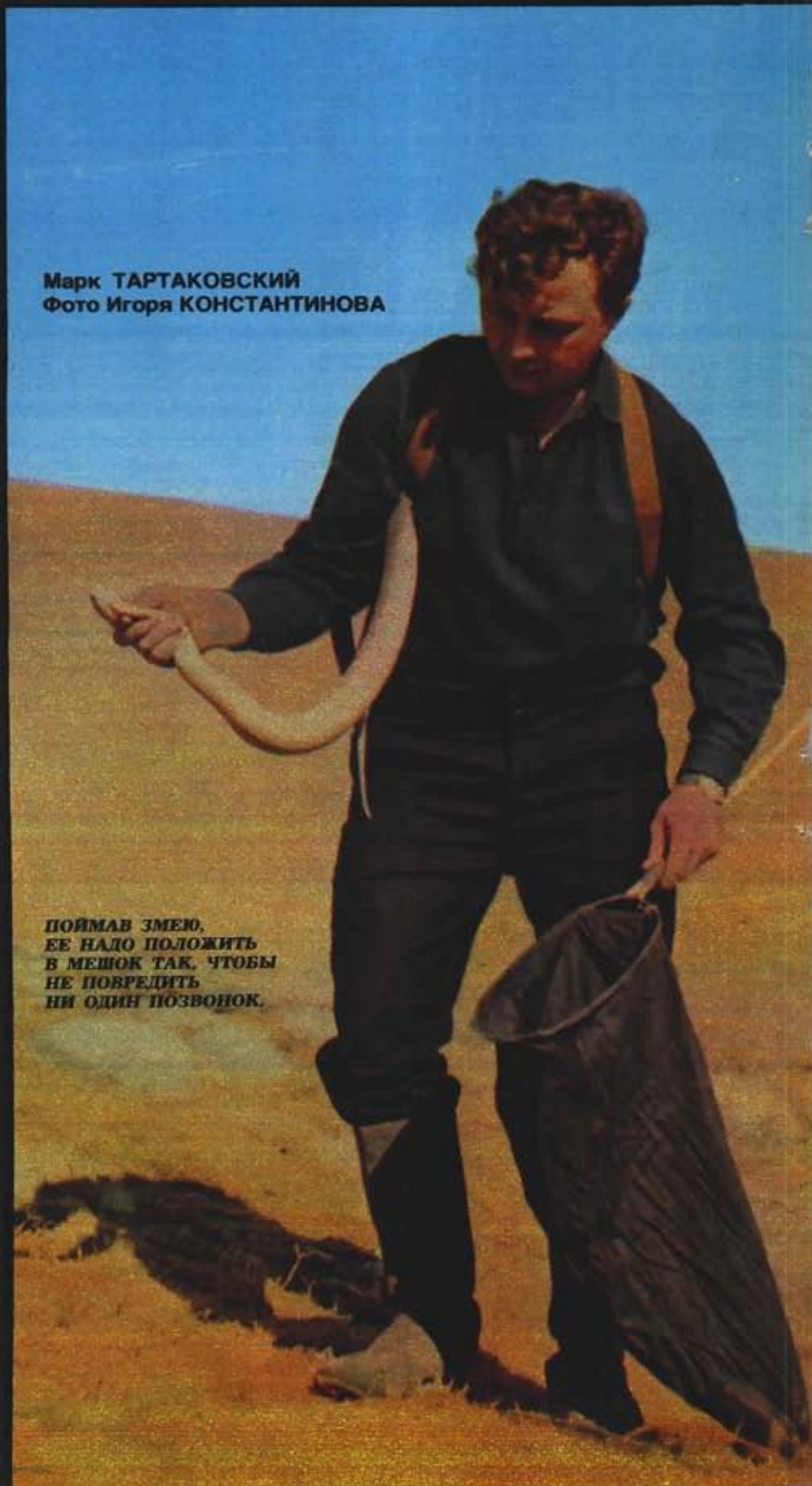
сравнении с ценой яда змей выглядит просто мизерной. Это и понятно. Тяжело добывается золото, да ведь, однако, почти весь процесс происходит без участия человеческих рук: огромную драгу — целый завод по добыче желтого металла — обслуживают несколько рабочих.

А вот при получении яда змей никаких механизмов не применяют. И даже защитных перчаток нет: змею берут только голый рукой. Так ее легче ухватить возле самой головы, не дать вывернуться. Кроме того, перчатку легко прокусывает любая гадюка, а тем более гюрза, зубы которой примерно двухсантиметровой длины.

Взяв рукой змею, ей дают укусить край стеклянной чашечки, чтобы по стенке медленно стекла две вязкие янтарные капельки — яд. Тягучая капелька — еще не конечный продукт. Это, так сказать, сырец. Чашечку помещают в стеклянный эксикатор, где из яда выпаривается влага. На самом доньшке остается кристаллический янтарный осадок — это и есть промышленный яд, драгоценность.

На человеке, счищающем со дна чашечки кристаллический яд, обязательно должны быть маска, защитные очки. И все равно работа эта считается вредной. Ее выполняет по очереди каждый из сотрудников питомника.

Для получения одного грамма гадючьего яда необходимы 250—300 змей. Значит, столько раз приходится брать змею голый рукой. Всего же план питомника на год «по гадю-

Марк ТАРТАКОВСКИЙ
Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА

**ПОЙМАВ ЗМЕЮ,
ЕЕ НАДО ПОЛОЖИТЬ
В МЕШОК ТАК, ЧТОБЫ
НЕ ПОВРЕДИТЬ
НИ ОДИН ПОЗВОНОК.**

ТАК ВЫГЛЯДЯТ ЗМЕИНЫЕ «КВАРТИРЫ». ОТСЮДА ИХ НОСЯТ НА «ДОЙКУ».

От гадючьего укуса никакого лекарства не применяют. Яд гадюк гораздо токсичнее горзино (потому и стоит чуть не вдвое дороже), но доза его меньше, да и укус поверхностнее. Зубами зажимают укушенное место, отсасывают яд, потом прополаскивают рот. А дальше побольше питья и поменьше движений — дней на десять.

Пройдем по длинному проходу меж зарешеченными клетками, расположенными в несколько ярусов. Совершая это путешествие, вы всей кожей чувствуете, как провожают вас глаза змей. Вот гадюки. В каждой клетке их множество, они десятками поднимаются по вертикальной сетке почти на всю свою длину, извиваются, стараясь сохранить равновесие, сплетаются друг с другом... А внизу, на дне клетки, копошится черный клубок. Гюрзы малоподвижны. Вслед вам

только поворачивается плоская голова, приподнятая над сплетенным в спираль метровым телом.

Кобра встречает, мгновенно распрямляясь едва не до потолка клетки и раздувая желтый капюшон. В такой позиции она может стоять долго, чуть заметно покачиваясь, и разглядывать вас блестящими холодными глазами. Неожиданно кобра делает короткий бросок вперед... Ах, как замечательно, что вас с ней разделяет плотная сетка!..

Молодая лаборантка быстро открывает клетку кобры, бесцеремонно отбрасывает ее палкой в дальний угол — прием отработан, так что змея не успевает отреагировать — и ставит плоский бачок с водой.

— Замечено, — говорит она, — когда змея напьется, у нее лучше аппетит.

Начинается кормежка. Не стану описывать это зрелище. Скажу только, что даже если змею не кормить месяц, она все равно отдаст человеку свое бесценное янтарное вещество — яд.

кам» — 108 граммов кристаллического яда, то есть примерно шестьсот граммов яда-сырца.

Гюрза выделяет яд куда обильнее, и для получения все того же грамма требуется только 15—20 змей. Зато план почти семьсот граммов.

От кобр тоже берут яд, но многие препараты из него еще находятся в стадии экспериментирования. Только кобротоксин — препарат из яда кобры — применяется как обезболивающее средство при самых трудных для излечения злокачественных опухолях. Медицинские же снадобья из яда гюрзы и гадюки есть в каждой аптеке. Их легко определить по названиям: випраксин, випратокс, випросал... (viperа по-латыни — «яд»).

При лечении многих болезней применяются препараты, изготовленные из змеиного яда, так что здоровье наше нередко зависит от этого на первый взгляд отвратительного пресмыкающегося. Вот почему эмблема медицины — змея, брызжащая в чашу яд...

И все же в народе давно живет отрицательное отношение к змеям. Укус гадюки непосредственно в вену — и человека уже ничто не спасет. В одной только Индии ежегодно примерно двести тысяч человек становятся жертвами ядовитых змей; почти тридцать тысяч из них умирают. Выживают те, кто вовремя принял крохотную дозу яда — десятитысячную долю грамма в выпуле. Поэтому восславим змею-целительницу, но будем остерегаться встреч с нею! Предоставим это профессионалам-змееловам.

На лов змей идут ранней весной. И до июля бригада «в поле». Вернее сказать, в среднеазиатской полупустыне. У бригады — палатка, автомашина, груженная ящиками для транспортировки добычи.

В одиночку на змею не ходят: случилось такое раз — и змеелов не вернулся. Чуть свет выходят из лагеря, захватив нехитрое снаряжение: мешок из плотной, но пропускающей воздух материи, палку со специальной хваталкой на конце.

Чаще всего попадаются гадюки и гюрзы. И лишь изредка повезет змеелову, когда повстречается он с коброй — удивительно красивой змеей, мерцающей оливковой чешуей. Еще совсем недавно считалось, что в густонаселенных районах Средней Азии кобра представляет особую опасность для человека. Это привело к тому, что змей начали повсеместно истреблять. И только усилия ученых-герпетологов помогли сохранить это ценнейшее пресмыкающееся от полного уничтожения.

Выяснилось, кстати, что опасность кобры для человека была чересчур преувеличена. Обитает эта змея, как

ПО КАПЕЛЬКАМ СТЕКАЕТ В ЧАШУ ДРАГОЦЕННАЯ ЖИДКОСТЬ.

правило, среди камней и кустарника, лишь изредка вблизи человеческого жилья — в заброшенных садах. Кобра избегает встреч с человеком, нападет на людей лишь в самых крайних случаях, когда невозможно ускользнуть. Вообще же предпочитает отступать и скрыться.

Змею берут осторожно, почти ласково. Принимают только «кондиционные» экземпляры: без травм, хорошей упитанности. Короче, как говорит опытный змеелов А. А. Азаров, «скотину надо беречь». (Один палец у Анатолия Арсентьевича ампутирован — после укуса гюрзы.)

В июле — августе змей меньше: прячутся от жары. Сентябрь — октябрь — опять время змееловов. Производственная норма на одного ловца — 150—200 змей в сезон.

Опасна ли работа?

— Так ведь и на заводе травмы бывают, — объясняет старый змеелов Дмитрий Петрович Шабанов.

Трижды случались у него «производственные травмы», но обошлось... У Юрия Ивановича Сударева, заведующего Фрунзенским питомником, тоже «обошлось» — в больнице отлежался.

При укусе гюрзы применяют сыворотку «Антигюрза» — колют сразу двумя ампулами по определенной методике, а главное, тотчас же после укуса. Вот почему и ходят на змей вдвоем с запасом ампул.

ВЫСУШЕННЫЕ КРИСТАЛЛЫ ГЮРЗИНОГО ЯДА.

Начало на 18-й стр.

ВГИКе.—рассказывал позднее Василий Макарович Георгию Буркову.—Нет, не увидел его и вспомнил, нет. А услышал случайно, кто его жена. Ее-то я еще тогда признал, когда в квартире зашли. Вышла к нам ненадолго, смотрю — она: «Свинарка и пастух»!.. Так по жене и признал. Но я и когда с ним виделся потом, никогда об этой встрече не заговаривал, стеснялся чего-то...

Когда его призвали на действительную военную службу, попал он в военно-морской флот. В «учебке» освоил специальность радиста. В этом качестве и плавал по морям — Балтика, Черное море.

Странно на первый взгляд, но четыре года службы, да еще на флоте, никак в его творчестве не отразились. Разве что вспомнил о ней, когда отвечал на анкету «Литература и язык», распространенную среди писателей журналом «Вопросы литературы» и напечатанную там же, в июньской книжке 1967 года. Да еще сыграл рыбака Жорку в фильме Э. Бочарова «Какое оно, море» (1964). Да в одном из последних рассказов, «Чужие», привел длинную выписку из старой книжки о том, почему так бесславно погиб русский флот в японской войне, там же рассказал об односельчанине дяде Емельяне, старом моряке, побывавшем даже в плену у японцев (как здорово было удить рыбу с этим дядей Емельяном и слушать его рассказы о жизни). Но даже сознательно «натянув», мы никак не можем отнести рассказ «Чужие» к тематическому ведомству так называемых «морских» или «флотских».

Правда, видимо, заключалась в том, что увиденное на флоте не вышло за отпущенные ему сорок пять лет на первый художественный план, не перевесило иные жизненные наблюдения и факты, волновавшие Шукшина, а писал он всегда о том и снимал то, что его сильнее всего тревожило и беспокоило, что казалось в данную минуту самым необходимым.

Но, не найдя отражения в творчестве, годы службы весьма и весьма много дали ему для жизни, помогли возмужанию его и становлению. Здесь, конечно, и устав, и политзанятия, и физподготовка, и особый ритм жизни — эти уроки службы понятны и общеизвестны. Во-первых, он много читает в это время. («Еще помню библиотеку в Севастополе, служил матросом и ходил в офицерскую библиотеку. И там пожилая библиотекарша — опять чуть не со списком» — рассказывал Шукшин в одном из интервью.) Во-вторых... Только бы предполагать об этих «во-вторых», высказывать их в виде гипотезы, если бы не Мария Сергеевна, мама Василия Макаровича. Она сохранила пожелтевший, ни в одной из весьма неполных, к стати говоря (даже в Ленинской библиотеке!), библиографий творчества Шукшина и работ о нем не числящийся десятый номер «Советского воина» за 1955 год. В этом выпуске журнала помещена подборка материалов о недавних военнопленных, а ныне — студентах первого курса института кинематографии. В заметке «Решил стать кинорежиссером» со строгой точностью и определенностью, присущей этому известному периодическому изданию, сообщается:

«На палубе стоявшего на рейде военного корабля шел концерт художественной самодеятельности. Особенно большой успех выпал на долю матроса Василия Шукшина. Он выступал с декламацией, с пляской, играл главную роль в одноактной пьесе». И далее повествуется о том, что мичман посоветовал матросу Шукшину всерьез заняться сценическим искусством. И тот последовал совету. «Скоро ему доверили руководство драмколлективом, и матрос выступил уже не только как исполнитель, но и как режиссер».

Интересно, что скажут после этого сообщения сторонники и пропагандисты, так сказать, «стихийного» решения Шукшина стать режиссером? Он-де и о профессии такой, как и о ВГИКе вообще, до встречи летом 1954-го с неким умудренным студентом Литинститута (куда рискнул тогда зайти) и слыхом не слыхивал.

Все правильно: в Литинститут Шукшин заходил («Была у меня такая тайная мечта»), но, во-первых, прием работ на творческий конкурс уже закончился к тому времени, во-вторых, действительно не было у Шукшина работ опубликованных или хотя бы отпечатанных на машинке. Была лишь тетрадка со стихами и набросками рассказов (что бы мы сейчас отдали за то, чтобы хоть одним взглядом заглянуть в эту тетрадку, даже не для анализа, нет, а так, чтобы испытать волнение, которое сродни тому, какое испытываем мы, всматриваясь сквозь музейное стекло в еще робкие — но ведь первые! — пробы пера будущих российских талантов! И ничего удивительного в том нет, что Шукшин, убедившись, что с Литературным институтом вряд ли получится, исподволь (он умел это) «навел» того «умудренного студента» на разговор о ВГИКе и кое-что прояснил для себя. Хоть он и приехал в Москву в солдатском, «сермяк сермяком», но никаким таким, как говорится, «Васей» или «Федей» не был. Напротив, как мы увидим дальше, при

поступлении в институты (да-да, именно в институты) он проявил изобретательность и находчивость, достойную самых знаменитых и ловких сказочных персонажей. А пока что приведем свидетельство сrostкинско-го библиотекаря Дарьи Ильиничны Фалевой:

«Наше внимание он привлек тем, что интересовался литературой по искусству, об актерах, спрашивал книги по кинематографии.

Как-то рассказал о своей мечте:

— Хочу поступить в Московский государственный институт кинематографии.

В то время казалось для нас странным, что живет парень в Сrostках, на Алтае, далеко от Москвы, а думает о таком институте...»

«То время — 1952-й — начало 1954 года. «Срочную» Шукшин чуть-чуть недослужил — по болезни. Однажды в походе его сняли с корабля черным от боли. В госпитале сказали: язва (вот они уже и начали сказываться — полугодное детство, послевоенные страдания). Хотели под нож — он не дался. Мать только руками всплеснула, когда увидела, каким он домой вернулся. Отпаивала его травами. Вроде отступила хворь, даже в весе прибавил. Выздоровел — потянулся к книгам. Одна из них, «Мартин Иден» Джека Лондона, потрясла, убедила, что в силах человек, если есть у него великая вера в себя, и труд, беспрерывный и тяжкий, его не пугает, добиться самого, казалось бы, невероятного и недостижимого. Тогда, может, и вспомнился в который раз с детства возлюбленный им некрасовский «Школьник»: «Знай работой да не трусь!» Нет-нет, вовсе не случайно повторял он всю жизнь, как девиз, эту строку из стихотворения. Есть она и в его статье «Монолог на лестнице», есть и в фильме «Калина красная». В фильме вообще почти весь текст «Школьника» звучит, его поет (а это стихотворение Некрасова, как и «Коробейники», давно стало в народе песней) за столом Байкаловых подвыпивший, но, по всему видно, хороший человек, возможно, учитель. И видно, как ему горько и досадно оттого, что вот не дали депеть, а конец-то какой хороший:

*Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай.*

*Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!*

Песня в фильме (в сценарии ее нет) возникает не случайно, она как бы подчеркивает иную дорогу, по которой мог пройти и Егор Прокудин...

Мы снова отвлеклись, но таков Шукшин: то, что было жизнью его, волновало и трогало, то и становилось предметом творчества. «Как аукнется, так и откликнется» — гласит народная мудрость. А у Шукшина, особенно в последние годы, было так, по верному наблюдению С. Залыгина: «Велик ли факт или мал, поссорился ли он с вахтером в больнице, или изучил жизнь Степана Разина и по-своему его понял — и то и другое переживалось им как событие творческое, которое не только при некотором усилении может, но попросту уже не может не быть материалом и предметом художественного творчества. Здесь... все требует своего, притом законного места и в творческой и в жизненной биографии художника, все требует его энергии и самой жизни ради своего художественного воплощения».

Книги книгами, а хлеб насущный зарабатывать надо было. Нынешний директор Сrostкинской средней школы имени В. М. Шукшина Николай Николаевич Жабин уверял меня, что Василий Макарович стал директором вечерней школы сельской рабочей молодежи (семилетки) уже после получения им аттестата зрелости. Мария Сергеевна и Наталья Макаровна утверждают обратное: до получения. Кто же прав? Думаю, мать и сестра, а Н. Н. Жабин или запоминавал, или очень хочет, чтобы все было «по правилам». А чего тут стесняться и опасаться сейчас? И поныне не все сельские школы укомплектованы учителями с высшим педагогическим образованием, а тогда, в начале пятидесятых? Право, ничего удивительного, что демобилизованный матрос, всем тут хорошо известный и ни в чем худом не замеченный, стал пока что, за неимением лучшей кандидатуры, директором и преподавателем вечерней школы, хотя и не имел еще даже среднего образования. И это пришлось ему весьма кстати и немало дало.

«Одно время, — вспоминал позднее Шукшин, — я был учителем сельской школы для взрослых. Учитель я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня наработавшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное, интерес-

ное и интересно (я преподавал русский язык и литературу). Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее, хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляет счастье».

Оставаться же с семьей классами в его планы никак не входило. Еще на службе решил: перво-наперво получу аттестат, а там все пути открыты. Работал в школе и готовился к экзаменам за десятилетку экстерном. Не очень-то в него верили — три класса да за три месяца? — но к экзаменам весной 1953 года все же допустили, скорее всего из любопытства: всегда и везде найдутся любители «бесплатных спектаклей», заранее, по их мнению, обреченных на провал. Два предмета он сдал, на третьем — математике — срезался. Мрачный углыл на острова, вернулся поздно вечером. А на крыльце поджидал «приятель-доброхот», один из учителей, самый в него, пожалуй, не верящий, но всячески это неверие скрывающий.

— Зальешь теперь с горя? Бросишь все к чертям? — не то сочувствовал он, не то издевался.

А на экзамене пробовал подсказывать, чертеж подсовывал...

Сидели молча. Уходя, тот учитель сказал: завтра история. Приходи, попробуй.

Все остальные экзамены прошли благополучно, алгебра — на осень.

Тот год был счастливым во многих отношениях. Приняли кандидатом в члены партии, избрали секретарем райкома комсомола (Сrostки в это время все еще оставались районным центром). Хлопот и забот прибавилось, но и работа была интересная, ответственная, горизонт раздвигался. Райком партии был доволен новым комсомольским секретарем. В Сrostках не шутя поговаривали, что, мол, быть этому парню вскорости инструктором, а потом, если дело так и дальше пойдет, секретарем райкома партии. Чего ж ему еще? От добра ведь добра не ищут! Но мать все видела и все понимала... «Вот что, сын, — сказала она в новом, 1954 году, — деньжонок маленько поднакопили, Райку еще продам — ничего, не возражай, не война теперь, еще телочка вырастет — езжай-ка учиться. Я же вижу, как тебе неужется...»

Ему было двадцать пять лет — возраст солидный для абитуриента. К таким-то годам иные уже по книжке выпустили и по фильму сняли, а уж с дипломом в кармане было большинство. Но что из того? Время — сеять, и время — пожинать. Только маячил впереди институт, так называемая высшая школа, но главные университеты были уже пройдены, было уже с чем прийти к людям и что сказать им. Оставалось доказать, что есть у него СЛОВО и право на него. Впереди была волнующая, пугающая, но и манящая неизвестность, позади...

«Когда я хочу точно представить, — напишет потом Шукшин, — что же особенно прочно запомнил я из той жизни, которую прожил на родине в те свои годы, в какие память наша, особенно цепкая, обладает способностью долго удерживать то, что ее поразило, то я должен выразиться громоздко и несколько неопределенно, хотя для меня это точность и конкретность полная: я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен в целом, начиная с языка, с жилища.

...Я понимаю, на какой я напрашиваюсь упрек, и все же расскажу, каким я запомнил дом деда моего, крестьянина, это тоже живет со мной и тоже чрезвычайно дорого.

У меня было время и была возможность видеть красивые здания, нарядные гостиные, воспитанных, очень культурных людей, которые непринужденно, легко входят в эти гостиные, сидят, болтают, курят, пьют кофе... Я всегда смотрел и думал: «Ну, вот это, что ли, и есть та самая жизнь — так надо жить?» Но что-то противилось во мне этой красоте и этой непринужденности: пожалуй, я чувствовал, что это не непринужденность, а демонстрация непринужденности, свободы — это уже тоже, по-своему, несвобода. В доме деда была непринужденность, была свобода полная. Я вдумываюсь, проверяю, конечно, свои мысли, сознаю их беззащитность перед «лицом-фигуры иронической... Но и я хочу быть правдивым перед собой до конца, поэтому повторяю: нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, добрых, в сущности, отношений между людьми, как там. Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по праздникам, там много, очень много работали... Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла — с ней засыпали, к ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но — учили... Никан не могу внушить себе, что это все глупо, некультурно, я думаю, что отсюда, от такого устрой-

ства и самочувствия в мире очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим мерилам нравственного роста человека. Неужели в том только и дело, что слов этих — «честь», «достоинство» — там не знали? Но там знали все, чем жив и крепок человек и чем он нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие... Нет явления в жизни, нет такого качества в человеке, которого бы там не знали, или, положим, знали его так, а прошло время, и стало это качество человеческое на поверку в результате научных открытий вовсе не плохим, а хорошим, ценным. Ни в чем там не заблуждались, больше того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, еще в маленьком, губились на корню. Если в человеке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка — она была просто лень, потому высмеивалась, истреблялась; зазнайство, хвастливость, завистливость — все было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слова, ни за фокусы. Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть — нарисовать зачем-то картину жизни идеальной, нет, она, конечно, была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось — правда, справедливость. И даже очень и очень развитое чувство правды и справедливости, здесь нет сомнений...»

Все это было уже с ним, жило в нем, хотя и не «доказанное» еще ни самому себе прежде всего, ни тем более другим. На доказательство это уйдет вся жизнь, а пока... пока он катит в сохранных бережно родней дедовских галифе и гимнастерке (флотское уже никуда не годится) на поезде Бийск — Новосибирск, чтобы пересечь на другой — Новосибирск — Москва, лежит на верхней полке и... о чем таком думает? Как это хорошо сказано у Александра Трифоновича Твардовского, будущего учителя и редактора Шукшина:

*Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захохотье
В обмен на целый белый свет.*

*Мы жили замеслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук —
Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.*

*Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду.
А если —
То и жизнь отдать...*

*И, власть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,
Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся потом.
Дивись, отец, всплахни, родная,
Какого гостя бог нанес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос...*

Поступление Шукшина во ВГИК и впрямь было легендарным.

Для всей родни да и для себя самого он ехал в Москву сдавать экзамены в историко-архивный институт (русской историей он увлекся тогда всерьез и увлечению этому — имели бы мы без него роман о Разине? — остался верен на всю жизнь).

Литературный институт и ВГИК — то были потаенные замыслы, надежды, в осуществление которых, как в сказку, верилось, когда засыпал с ней, и не верилось, когда просыпался. Но почему бы не рискнуть, вернее, так: рискнуть, но с умом. А крестьянский ум здрав и, когда надо, весьма изобретателен.

...К председателю приемной комиссии историко-архивного института обратился молодой человек с «простецким» виноватым лицом, одетый с ног до головы в солдатское, и стал, краснея, заикающимся от робости голосом просить допустить его к приемным экзаменам без документов: только что демобилизовался, мать-старушка далеко — на Алтае, пока она документы вышлет, пока они дойдут... Документы преспокойно лежали во ВГИКе, и члены приемной комиссии этого вуза никак не предполагали, что их абитуриент уже импровизирует, уже играет незаданный и не предусмотренный программой этюд перед приемной комиссией другого учебного заведения. Тут оценка не проставлялась, но к вступительным экзаменам в историко-архивный Шукшина допустили... И он выдержал их с честью, в числе принятых была и его фамилия, о чем своевременно была уведомлена телеграммой Мария Сергеевна. (О поступлении в

историко-архивный Шукшин не рассказывал на протяжении всей жизни, совестился — не совсем по правде, мол. Такой уж он был человек: всегда называл вещи своими именами, и ложь при любых «смягчающих вину обстоятельствах» оставалась для него ложью. Лишь однажды поведаль он эту историю, о которой, кроме матери и сестры, никто и не знал, близкому своему другу, оператору «Печек-лавочек» и «Калины красной» Анатолию Заболоцкому.)

«Укрепившись» таким образом, Шукшин и на экзаменах во ВГИК вел себя уверенно (предметы сдавались те же, кроме специальных, так называемых творческих или по мастерству). Чуткий, быстро принимающий реакцию собеседника, Шукшин умел мгновенно откликаться на эту реакцию. В какой-то момент на творческом испытании он понял, что от него хотят роли эдакого деревенского увальня, Иванушки-дурачка, и, как ни обидно и досадно ему было в глубине души, он эту роль играл, совсем как Иван из сказки «До третьих петухов»: «Он плясал и плакал. Плакал и плясал. — Эх, справочка!.. — воскликнул он зло и горько. — Дорого же ты мне доставься!..»

Вот «кусочек» из того экзамена, записанный по рассказу Шукшина Ю. Скопом и опубликованный им еще при жизни Василия Макаровича: «...Вышел к столу. Ромм о чем-то пошептался с Охлопковым, и тот говорит: «Ну, земляк, расскажи-ка, пожалуйста, как ведут себя сибиряки в сильный мороз». Я напрягся, представил себе холод и ежиться начал, уши трепать, ногами постукивать. А Охлопков говорит: «А еще?» Больше я, сколько ни старался, ничего не придумал. Тогда он мне намекнул про нос, когда морозно, ноздри слипаются, ну, и трешь нос-то рукавичкой. «Да, — говорит Охлопков, — это ты забыл...» Потом помолчал и серьезно так спрашивает: «Слышь, земляк, где сейчас Виссарион Григорьевич Белинский работает? В Москве или Ленинграде?» Я оторопел: «Критик-то который?..» «Ну да, критик-то». «Дак он вроде помер уже...» А Охлопков подождал и совсем серьезно: «Что ты говоришь?» Смех вокруг, а мне-то каково...»

Ныне кинорежиссер, а тогда такой же абитуриент А. Митта в юбилейной статье, посвященной М. Ромму и опубликованной в первом номере «Искусства кино» за 1971 год, донес до нас еще один факт из вгиковской эпопеи Шукшина. Михаил Ромм, будущий, как говорят в этом институте, мастер Шукшина, любил на собеседовании, оно являлось, по сути, экзаменом после экзаменов, задавать претендующим на поступление в этот единственный в мире институт вопросы по поводу «Войны и мира». И только «сам себе враг» мог не знать об этом и не штудировать Толстого днем и ночью. Разумеется, знал о «коньке» профессора и Шукшин (такого рода информация о преподавателях распространяется среди абитуриентов и студентов «с времен очаковских и покоренья Крыма», и на этот счет могут заблуждаться разве что сами преподаватели, да и то, разумеется, не все). Но Шукшин уже понял, как хотят воспринимать его здесь, и воспользовался этим и «подыграл», хотя собеседование проходило уже вполне серьезно. Но ведь дело было еще и в другом: Шукшин отчетливо сознавал, что по части книжных знаний, когда в распоряжении большинства поступающих были прекрасные «фамильные» и публичные библиотеки, по части ловких трактовок, интерпретаций того или иного литературного образа ему трудно тягаться на равных с другими абитуриентами. И он нашел «ход» поистине замечательный.

На «дежурный» вопрос М. И. Ромма, читал ли молодой человек «Войну и мир», он просто душно ответил «нет», чем сразу озадачил выдавшего виды профессора. А на последовавшее через удивленную паузу «но почему?» незамедлительно и опять-таки «просто душно» и даже весело немного «выложил»: «Да больно толстая книжка!» Чем если не привел в растерянность, то сильно удивил и тем самым, как ни странно, как это ни парадоксально, расположил к себе М. И. Ромма, заставил его пристальнее всмотреться в сидящего напротив «сермяка сермяком».

Многоопытный преподаватель и кинематографист отбирал в свою мастерскую людей не просто талантливых, но при этом несхожих с остальными, как говорится, по всем статьям, и профессиональное и человеческое чутье у него на таких людей было. «Такого» человека он и увидел в Шукшине, вернее, тот сам сделал все возможное, чтобы «смотрины» эти прошли именно так, а не иначе.

На следующий вопрос Ромма: «А вы что, вообще толстых книг не читаете?» — он ответил: «Да нет, мне «Мартин Иден» из «толстых» нравится. Это настоящая книжка». И уже после этого М. И. Ромм заключил: «Это, несомненно, одаренный человек. Теперь я убедился окончательно. Он независим — это черта таланта». И Ромм настоял, чтобы приняли-таки в институт Шукшина, который, по мнению иных членов приемной комиссии, знал «слишком мало», как и другого абитуриента, который, по тому же «мнению», знал «слишком много». Другим был Андрей Тарковский.

Продолжение следует.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

*Дорогой друг!
По просьбе читателей «Смена» решила продолжить конкурс на самое интересное письмо. Условия конкурса остаются теми же, что и в 1976 году. Это может быть письмо-исповедь, письмо-раздумье о собственной судьбе, о радостях или огорчениях в личной жизни; это может быть рассказ о ровесниках, их поисках, стремлениях, взаимоотношениях; это может быть рассказ о трудовых достижениях бригады или тревожный сигнал о неполадках на производстве, о том, что мешает эффективному и качественному выполнению заданий десятой пятилетки. Лучшие письма будут опубликованы в «Смене». Победителям конкурса члены жюри присудят премию — годовую подписку на журнал «Смена».*

ЖЕЛТЫЙ

ДРАКОН

Андрей
ЛЕВИН

ЦЗЯО

РОМАН

Невеселые мысли инспектора прервал нарочито любезный голос Белого Бумажного Веера.
— У вас еще будет время для размышлений,— сказал он.— А пока немного побеседуем. Когда нам наскучит разговаривать, мы сможем развлечься с крошкой Цян...

Присутствующие, в том числе и Цян, захохотали.
«До чего же можно дойти!» — с отвращением подумал Патрик.

— Нам есть о чем поговорить,— продолжал Белый Бумажный Веер.— Вас наверняка интересует наша организация. Сразу должен извиниться: я не смогу полностью удовлетворить ваше любопытство. От вас мне скрывать уже нечего, но, к сожалению, мы здесь не одни. Эти твари,— он кивнул в сторону остальных,— схватывают все на лету. А зачем людям много знать? От этого у них нарушается кровообращение и портится аппетит. У меня к вам тоже найдется несколько вопросов. Скажу откровенно, меня раздражает ваша осведомленность и тоже раздрает любопытство. Кстати, о любопытстве. Мне страшно хочется узнать, как продвигаются ваши дела на Блаканг-Мати. Этот ужасный могильник всех взбудоражил. Но, говорят, полиция уже неделю топчется на одном месте... скелеты почему-то молчат!

— Не питайтесь слухами,— в тон собеседнику ответил Ло.— Тот малаец, которого вы закинули в мес...

Он недоговорил. Белый Бумажный Веер рывком поднялся с кресла и сильным ударом в лицо свалил Патрика на пол. Ло стукнулся головой о стену, и затылок снова занял от боли.

— Не очень-то вы гостеприимны,— глухо произнес инспектор, вытирая струйку крови на подбородке.

— Я же предупреждал, что мы не одни, господин Ло.

Белый Бумажный Веер сел в кресло. Он старался говорить по-прежнему вежливо, но улыбка сошла с его лица. Маленькие узкие глаза сверлили инспектора. Цян, скользнув по Патрику оценивающим взглядом, приняла какую-то таблетку и запила ее водой.

— Господин Ло, не будем терять времени. Вы готовы проявить благоразумие?

Ло поднялся с кресла, продолжая вытирать кровь с лица, и сел на топчан.

— Ответьте, пожалуйста,— ласково сказал Белый Бумажный Веер, и от его тона Патрику стало не по себе.— Иначе вам будет очень больно.

Инспектор искоса взглянул на физиономии стоящих у стены гангстеров. Белый Бумажный Веер перехватил его взгляд и ухмыльнулся.

— Смеею вас уверить: они прекрасно знают свое дело. Но они слишком грубы. А вот красотка Цян— само изящество. Взгляните на ее ручки. Это руки виртуоза. Она заставляла говорить многих. Вы не станете исключением.

«Неужели девчонка способна на это?» — подумал Ло скорее с удивлением, чем с испугом.

— Цян!

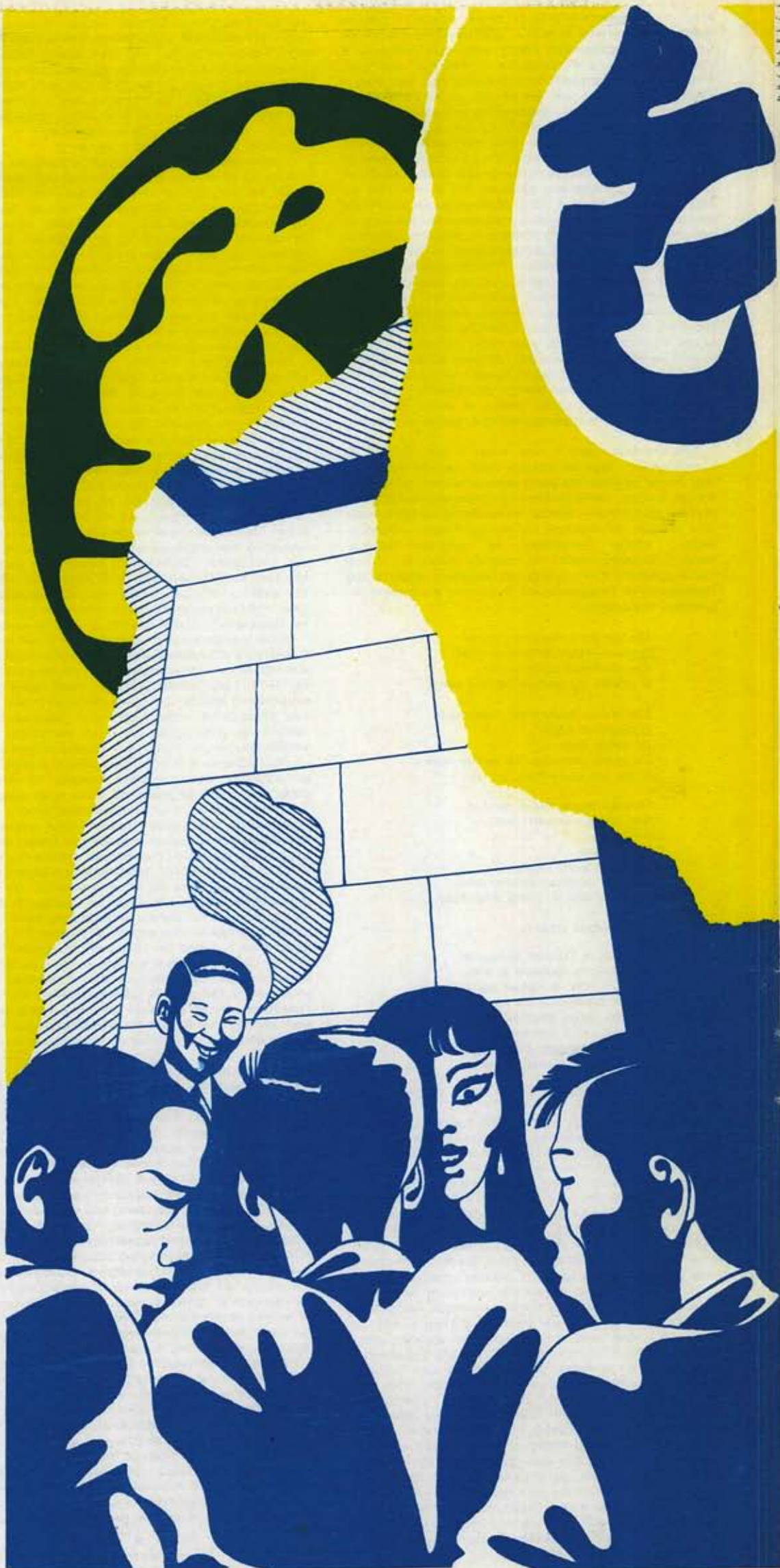

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Продолжение. Начало в №№ 21—24, 1976 г., и № 1, 1977 г.

Цян отделилась от стены и вынула руку из кармана. Между пальцами у нее сверкнула тонкая полоска лезвия.

Инспектор взглянул на ее лицо и невольно сделал шаг назад. Перед ним теперь стояла не смазливая девица, какой она казалась Патрику вначале. Змеинный взгляд немигающих глаз леденил душу. Ноздри ее раздувались, губы перекосились то ли в злобной усмешке, то ли в судороге. Бледное лицо в один миг преобразилось и стало уродливым. Цян сделала несколько глубоких, конвульсивных вдохов, словно ей не хватало воздуха, и начала медленно приближаться к Ло. Два гангстера схватили его за руки.

«Она же невменяема!» — ужаснулся Патрик, вспомнив про таблетки.

Цян сделала еще шаг и резко взмахнула рукой. Если бы мужчины, державшие Патрика, не дернули его за руки назад, бритва располосовала бы ему лицо. Цян, увидев, что жертва ускользнула от нее, издала какой-то гортанный, клокощущий крик и снова подняла руку с бритвой.

— Пока достаточно, — тихо произнес Белый Бумажный Веер.

Один из гангстеров, отпустив Ло, перехватил руку Цян и грубо толкнул ее к противоположной стене. Она хрипло выругалась и вновь двинулась к Патрику.

— Решайте побыстрее, господин Ло, — попросил инспектора Белый Бумажный Веер. — Если Цян войдет в азарт, нам будет трудно ее утихомирить. Скажите, что вы согласны работать на нас, и поговорим спокойно... Право, мне будет весьма неприятно смотреть, как Цян расправится с вами. Мне отвратительны подобные сцены.

Гангстеры, кажется, ослабили хватку. Патрик рыком высвободил руки, ребрами ладоней ударил обоих гангстеров — одного по горлу, другого по переносице — и, сбив Цян, рванулся к ящику, на котором лежал его пистолет. Однако дотянуться до оружия не успел. Белый Бумажный Веер, опершись руками на поручни кресла, приподнялся и ногой сильно ударил инспектора в плечо. Патрик отлетел в сторону, а Белый Бумажный Веер, схватив с ящика пистолет, направил его на инспектора...

— Зря вы это затеяли, господин Ло, — глухо сказал он. — Я рассчитывал, что вы будете умнее.

Он спустил предохранитель. Ло замер и не отрываясь смотрел в маленький черный зрачок дула.

— Связать его, — бросил Белый Бумажный Веер.

Наверху раздался шум. Люк резко распахнулся, и в отверстие показались несколько автоматов.

— Не двигаться! — послышался голос Аланга.

На мгновение все оцепенели. На пол прыгнул Аланг, а за ним несколько человек из оперативной группы.

— Руки за голову!

Гангстеры нехотя повиновались. Цян билась на полу в истерике. Сверху спустили бамбуковую лестницу.

— Прошу вас, — обратился Ло к Белому Бумажному Вееру. — Вот у вас и появилась возможность нанести мне ответный визит.

Тот ничего не ответил, ошалело посмотрел на Аланга, все еще не веря в случившееся, и стал подниматься по лестнице. Патрик выбрался из подполья вслед за Белым Бумажным Веером. Ему хотелось казаться спокойным, он даже попытался пошутить. Закурил сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Руки его дрожали. Ло переломил в пальцах сигарету, выбросил и тут же достал новую.

К нему подошел Аланг. Патрик издал короткий нервный смешок, и Аланг все понял.

— Идите в машину, — сказал он и, повернувшись к одному из детективов, добавил: — Инспектору не помешает двойная порция виски.

Через несколько минут на улицу вывели Белого Бумажного Веера и его людей в наручниках. Аланг подождал, пока их вталкивали в «джип», и, сев в свою машину, велел шоферу трогаться.

— Вы появились вовремя, — устало произнес Патрик. — Еще минута, и мне пришлось бы туго.

— Я вижу, — отозвался Аланг.

— Но как вы обнаружили люк? Белый Бумажный Веер был на сто процентов уверен, что вы его не найдете. И, признаюсь, убедил в этом и меня.

— Он был совершенно прав. С четырех сторон стены, и попробуй догадайся, что внутри пусто. Но это во-вторых. А во-первых, коридор, по которому вы шли, они успели перегородить стеной. Нам же открыли дверь, вводящую из этого дома в какие-то лагуны. Я уже начал думать, что они сматились и прихватили вас с собой. В общем, сами мы не смогли бы добраться до вас...

— И кто же вам помог?

— Какой-то мальчуган подошел к одному из наших и протянул листок бумаги. На нем было написано, как найти люк.

— Похоже на интригу, — заметил Ло.

— Я даже догадываюсь, от кого это послание.

— Красный Жезл?

Аланг кивнул.

— Очевидно, ему стало известно о ваших связях с Ко Ином, и он решил использовать сержанта в своих целях. Ведь Ко Ин сказал, что Красный Жезл в разговоре с ним дважды упомянул имя Белого Бумажного Веера. С чего бы такая открытость? Видно, не очень он жаловал своего «брата».

— «Старшего брата», — усмехнувшись, уточнил Ло. И тут же нахмурился. — Тогда нам остается отправиться к Южному мосту, чтобы убедиться в том, что мы правы.

Аланг взглянул на часы. — Половина второго. Не исключено, что мы еще застанем там полицию.

Шофер, не дожидаясь приказа, свернул направо. Выезжая на набережную, он увидел несколько полицейских машин. Неподдалеку от них стоял «джип», вокруг которого, несмотря на поздний час, толпились люди...

8

До встречи с Гуном оставалось еще полчаса, и Красный Жезл медленно шел по улице, вспоминая подробности своего вчерашнего разговора с Желтым Драконом. Красный Жезл не сомневался, что Желтый Дракон захочет срочно встретиться с ним, и тщательно продумал возможные вопросы главы «триады» и свои ответы. И все же при появлении связного — Соломенной Сандалии — им овладело беспокойство. Оно усилилось, когда его заставили прождать в «зеленой гостиной» целых полчаса.

Желтый Дракон вошел в комнату бесшумно и неожиданно. Красный Жезл подобострастно смотрел на него, ожидая, когда тот заговорит. Он пытался угадать настроение шефа, но на лице вошедшего нельзя было прочесть ничего. Желтый Дракон обладал феноменальной способностью никак не выражать свои эмоции.

— Мое желание срочно увидеть вас вызвано печальной новостью, — бесцветно произнес Желтый Дракон, опускаясь в кресло. — Сегодня ночью арестован Белый Бумажный Веер.

Красный Жезл мысленно поблагодарил бога за то, что был артистом: изобразить на лице огорченное удивление не составило большого труда.

— С ним взяли еще троих. Это произошло после часа ночи. Соломенную Сандалию разыскал один из людей Белого Бумажного Веера, которому удалось уйти.

Все это было известно Красному Жезлу. Он недаром изучал ближайшее окружение Белого Бумажного Веера и однажды смог купить его человека. После встречи с Ко Ином Красный Жезл разыскал этого Чжоу, чтобы выяснить у него, что представляет собой дом на Кеонг Сайяк и можно ли оттуда скрыться в случае опасности. Чжоу рассказал про коридор, который в несколько минут перекрывается стеной, и про помещение под землей.

В половине первого Красный Жезл приехал туда с маленьким листком бумаги в кармане, на котором было написано, как добраться до подземелья. Поняв, что Белому Бумажному Вееру удалось скрыться там, он подозвал какого-то мальчишку, дал ему двадцать долларов и велел передать бумажку одному из детективов, дежуривших у входа. Минут через пятнадцать, наблюдая за домом уже из другого места, Красный Жезл увидел «старшего брата» в наручниках. Это зрелище доставило ему почти физическое наслаждение, и он едва удержался от того, чтобы не пройти мимо Белого Бумажного Веера и не встретиться с ним взглядом.

После того, как машины «Си-Ай-Ю» уехали, Красный Жезл отправился на соседнюю улицу. Там его ждал Чжоу, который по его приказу оставил Белого Бумажного Веера и остальных за несколько минут до появления Ко Ина. Красный Жезл велел Чжоу явиться утром к Соломенной Сандалии и рассказать о случившемся, но сказать между прочим, что «товар» привозил какой-то рикша.

Расставшись с Чжоу, Красный Жезл поехал к себе с единственным желанием побыстрее и покрепче заснуть, чтобы освободиться от сковывающего его напряжения. Но заснуть ему так и не удалось. А к полудню, как и предполагал Красный Жезл, к нему пришел Соломенная Сандалия с приказом немедленно явиться к главе «триады».

— Судьба нашего брата беспокоит меня, — продолжал Желтый Дракон, — так же, как и судьба героина, который вы ему передали. Десять килограммов — это не только улика. Это еще и четыре миллиона долларов. Правда, по словам Соломенной Сандалии, этот Чжоу утверждает, что «товар» был сразу же надежно спрятан. Но я не буду спокоен до тех пор, пока не увижу героин собственными глазами.

Еще одна мысль появилась у Красного Жезла после встречи с Ко Ином в субботний вечер. И он решил сыграть ва-банк. Героин он оставил у себя, а в сумку положил десять килограммов опиума, приобретенного незадолго до этого втайне от своих собратьев. Отдать двадцать тысяч за четыре миллиона не было жалко.

Красный Жезл не успел продумать этот вариант до конца, но жадность взяла верх над осторожностью, и он рискнул. Ночью он еще раз хорошенько все обдумал и пришел к выводу, что ему удалось найти достаточно правдоподобное объяснение таинственному превращению героина в опиум. По логике вещей Белый Бумажный Веер тут же должен был спрятать героин, привезенный Ко Ином. Это подтверждали и слова Чжоу. Но когда нагрянули детективы из «Си-Ай-Ю», то при обыске обнаружили опиум. Чжоу подтвердит, что Белый Бумажный Веер недавно втихомолку достал десять килограммов опиума. А Красный Жезл аккуратно подтолкнет Желтого Дракона к выводу: Белый Бумажный Веер решил присвоить героин и надеялся сообщить из тюрьмы, что опиум, захваченный полицией, якобы подсунил ему вместо героина Красный Жезл. Но сообщить из тюрьмы Белый Бумажный Веер ничего не сможет, поскольку два надзирателя, являющиеся членами «триады», — люди Красного Жезла. Зато Чжоу, когда будет нужно, скажет, что Белый Бумажный Веер якобы открыл сумку, полученную от Красного Жезла, и заявил, что героин очень высокого качества.

Как и предполагал Красный Жезл, Желтый Дракон высказал подозрение, что «Си-Ай-Ю» привел с собой человек, передавший «товар». Красный Жезл осмелился предложить шефу оставить выяснение всех обстоятельств до побега Белого Бумажного Веера, который будет устроен в самое ближайшее время. Желтый Дракон едва заметно кивнул в знак согласия и отпустил собеседника. Они договорились встретиться через неделю, после возвращения Желтого Дракона из Бангкока, куда тот собирался по каким-то делам.

Красный Жезл посмотрел на часы. До встречи с Гуном оставалось еще пятнадцать минут, и он решил сделать небольшой крюк по другой улице, чтобы не прийти к Ботаническому саду первым.

Он еще никак не мог смириться с мыслью, что ему, Красному Жезлу, пришлось уступить нахальному моллокососу. Но сейчас злоба против Гуна, которая переполняла его в субботу, уже выкипела. Двести тысяч, конечно, жалко. Зато у него теперь есть четыре миллиона, и он сможет купить даже личную охрану Желтого Дракона. Красный Жезл так испугался мелькнувшей в голове мысли, что оглянулся по сторонам. Нет, не стоит зарываться, даже мысленно...

Такие рассуждения до добра не доведут. Желтый Дракон сотрет Красного Жезла в порошок вместе с его четырьмя миллионами. Достаточно того, что покончено с Белым Бумажным Веером. Вспомнить об этом было приятно. «Конечно, я вам устрою побег, — старший брат», — но не моя вина, что, пытаясь улизнуть, вы получите пулю в спину». Красный Жезл пожалел о том, что не сможет увидеть, как будет умирать Белый Бумажный Веер. А как приятно было бы посмотреть на его предсмертные судороги! Просто стоять и смотреть, как он будет корчиться, хватать руками воздух. Еще лучше было бы устроить над ним суд во время ритуала... Красный Жезл попытался представить себе, как стоит он с мечом в руке, а рядом — бледный, трясущийся Белый Бумажный Веер со связанными руками... В полной тишине слышат «братья» приговор...

Распаленный нарисованной воображением картиной, Красный Жезл не заметил, как подошел к входу в Ботанический сад. Гун уже был здесь. Он широко улыбался Красному Жезлу, как своему старому приятелю. Когда они подошли друг к другу, молодой человек сделал вежливый полупоклон. Красный Жезл стиснул зубы и молча кивнул Гуну. Они вошли в сад медленной походкой людей, которые решили под вечер немного прогуляться и мирно поболтать о том о сем.

— Итак? — вопросительно вскинул брови Гун.

— Согласен, — глухо ответил Красный Жезл.

— Я не сомневался в ваших сыновних и отцовских чувствах.

— Хватит болтать, — оборвал Красный Жезл. — Когда я увижу мать и дочь?

— Если вас устраивает, то через неделю в Бангкоке.

— А почему бы вам не привезти их сюда? — Красный Жезл почувствовал, как в нем начинает клокотать злоба.

— Видите ли, — засмеялся Гун, — билеты стоят очень дорого. Мы не можем позволить себе роскошь бросать деньги на ветер. В следующий четверг мы встречаемся в Бангкоке... ну, скажем, у отеля «Виктория». В семь часов вечера. Я буду там вместе с вашими родственниками. А вы — с документами и остальными пятьюдесятью процентами. Если почему-либо вы не сможете приехать в назначенный срок, позвоните по телефону 241367 и попросите передать мне, какой день и час будет для вас удобен. А сейчас я хотел бы получить деньги и откланяться.

Они подошли к скамейке. Вокруг никого не было, но Красный Жезл знал, что где-то рядом в темноте стоят три его охранника, которым он велел приехать сюда на всякий случай. Он не сомневался, что и Гун здесь не один. Он начал медленно отпирать свой кейс, а

молодой человек сосредоточенно следил за его руками.

И вдруг Красному Жезлу стало жаль этих денег. Почему он должен отдавать их? Почему он должен расставаться с бумагами, которые может очень выгодно продать? Двести тысяч! За что? Красный Жезл забыл о письме, о фотографии... Кто смеет отбирать у него ЕГО ДЕНЬГИ?! ЕГО ДЕНЬГИ! ДЕНЬГИ!

Все произошло в какие-то доли секунды, и Гун не успел даже среагировать. Красный Жезл молниеносно ударил его носком правой ноги по голени. Молодой человек со стоном согнулся, и в тот же момент Красный Жезл ударил его по голове рукояткой пистолета. Гун упал на траву. Красный Жезл ударил его еще раз рукояткой, а затем начал бить ногами. Он не видел, как на аллею выскочили два человека, как наперерез их метнулись три тени. Он не слышал глухих ударов и тяжелого дыхания дерущихся. Он продолжал иступленно бить человека, который покусался на ЕГО ДЕНЬГИ.

Красный Жезл очнулся, когда услышал голос одного из своих охранников: «Босс, нужно сматываться». Он схватил кейс и почти бегом направился к выходу. Один из охранников последовал за ним, двое других пошли в противоположную сторону.

Красный Жезл с размаху плюхнулся на заднее сиденье подождавшей его у входа машины и облегченно вздохнул, когда она рванулась с места. Ничто больше не связывало его с прошлым. Он был свободен. Завтра утром он заберет из банков свои деньги и положит их на новые счета, закроет театр и поменяет имя. Хозяевам Гуна больше не удастся разыскать его.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Тумасик»

1

— Добрый день. Могу я видеть господина Чэна? Патрик слегка наклонил голову и улыбнулся, ни минуты не сомневаясь, что производит неотразимое впечатление на секретаршу.

Он знал, что инспектору «Си-Ай-Ю» никогда не бросят в ответ дежурное «шеф занят» или еще что-то в этом роде. Но Ло, как, впрочем, и каждый уважающий себя мужчина, не был лишен тщеславия, и его интересовало, какое впечатление он производит своей внешностью на окружающих и особенно на молодых секретарш. Другими словами, Патрику хотелось знать, может ли он рассчитывать на благосклонность этих очаровательных и вместе с тем чрезвычайно строгих созданий до того, как представится и сообщит о цели своего визита. В подавляющем большинстве случаев оказывалось, что может. И сейчас Патрик в очередной раз имел удовольствие убедиться в этом.

— Господин Чэн принимает только по предварительной договоренности. Но я попробую спросить у него. Как о вас доложить?

— Попробуйте, — подбодрил секретаршу Патрик и протянул ей свою визитную карточку. — Инспектор Ло из «Криминал интеллидженс юнит».

Девушка никак не реагировала на его слова. Как будто агенты секретной службы появлялись здесь каждый день. Взяла визитную карточку и упорхнула за дверь с надписью «Генеральный директор».

«Счастливая, — позавидовал инспектор, — ей неизвестно, что такое «Си-Ай-Ю», и уж тем более, что существуют тайные общества. Слышала, естественно, что иногда людей грабят и даже убивают, а хороших дурочек крадут, чтобы продать в публичный дом. Но считает, что с ней такого случится, конечно же, не может».

Он подошел к окну. Шестнадцать этажами ниже торопились друг другу навстречу похуже из кукол люди, сновали, словно маленькие быстросногие жучки, машины, медленно проползали червяки-автобусы. Шум сквозь плотно закрытые окна не доносился, и все происходило, как в немом кино. Ло отрешенно смотрел на улицу и думал о своем.

С арестом Белого Бумажного Веера все снова встало на мертвую точку. Он и его люди упорно отрицали свою принадлежность к «Анг Сун Тонг». Никаких улик против них не было, а разговор в подземелье доказательством служить не мог. Белый Бумажный Веер делал большие глаза и говорил, что у инспектора болезненное воображение.

В сумке, которую привез Ко Ин, оказалось десять килограммов опиума. Такое количество не позволяло приговорить Белого Бумажного Веера и четырех его сообщников к смертной казни. Им была обеспечена тюрьма, но такой вариант ни в коей мере не устраивал Аланга: ему нужна была вся организация.

Ло допрашивал Белого Бумажного Веера каждый день, он пытался загнать его в угол осведомленностью о Блэкэн-Мати и как бы между прочим обронил, что с помощью Ко Ина «Си-Ай-Ю» все равно доберется до «Анг Сун Тонг». Об убийстве сержанта Белый Бумажный Веер знать не мог, и Патрик надеялся, что эта информация возьмет какое-то действие.

Однако все было напрасно. Лицо гангстера во время допросов оставалось непроницаемым. Один раз в его глазах промелькнуло легкое удивление: когда инспектор достал из сумки опиум. Но Ло решил, что тот просто играет. На четвертый день Белый Бумажный Веер заявил, что он признается в контрабанде десяти килограммов опиума, и потребовал, чтобы суд состоялся как можно быстрее.

Патрик понимал, что дальнейшие попытки заставить Белого Бумажного Веера заговорить бесполезны и в конце концов дело придется передать в суд.

Чтобы двигаться дальше, нужно было искать какие-то иные пути, и Ло решил основательно заняться выяснением личности человека, чей труп был украден с острова. Он забрал из уголовной полиции все данные о пропавших за последний месяц людях. Среди них было три женщины, четыре ребенка и трое мужчин. Патрик исключил из списка детей и женщин, поскольку на Блэкэн-Мати, по словам Ко Ина, был привезен мужской труп.

Экспертиза обнаруженной во второй яме крови еще не была завершена, и все же Ло не стал дожидаться результатов. Он принялся за изучение материалов на трех мужчин, но, взглянув на фотографию, был вынужден отложить в сторону еще одно досье — на иностранца со светлыми волосами, поскольку цвет найденных на острове волос был черным. Оставались двое — кассир из Китайского банка и сын крупного бизнесмена — генерального директора компании по реэкспорту каучука, студент. Оба исчезли в последней декаде декабря.

После исчезновения кассира был вскрыт его сейф, и обнаружилась солидная недостача: около ста тысяч долларов. В уголовной полиции тонко подметили «вероятность существования прямой связи между этими двумя фактами» и занялись безуспешными поисками кассира.

Студент исчез без видимых на то причин. Предполагали похищение с целью получения выкупа. Но отцу до сих пор никто не звонил, и никто не присылал писем. Тогда выдвинули новую версию: сына генерального директора убили неизвестные грабители, а тело спрятали. На том в уголовной полиции и успокоились.

— Господин генеральный директор просит вас зайти, — отвлекла Патрика от размышлений секретарша.

Ло вошел в кабинет. За столом сидел седой худощавый мужчина в преклонном возрасте. На лацкане пиджака стального цвета была приколотая черная матерчатая полоска — знак траура.

— Прошу вас, господин Ло, — произнес хозяин кабинета, указывая инспектору на низкое кресло у своего стола.

Он не поднялся навстречу Патрику и даже не ответил на приветствие, словно Ло был его агентом по реэкспорту и сегодня уже посещал этот кабинет.

— Чем обязан визиту? — Генеральный директор устало разглядывал Патрика. — Ваш приход не был запланирован заранее, а у меня не так много времени.

— Я понимаю, — ответил Ло, — и постараюсь быть кратким. Заранее прошу простить меня за то, что затрону печальную для вас тему. Но — служба...

Патрик сделал небольшую паузу, затем продолжил: — Господин Чэн, в списках уголовной полиции ваш сын числится пропавшим без вести. По...

— У вас устаревшие сведения, господин Ло, — сухо перебил его генеральный директор. — Мой сын не пропал без вести. Он погиб.

— Простите, — смущенно пробормотал Патрик. — Значит, меня просто ввели в заблуждение.

— Всякое напоминание о сыне причиняет мне сильную боль, — будто не слыша слов инспектора, продолжал Чэн, — и я мог бы попросить вас оставить меня в покое. Считайте, что я это сделал. Не берусь судить, где больше беспорядка: у вас, в уголовной, или в береговой полиции. Но, дабы оградить себя в дальнейшем от подобных бестактных визитов, объясню, в чем дело. Мой сын Сэнг действительно пропал в конце декабря. Это случилось двадцать второго числа. Мы с женой обратились в уголовную полицию. Но через три дня из Бангкока он прислал короткое письмо, в котором извинялся за доставленные нам волнения, обещал на следующей неделе вернуться и все объяснить. Насколько я знаю, у него был там какой-то роман. Мы успокоились: я сообщил о письме в уголовную полицию и попросил их прекратить поиски. Но, очевидно, моя просьба по небрежности не была зафиксирована. Мы ждали приезда Сэнга, но вместо встречи с сыном получили уведомление из береговой полиции.

Генеральный директор умолк, чтобы проглотить подступивший к горлу комок.

— В уведомлении говорилось, что Сэнг находился в числе пассажиров судна, которое не дошло до Сингапура, потерпев кораблекрушение.

— «Тумасик»? — В голосе Патрика прозвучало больше заинтересованности, чем следовало.

— Да, — со вздохом кивнул генеральный директор. — А почему это вас удивляет?

Инспектор мысленно ругнул себя за несдержанность — не следовало бы постороннему человеку

знать, что «Си-Ай-Ю» интересуется «Тумасиком», — но тут же нашелся:

— На этом же судне плыл мой друг... В какой-то степени я вас понимаю.

Чэн взглянул на часы, потом развел руками, давая понять, что время беседы истекло. Инспектор поднялся с кресла.

— Все же я прошу вас подумать над тем, не было ли у вашего сына каких-нибудь подозрительных знакомых, — сказал он. — Не исключено, что я буду вынужден побеспокоить вас еще раз. Вторично прошу прощения за доставленную вам неприятность.

— Хорошо, что вы не догадались явиться к нам домой. С женой произошла бы истерика, — ответил генеральный директор.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Ло.

Чэн сухо наклонил голову в ответ, и Патрик направился к двери.

«Снова «Тумасик», — думал он по пути в офис, — прямо наваждение какое-то! Придется еще раз побеседовать с этим Чэном. Ему это, конечно, не понравится, но ничего не поделаешь. Не все понятно с его сыном. Таинственно исчез из дома. Потом письмо. «Тумасик». А может быть, я ошибаюсь? Мальчишка без памяти влюбился. В восемнадцать лет это случается. Понесся очертя голову к девчонке и забыл предупредить родителей. А может, они были против его увлечения и поэтому он ничего не сказал им о своем отъезде? А на обратном пути решил прогуляться морем... Почему бы нет? Интересно, а я мог бы так же влюбиться? Скажем, в Джун?»

Патрик усмехнулся: поздно в тридцать пять лет изображать из себя пылкого воздыхателя, искать в своей душе то, что не сумел найти в восемнадцать!

— Инспектор, — окликнул дежурный Патрика, когда тот проходил мимо него, — шеф просит вас зайти.

Патрик молча направился к кабинету Аланга.

— Вы никогда не увлекались решением кроссвордов? — полюбопытствовал глава «Си-Ай-Ю», увидев своего подчиненного.

— Последние десять лет только этим и занимаюсь, — буркнул в ответ Патрик.

— Я имею в виду не нашу работу, а обычные кроссворды.

— Нет. А что?

— У вас такой вид, словно вы все утро просидели над журналом и для того, чтобы получить премию за правильные ответы, не смогли угадать только одно слово, которое уже вертелось у вас на языке.

— Что-то вроде этого, — отозвался Ло.

— Вот как? Любопытно.

Инспектор пересказал Алангу свой разговор с генеральным директором.

— Призрак затонувшего судна преследует вас на каждом шагу, — с шутивным сочувствием произнес тот, — но не стоит переживать из-за чисто символической премии. Именем студента вы все равно не заполните пустующие клетки вашего кроссворда.

— Почему?

— Вас не было на месте, и результаты экспертизы крови принесли мне. Давность следов — больше тридцати дней.

— Сегодня двадцать второе января, — наморщил лоб Патрик, — а сын генерального директора сел на «Тумасик» двадцать восьмого декабря.

— У вас потрясающие способности к анализу, — заметил Аланг. — Я допускаю ошибку экспертов на один-два, ну, максимум на три дня. Но не на неделю же. Так что не ищите потаенного смысла в опрометчивом поступке молодого Чэна. Очевидно, им руководили возвышенные чувства, которых нам, увы, не понять. И предоставьте его папаше возможность спокойно реэкспортировать свой каучук.

Ло тяжело вздохнул.

— Я чувствую, что в списке пропавших без вести не так много кандидатов, — сказал Аланг, — если вы с таким сожалением расстаетесь с этим Сэнгом.

— Осталась еще одна, — невесело отозвался инспектор.

— Н-да, не густо, — согласился Аланг. — Если еще и эта отпадет, наши дела будут совсем швах. Кто этот человек?

— Кассир из Китайского банка. Пропал девятнадцатого марта. В его сейфе обнаружена недостача в сто тысяч долларов.

— Ну-у, на вашем месте я плясал бы от радости. — Аланг воздел руки к потолку. — Прекрасный, прекрасный кандидат в трупы! Ста тысячами даже «Анг Сун Тонг» не побрезгует.

— А я радуюсь, — хмуро ответил Ло. — Разве по мне не видно?

— Ну ладно, — уже серьезно сказал шеф «Си-Ай-Ю», — занимайтесь кассиром. И найдите время заскочить в береговую полицию. Нужно ведь как-то подобрать к «Тумасику».

2

В воскресенье Патрик проснулся рано. Он энергично соскочил с кровати и раздвинул шторы на окнах. Поставил варить кофе и пошел умываться. Наконеч-то он проведет с Джун целый день. Они договори-

лись поехать сегодня на Сентозу — райский островок с изумительными пляжами и аппетитными сатэ*, которые повара-малайцы жарили под открытым небом на больших каменных мангалах.

Патрик не считал, что с Джун у него получится серьезный роман. Вернее, он просто не думал об этом. Джун ему нравилась, и все. Но это ровным счетом ничего не значило. А то, что жена Аланга преподнесла его в первый вечер как потенциального жениха, ни к чему не обязывало Патрика. Это было воспринято всеми как шутка.

«Нет, госпожа Лау, ваш номер не пройдет, — подумал Ло, плескаясь и фыркая под душем, — Джун явно не создана для кухни и пеленок, а на экономку и кормилицу у меня нет денег».

Когда он кончил завтракать, было уже восемь часов. Джун ждала его в девять, и Патрик решил прогуляться пешком, что в последние дни удавалось ему крайне редко.

Обогнув со стороны Пенанг роуд храм Шивы, он вышел на Орчард роуд и невольно замедлил шаг. Из-за противоположного угла на нее выкатывалась пышная процессия индусов. Она двигалась в ту же сторону, что и Ло. Во главе шествия чинно вышагивали несколько полуголых мужчин. Их лица и тела были разрисованы белой краской. На плечах у каждого на мягких оранжевых подушечках лежали стальные перемычки, скреплявшие четыре вертикально расположенных стержня — два спереди и два сзади. На стержнях держались развесистые дуги, а в просверленные в них дырки было вставлено около тридцати деревянных стрел с острыми металлическими наконечниками, которые упирались в тела несущих их мужчин. Следом за мужчинами шли люди в ярких одеждах, увешанные разноцветной фольгой, гирляндами, золотой и серебряной мишурой. В руках они несли кокосовые орехи, колокольчики, огромные морские раковины.

«Тайпусам!» — догадался Ло, вспомнив услышанное когда-то название индуистского религиозного праздника. Кто-то из знакомых рассказывал, что ежегодно, в день «Тайпусама», верующие индусы собираются большими колоннами и направляются в пагоду Четтиар. Там перед статуей Субраманы, старшего сына Шивы, они совершают ритуальные жертвоприношения, разламывая и сжигая кокосовые орехи. Это считается выражением преданности Субраманы, который в глазах набожных индусов является воплощением силы, мужества и красоты. Тех, кто приходит в Четтиар, Субраманы, по поверью, хранит от невзгод.

Ло полюбовался красочным зрелищем, но потом решил отстать, потому что надрывный звон колокольчиков и трубные звуки, которые почитатели Субраманы во всю мощь своих легких извлекали из раковин, оглушали Патрика, и это начало его раздражать.

— Здравствуйте, господин инспектор, — раздался вдруг зычный голос над самым ухом Ло, и Патрику показалось, что его приветствует сам старший сын Шивы.

Он повернул голову и увидел знакомого индуса. Когда-то тот работал на береговой полиции. Ло вспомнил, что на этой неделе он так и не успел выбраться в «лягушатник», и хорошее настроение как рукой сняло.

Громкий индус не шел, а плыл в толпе верующих с блаженным видом, вероятно, полагая, что и ему перепадет кое-что от щедрого божества, если он расколет кокосовый орех в пагоде Четтиар. Ло усмехнулся, подумав, что если тот идет к Субраманы за красотой, то зря. Сын Шивы, хоть он и бог, вряд ли сможет чем-нибудь помочь ему: слишком долго пришлось бы колдовать над лошадиным лицом индуса.

— Добрый день! — ответил Патрик, выискивая глазами переулочек, куда можно было бы свернуть.

Инспектору однажды пришлось иметь дело с бывшим полицейским, и он хорошо запомнил, что отвяжаться от этого парня трудно. Индус был разговорчив, как сто торговков на рынке в воскресный день. Очевидно, за болтливость его и выгнали из береговой полиции.

— Вы кого-нибудь ищите, господин инспектор?

— Да, — коротко бросил Ло, обнаружив впереди спасительный перекресток.

— Как ваше здоровье? — поинтересовался набожный индус.

Он, видимо, рассчитывал на ответную любезность, которая даст ему возможность вволю выговориться.

— Спасибо, хорошо, — лаконично ответил Патрик.

Несколько секунд они молча шли рядом.

— Вот иду в Четтиар, — счел необходимым сообщить индус, потрясая кокосовым орехом. — Просить у Субраманы счастья.

— Помогает? — поинтересовался Ло.

— Еще как! Я одного парня знаю — чудом остался жив.

— Неужто Субраманы помог? — Патрик не смог удержаться от улыбки.

— Да, — убежденно ответил индус.

— Кто бы мог подумать? Ну что ж, да осчастливит Субраманы и тебя!

Ло свернул за угол.

— Точно, Субраманы помог! — крикнул вслед индус, вероятно, испугавшись, что не смог убедить инспектора в могуществе старшего сына Шивы. — А то кто же? Судно-то потонуло, а он жив остался!

Патрик резко обернулся, моментально вспомнив, что за последние три месяца только «Тумасик» потерпел кораблекрушение.

— Какое судно?

— Как какое? «Тумасик»! Не слышали разве? — обрадованно ответил поклонник Субраманы, уловив заинтересованность в голосе инспектора.

— Ло вернулся на тротуар.

— Вот ведь как бывает, — с удовольствием начал рассуждать индус. — Суденушко ко дну пошло, а парень жив остался. А все Субраманы. Он все может. Только уважать его надо. Вот если ходить все время в Четтиар...

— А что за парень? — небрежно спросил Ло, перебивая собеседника.

— Механик. Сунгаем зовут. И веры-то был не нашей. Индонезиец. А стал в Четтиар ходить — он веру нашу решил принять, — так сразу ему и повезло. Все утонули, а он жив остался. А какая ему разница, в какого бога верить? Главное, чтоб помогал...

— Так он спасся, что ли?

— Зачем спасся? Не поплыл он в этот проклятый рейс. Уволили его перед самым отплытием в Таиланд. Пил он здорово. А если б не уволили, кормил бы рыб, как все остальные. А так — без работы, зато жив. Все Субраманы. Кто Субраманы уважает, того он всегда уберезит. Это уж точно. — заключил индус с таким гордым видом, будто это он был старшим сыном Шивы и сам посоветовал Сунгаю больше пить, чтобы остаться в живых.

Ло напряг память, стараясь вспомнить фамилии в списке экипажа, который ему принесли вместе с материалами расследования кораблекрушения.

— А ты видел этого... Сунгаю?

— Да, да, Сунгаем его зовут, — закивал индус. — Я-то не видел, другие видели.

— Давно?

— То ли позавчера, то ли два дня назад.

Полицейский даже не обратил внимания на то, что Ло так заинтересовался механиком. Казалось, он готов был отвечать без конца на любые вопросы.

— А где его видели? — спросил на всякий случай Ло.

— Да в порту. Кто же видел-то его? И-а, никак не могу вспомнить. И видели-то пьяным. Не иначе, как от радости напился. Вот ведь как бывает. Все утонули, а он жив остался. Да кто ж его видел?

Индус расстроено зацокал языком.

— Да я к слову... до свиданья.

— А вы разве... не пойдете с нами в Четтиар? — разочарованно спросил полицейский.

— В следующий раз, — улыбнулся Ло.

«Завтра нужно будет постараться разыскать этого Сунгаю, — подумал инспектор. — Хоть он и не был в последнем рейсе, может быть, что-нибудь да расскажет интересное об экипаже».

Ло сделал несколько шагов и остановился. Что-то мелькнувшее в подсознании заставило его взглянуть на часы. До встречи с Джун оставалось еще больше получаса. Не глядя на проезжую часть улицы, Ло выбросил вперед руку, чтобы остановить такси.

Этот жест был лишним. Около Патрика, слегка повернутый передком к тротуару, уже стоял изрядно обшарпанный «пежо» с шашечками. Обладающий явно безошибочным нюхом на пассажиров пожилой водитель-малаец терпеливо ожидал, когда Ло поймет, что ему просто необходимо взять такси.

Приехав в офис, инспектор поднялся в свой кабинет и вынул из сейфа документы, полученные от береговой полиции. Он быстро перелистал их, нашел список членов экипажа «Тумасика» и начал его просматривать.

— Черт возьми, — пробормотал он через несколько секунд. — Что за ерунда?

Под номером десять в списке фигурировал механик Сунгаю. Патрик сел на стул, продолжая держать лист бумаги в руках. Так вот что остановило его на улице! Зрительная память невидимым фотоаппаратом отщелкала написанное и отправила куда-то в резервные клеточки мозга.

«Где ошибка? — стал размышлять Ло. — В списке или в словах полицейского? Забыли вычеркнуть? Ведь индус сказал, что механика уволили перед самым отплытием. А может, этот болтун напутал и индонезийца не увольняли? Но в таком случае как он мог оказаться в порту после кораблекрушения? Все-таки сто миль! Шторм...»

Ло убрал документы в сейф, позвонил дежурному, чтобы взять машину, и вышел из офиса. Когда он подъехал к кинотеатру «Лидо», было семь минут десятого. Джун нетерпеливо прохаживалась по тротуару.

— Патрик, мы ведь договаривались на девять часов, — обиженно проговорила девушка.

— Извините, Джун, но мне пришлось заехать на работу.

— В воскресенье?!

Ло развел руками.

— Поехали быстрее. Иначе я пропущу утреннее солнце, а для загара оно самое полезное.

Джун поправила сумку на плече и направилась к стоявшему в нескольких метрах такси. Тут она заметила, что «мазда», на которой подъехал Патрик, продолжает стоять на месте.

— Мы что... поедем на этой машине?

— Понимаете, Джун... — нерешительно начал Ло, — обстоятельства...

— Понимаю! — резко перебила его Джун и прищурила свои треугольные, чуть раскосые глаза. — Счастливи проведи выходные... с обстоятельствами!

Она тряхнула густыми черными волосами, круто повернулась и зашагала прочь. Патрик с грустью посмотрел вслед девушке, вздохнул и забрался в свою служебную «мазду».

— В порт, — негромко сказал он водителю.

Порт лязгал кранами, сигло кричал «майна», со вкусом ругался на доброй дюжине языков. Ло выяснил, у какого причала обычно швартовался «Тумасик», и направился туда.

У самого края причала сидел на корточках небритый малаец в линялой рваной рубашке и латаных шортах. Вернее, это были просто трусы, заменявшие ему шорты. Он держал в руке потухшую сигарету и задумчиво смотрел на воду.

— Эй, приятель! — окликнул малайца Ло.

— Да, туан, — отозвался тот, поднимаясь.

— Послушай, приятель, я иду на свое судно механика. Ты, должно быть, всех здесь знаешь. Не посоветуешь кого-нибудь?

Голова малайца закачалась на кадике-шарнире. То ли он соглашался, что действительно всех здесь знает, то ли собирался кого-то предложить.

— Механиков много... — охрипшим голосом произнес он.

— Мне нужен хороший механик.

— Хороших мало, — пессимистично заключил малаец. — Хороший механик без работы сидеть не будет.

Он пожевал оставшиеся во рту крошки табака и шумно выплюнул их.

— Я тоже был когда-то механиком. Но это было давно...

Зрачки малайца медленно поплыли вверх. Он явно собирался предаться воспоминаниям. Патрика это совершенно не устраивало.

— Послушай, приятель. Я слышал, что с «Тумасика» вроде бы уволили неплохого механика. То ли японца, то ли филиппинца. Не слышал?

— Почему не слышал? Слышал.

Малаец с грустью посмотрел на бычок, который держал в руках, давая понять инспектору, что нелишне было бы угостить его хорошей сигаретой, без которой вспомнить, кого уволили с «Тумасика», будет нелегко. Ло усмехнулся и вытащил из кармана пачку «Мальборо». Глаза малайца оживились. Он потер правую руку о рубашку, полагая, что от этого она станет чище. Потом взял сигарету и вставил ее в свой беззубый рот. Бычок он аккуратно сунул в нагрудный карман. Патрик щелкнул зажигалкой. И без того ввалившиеся щеки малайца еще больше втянулись, чуть ли не соприкасаясь друг с другом. Он затаился, благодарно затряс головой, затем стал выкашливать дым. Ло терпеливо ждал.

— Почему не слышал? — повторил наконец малаец, накашлявшись вволю. — Был такой на «Тумасике».

Только не японца он. Индонезиец. Сунгаем звали.

— Так где его можно найти?

— А нигде не найти. Утонул он вместе со всеми.

— Как утонул? Его же уволили перед отплытием.

— Уволить-то уволили. Это верно. Пил он здорово.

А как «Тумасику» в море выходить, хватились: нет механика. Ну и взяли его снова. Прямо в тот же день.

— А ты не путаешь?

Малаец засмеялся:

— Глаза-то мои еще видят!

— Жалко. Говорят, хороший механик был.

— Хороший, — согласился малаец и добавил: — Да вы походите, туан, по порту, может, и найдете кого.

— А спаслись он не мог? — быстро спросил Патрик, внимательно наблюдая за выражением лица собеседника.

Тот покачал головой.

— Сюда бы пришел. Или в доки. Он ведь там ночевал. Не было у него дома.

Ло протянул малайцу еще одну сигарету.

— Да хранит вас аллах, туан.

«Зря не поехал на Сентозу, — огорченно подумал Патрик, вспоминая обиженное лицо Джун. — Наверное, индус напутал».

Но день был уже потерян, и Ло решил довести дело до конца. Он отправился в доки.

Малайские шашлыки из говядины, свинины и курятины.

Продолжение следует.

СМЕНА 27

ЯНВАРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Остров свободы приглашает туристов

Победа кубинской революции привела к национализации отелей, клубов, центров отдыха и развлечений. Прежние дорогие пансионаты превратились в дома отдыха для трудящихся. Но одновременно Куба потеряла зарубежных туристов. Это было следствием не только запрета азартных игр и закрытия ночных притонов, но и результатом враждебной политики со стороны США, под давлением которых с островом Свободы разорвали отношения почти все страны южноамериканского континента.

До 1967 года зарубежные туристы почти совсем не приезжали на Кубу, и первой ласточкой стали гости из СССР и ГДР. Потом приехала группа молодых французов. В 1973 году зарубежных туристов было четыре тысячи, а в прошлом их число превысило 50 тысяч.

Куба уверенно возвращает себе давние позиции туристской державы. Немало гостей приезжает сейчас из Мексики, Ямайки, Колумбии, Венесуэлы. Многого ожидает Куба от создания комиссии СЭВ по вопросам туризма, которая будет способствовать увеличению притока гостей из социалистических стран.

Недавно было заключено соглашение кубинских туристских организаций с канадеками. Средства, получаемые Кубой от туризма, направляются на реконструкцию и расширение базы для приема зарубежных гостей. Не менее важно и политическое значение туристского обмена, являющегося своеобразным барометром отношения к Кубе ее ближних и дальних соседей.

«БОЭМИЯ», КУБА

ТРАВЯТ СТРИХНИНОМ

Кенгуру давно уже стал символом Зеленого континента. Если вы проезжаете по дорогам национального заповедника, животное серо-коричневого или красного цвета в два-три скачка может перемахнуть перед вами автостраду и исчезнуть в эвкалиптовом лесу. Такую картину ежедневно можно наблюдать на 16 миллионах гектаров заповедников — двух процентах территории всей страны. В других же районах, особенно там, где развито животноводство, сумчатые — большая редкость.

Ежегодно в Австралии отстреливается полтора миллиона кенгуру. Их мясо превращают в пищу для собак, мягкую шкуру — в сумочки, сувениры, перчатки и обувь.

Винсент Сервентли, президент Австралийского общества по сохранению поголовья диких животных, обвинил премьер-министра штата Квинсленд в том, что с его разрешения каждый год нелегально истребляется до миллиона кенгуру. Федеральное правительство реагировало на это запретом экспорта товаров, изготовленных из кенгуру. Как следствие, сумчатые мгновенно расплодилось в отдаленных землях штата Западная Австралия. И тогда, поскольку внутренний рынок и без того был насыщен товарами из меха кенгуру, животных стали травить. Австралийская общественность с негодованием встретила сообщения об этом: «Символ нашей родины подкармливают стрихнином!»

«ШУТИНГ», АВСТРАЛИЯ

ЛИТЕРАТОР И... КОНСТРУКТОР

В литературных кругах норвежский кинопродюсер и литератор Иво Каприно известен как автор нескольких книг и сценариев. Это и дало ему возможность участвовать в международной ярмарке книг, регулярно организуемой во Франкфурте-на-Майне. Минувшей осенью Каприно предстал на ярмарке в новом свете: он появился на ней не только с новой книгой, но и на чрезвычайно оригинальном автомобиле собственной конструкции. Автомобиль причудливого вида привлек всеобщее внимание. Каприно охотно объяснял, как и из каких частей собрал он свое детище. Надо отдать должное его мастерству автомеханика — сложная и смешная на вид машина способна развивать скорость до 255 километров в час.

Каприно достиг своей цели: посетители франкфуртской ярмарки прошлого года были явно взволнованы сочетанием литературы и автотехники. Комический автомобиль принес своему автору гораздо большую известность, чем представленная им новая книга.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ХОББИ ПАНА ЗЫГМУНТА СКОЧНЫ

В мире издавалось немало миниатюрных книг. Еще в прошлом веке в Лейпциге была выпущена книга размером меньше спичечного коробка.

Гордится своими микрокнижками и Япония. По случаю зимней Олимпиады в Саппоро в 1972 году японцы выпустили текст олимпийской клятвы: размер издания поражающе мал — 3×3 миллиметра.

Есть мастер микрокниг и в Польше. Зыгмунт Скочны в свободное время вручную — с помощью тщательно заточенных перьев и специальной туши — на воздушной великой бумаге, сквозь которую можно увидеть все, пишет книги, брошюруя их шелковой нитью и склеивая древесным клеем.

Конечно, такое хобби требует немало терпения и времени. На каждую книгу — по несколько месяцев. Инженер Скочны отдал своему увлечению уже 35 лет. Первое произведение содержало историю третьего восстания в Силезии и описание его района. Всего 112 страниц с 15 280 печатными знаками, размер — 15×20 миллиметров. Вторая книжечка была вдвое меньше — 8×10 миллиметров. Но рекорд побил биография Наполеона и Коперника, которые он написал соответственно на 44 и 48 страницах размером 2×2,5 миллиметра. Сегодня в библиотеке Скочны 40 миниатюрных книг.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ГАНГСТЕРЫ- НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКИ

Жители одного из пригородов Токио недавно с удивлением наблюдали за странным торжеством. В храме монастыря раздавался звон колоколов. Возвестил он, однако, не о начале религиозного праздника, а о «коронации» нового шефа одной из самых крупных организованных банд преступников.

Обстановка, в которой происходила церемония, указывала на состоятельность ее участников. Мужчины были в смокингах, в петлицах красовались хризантемы. На роскошных «мерседесах» и «кадиллаках» прибыли главы мафии различного ранга. После прошедшей в храме церемонии последовал пышный банкет, стоимость которого выражалась миллионами.

Японский преступный мир организовался по американскому образцу, и деятельность мафии стала одним из значительных факторов в жизни страны. О сотрудничестве главарей гангстерских организа-

ций и крайне правых политических группировок известно уже давно. Сейчас к этому союзу присоединилась третья сторона: с преступниками и реакционными силами сотрудничают ведущие финансовые круги Японии.

Мафия часто берет на себя роль «вспомогательной полиции». Главаря банд посылают свои «личные войска», которые состоят из ста, а порой и тысячи человек, против бастующих рабочих, борцов за мир, против вышедших на демонстрацию студентов.

Три года назад в Японии вступил в силу уникальный закон, по которому облагаются налогом доходы от преступной деятельности. От мафии поступает в качестве налога 20 миллиардов иен, но, согласно подсчетам, ее «доход» по крайней мере вдесятеро больше.

«ОРСАГ ВИЛАГ», ВЕНГРИЯ

БЛАЖЕН, КТО ВЕРУЕТ

Жители Западной Германии ежегодно расходуют на превентивную заботу о здоровье, украшение своей внешности и различные виды самолечения кругленькую сумму — 450 миллионов марок. К их услугам — великое множество медицинских приборов, устройств и приспособлений. Все они «гарантируют» красоту, превосходное физическое состояние, хорошее, ровное настроение, крепкий, освежающий сон и избавление от мнимых и действительных болезней.

Начитавшись рекламных брошюрок фирм-производителей, не упускающих случая сослаться на последние достижения науки и техники, легковверный покупатель приобретает очередную новинку в надежде, что она поможет решить его проблемы. Реклама не оставляет в покое потенциального покупателя ни на минуту. «Вы слишком полны? Плохо спите? Страдаете головными болями? Часто жалуетесь на плохое настроение? Имеете пониженную работоспособность? Тогда немедленно купите, как можно скорее купите наш замечательный электро-био-иономагнит и т. д. прибор, который без всяких врачей решит ваши проблемы!»

Некоторые фирмы-изготовители, не особенно надеясь на эффективность приборов, ну, например, тех, что должны гарантировать стройность, на всякий случай прилагают к ним перечни диетических блюд. Но к чему тогда сам прибор с заманчивым и звучным названием, если достаточно соблюдать определенный режим жизни и питания?

«ХОББИ», ФРГ

Много ли рыбы в море и надолго ли ее хватит? Ученые считают, что в будущем столетии рыбное богатство морей и океанов уменьшится весьма ощутимо: способы ловли все более совершенствуются. Поэтому не случайно специалисты все чаще занимаются изучением пресноводной рыбы.

Бодьше всего для этой цели подходит карп. Все тело карпа усеяно вкусовыми сосочками, поэтому он способен мгновенно определить степень съедобности любого предмета, коснувшись его какой-либо частью своего тела. Поедая много пищи, карп растет очень быстро: за шесть недель его вес увеличивается в двадцать раз. Изумительна плодовитость карпа: на килограмм собственного веса самка выметывает около 200 тысяч икринок.

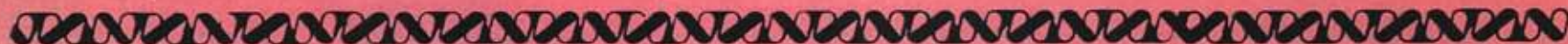
Итак, карпу предвещают большое будущее. Но как быть с костями? В институте имени Макса Планка в Вульфсдорфе с 1963 года

КАРП-РЫБА БУДУЩЕГО?

проводятся эксперименты по выведению бескостного карпа. Главной составной частью костей является, как известно, кальций, поэтому пища рыбы должна содержать его как можно меньше. Но как добиться того, чтобы рыба съела нужную пищу? Для этого молодь приучили принимать пищу из соски. Теперь карпы росли значительно быстрее, чем в обычных условиях: за 18 месяцев отдельные экземпляры достигали веса в семь килограммов. Столько рыба обычно весит только к трехлетнему возрасту. Общия же масса костей у карпов, вскормленных соской, была заметно меньше, чем у контрольной группы.— это показало сравнение рентгеновских снимков. Биологи уверены, что путем соответствующего ухода и последующего скрещивания удастся вывести породу карпа с минимальным содержанием костей.

«ТЕМПО», ИТАЛИЯ

Было это давно. Зимой 1315 года герцог Габсбург проводил в Швейцарии принудительный набор в свою армию. Многие юноши бежали в горы. Тех, кого властям удавалось схватить, вели под конвоем на сборный пункт со связанными руками, к которым для верности привязывали тяжелые гири. Но у городка Арт над озером Цуг по данному вольными стрелками сигналу рекруты сбили с ног стражников и бежали в горы.

В память об этом событии каждый год в Арте происходит шествие молодых людей в блузах XIV века со связанными руками, к которым привешены гири. Свинцовый груз гнет к земле, но историческая традиция и гордость заставляют не склонять голову на всей составляющей несколько сотен метров трассе.

«ПОЗНАЙ ШВЯТ», ПОЛЬША

ШКОЛА ПОПРОШАЕК

Уже два года в Нью-Йорке работает единственная в своем роде школа, слушатели которой обучаются просить милостыню. И не просто по-дилетантски кланяться у прохожих мелочишке, а работать солидно, по плану, с применением законов социальной психологии и системного анализа.

Владелец школы, он же директор, заведующий учебной частью и единственный преподаватель, некто Омар Рокфорд, говорит: «Я решил заняться этим делом после того, как однажды потерял работу (я был специалистом по рекламе в небольшой фирме). Дойдя до крайней степени бедности, я стал попрошайничать, познакомился с коллегами по ремеслу и пришел к выводу, что мои собратья не имеют достаточных методических навыков для успешной работы. Теперь я твердо стою на ногах и зарабатываю 30 тысяч долларов в год. А то, что я занимаю в школе сразу четыре должности, связано с тем, что таким путем я плачу меньше налогов...»

Итак, за что же ученики платят своему наставнику по сто долларов в неделю?

Вот основные правила Рокфорда: сразу брать ориентацию не на металлическую мелочь, а на бумажные банкноты; помнить, что бумажную купюру дает примерно каждый десятый прохожий, если представить ему достаточно убедительную причину и суметь быстро и внятно ее изложить; иметь опрятный внешний вид, поскольку прохожие инстинктивно сторонятся небрежно одетых людей, принимая их за алкоголиков или наркоманов; избирать местом «работы» оживленные улицы и другие места с большим скоплением людей.

Омар Рокфорд не устраивает в своей школе экзамена, качество же подготовки ученика он оценивает по тому времени, за которое тот компенсирует плату за обучение.

«ИЛЮСТРОВАНА ПОЛИТИКА», ЮГОСЛАВИЯ

ПРОФЕССИЯ: НЕНУЖНЫЙ

В развитых странах количество безработных достигло в настоящее время рекордной цифры за последние сорок лет — 18 миллионов. Армия лишенных работы людей увеличивается не только за счет тех, кто потерял работу, но и за счет тех, кто ее вообще не имел: в капиталистических странах сейчас семь миллионов безработных в возрасте до 25 лет.

Не так давно в западногерманской

газете «Бадисше цайтунг» появилось следующее объявление: «Обращаем внимание правительственных учреждений и частных предприятий: если вам нужны рабочие руки, сообщите, пожалуйста, нам». Объявление дали 50 учеников старших классов фрайбургской школы. Но вот закончена школа, а на заблаговременно данное объявление никто так и не откликнулся. Удивляться нечему: ведь в ФРГ насчитывается 120 тысяч молодых безработных в возрасте до 20 лет.

Каждый третий безработный в странах «Общего рынка» является выпускником средней, специальной или высшей школы. Но предприниматели вовсе не рвутся к тому, чтобы иметь среди своих сотрудников дипломированных специалистов: ведь наличие диплома не делает автоматически из молодого человека работника, который будет лояльно относиться к своим работодателям.

Все чаще на улицах западных городов появляются молодые люди, несущие плакаты: «Ищу любую работу». И им нередко приходится соглашаться на любое предложение, как пришлось, например, этому юноше из Мюнхена стать живой рекламой для владельца парикмахерской.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

В ТЕСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Художник — тот, кто создает прекрасное.

Оскар УАЙЛЬД.
— Портрет Дориана Грея.

Третьяковскую галерею он любит какою-то особенной, трогательной любовью. Времени, бывает, в обрез, а он все равно зовет:

— Зайдем хоть на полчаса? Давай зайдем!.. Два-три зала посмотрим, и хорошо. Иначе и нельзя. Больше просто не выйдет! Был я в одной знаменитой галерее. В громадном зале единственная картина. А здесь-то другое дело. Тут на одной стене столько шедевров, что будешь глядеть — не оторвешься. Это Третьяковка! Тянет взглянуть: давно я, знаешь, там не был!

Месяц для него — это уже большой срок. И мы едем в галерею и подолгу стоим около его любимых полотен.

Два-три зала — это само собой. Но мы непременно заглянем еще в один из тех, где висят передвижники, остановимся у картины Н. Дубовского «Притихло».

Замерли, отраженные в тихой воде, грозовые, с подпалинами облака... Синий день наполнен тревожным ожиданием первой вспышки. Ударит за нею гром, и прольется на землю обильный ливень. Но это будет потом... А пока ты и видишь глазами и ощущаешь душой всю мощь этой напряженной борьбы внутренних сил природы.

Однажды, когда мы стояли около полотна Дубовского, он сказал:

— Это посчитать, сколько я проторчал в этом зальчике, когда был мальчишкой... Помнишь нашу послевоенную одежду? Синие сатиновые шаровары и черная вельветка на «молнии». Учитель рисования из Дома пионеров соберет нас, бывало, в воскресенье, больше часа едем на электричке, потом в автобусе. Целый день уйдет. Я теперь иногда подумаю: у него ведь своя семья была, свои заботы. А ему еще приходилось уговаривать наших родителей, чтобы дали мальчишке несколько рублей на поездку... Представляешь, каким для этого надо быть подвижником? Каким святым человеком! Притков его фамилия...

Он все продолжал говорить — с ним такое бывает нечасто, — а я подумал, что в эти минуты мне, пожалуй, кое-что приоткрылось...

У Юрия Космынина часто спрашивают: «Неужели у вас в роду не было художников? Такое ощущение, что вы потомственный гравер!»

А он родился в рабочей семье. Правда, отец его, старый метростроитель, — редкий мастер, из тех самых, о ком говорят: на все руки. В рабочие пошел и старший брат Юрия. Да и во внешности самого Космынина есть что-то от облика русского мастера, и, когда он склоняется над древесной пластиной, когда начинают колдовать над ней его жилистые, с такими цепкими и точными пальцами руки, тебе, невольно видится старинный ремешок, пере-

хвативший русые кудри мастера... Но то, что по улицам родной своей станции Лось молчаливый подросток Юра Космынин не один и не два года ходил в Дом пионеров с большою папкой под мышкой, не прошло даром. После школы он поступил в Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское).

Учителями Космынина были знаменитый В. Фаворский, а также такие известные граверы, как Н. Пискарев, Е. Егоров, В. Козлинский. На воспитание художественного вкуса, на формирование творческого мироощущения молодого художника несомненное влияние оказали работы старших мастеров: Д. Бисти, Ф. Константинова, В. Носкова, Н. Калиты.

Студента Юру Космынина не приходилось уговаривать поехать в ближний подшефный колхоз или в далекий город на практику: ездить он любил с детства. Но особенно много дорог пришлось ему узнать, когда закончил учебу и началось то самое время, о котором говорят: обретение себя. Поиски своего собственного «я».

Молодой художник побывал на русском Севере и на Камчатке, долго ездил по Средней Азии, по Кавказу, исколесил многие места полубившейся ему тихой Владимирщины. Непосредственные, живые впечатления от путешествий легли потом в основу его иллюстраций к поэтическим произведениям разных по стилиевой манере и национальным традициям авторов: аварцев Гамзата Цадасы и Расула Гамзатова, узбеки Зульфийи, азербайджанца Самеда Вургуня, латыша Иманта Зиедониса, русского поэта Павла Кустова, болгарского Димитра Методиева и многих других.

Иллюстрация постепенно стала главным занятием Космынина.

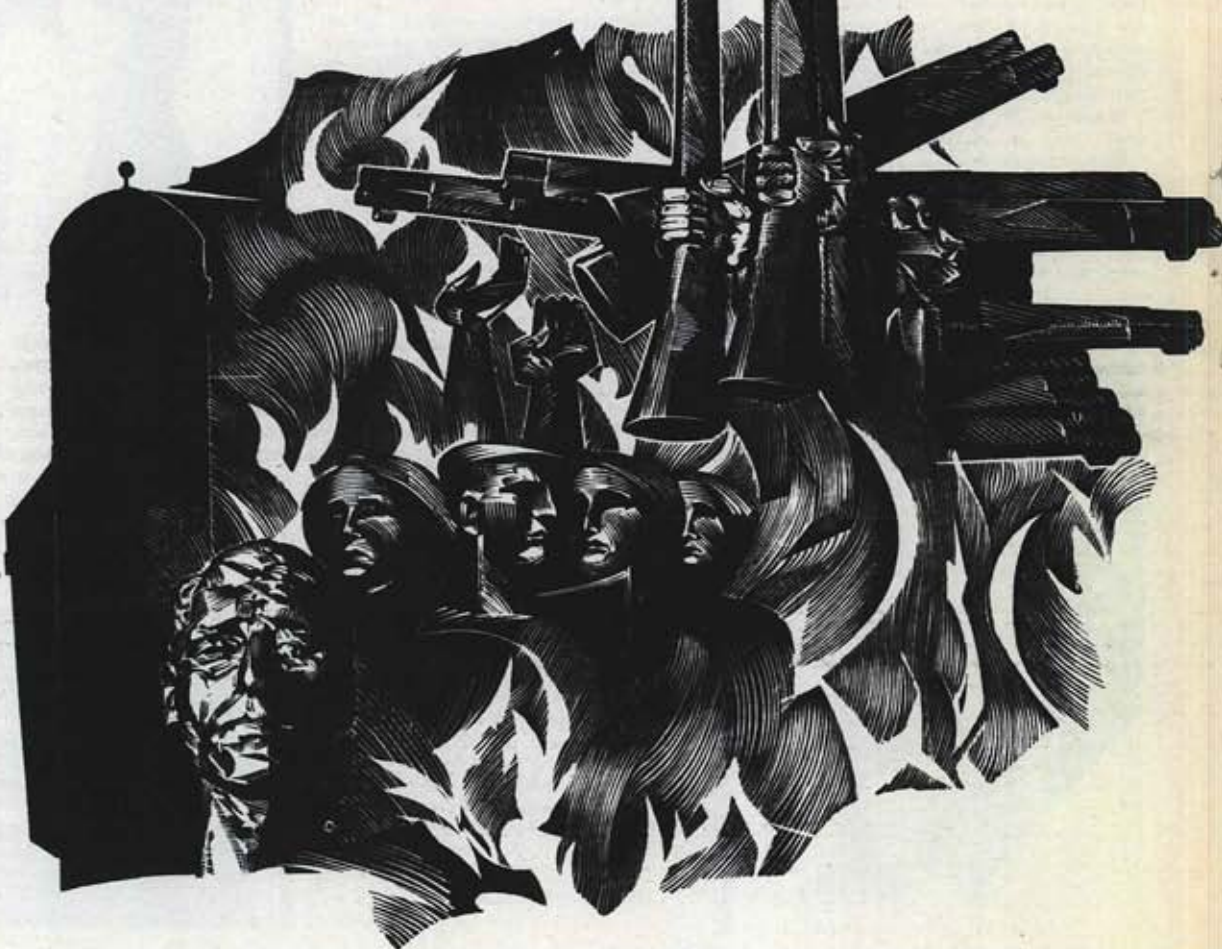
Признанный глава советской школы гравюры-иллюстрации В. Фаворский, обобщая свой многолетний опыт, писал:

«Понимание стиля литературной вещи и его передача в оформлении книги — одна из самых трудных задач, стоящих перед художником книги».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ПИСЬМЕНАМ» Р. ГАМЗАТОВА.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХАМ С. ВУРГУНА.

Е ГРАВЮРЫ

Эти слова стали для Юрия Космынина творческим заветом большого мастера, чьи традиции стремится он продолжать не только с присущим ему трудолюбием и упорством, но и с той истовостью, которая отличает самых верных, самых преданных учеников.

Каждая книга, оформленная Космыниным, — настоящее произведение искусства, в котором неразделимо взаимосвязаны все элементы — от перегиба и шрифтов до полосных иллюстраций в тексте, фронтисписа, заставок и концовок. Но, постигая индивидуальные и национальные черты творчества различных писателей, художник вместе с тем создает свой собственный стиль, свой легко узнаваемый почерк, отражающий самобытность его художественного мировосприятия. Главные черты этого стиля: тщательная отработанность всего простран-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХАМ Р. ГАМЗАТОВА.

ПОРТРЕТ Ф. И. ТЮТЧЕВА.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «СКАЗАНИЯМ» Р. ГАМЗАТОВА

ства гравюр, упругая напряженность общей композиции, заключенное в рисунке богатство мысли.

При этом художник оставляет нам, зрителям, полную свободу размышлять, щедро давая поводы для новых умозаключений и выводов.

Задумываясь иногда: почему Юрий Космынин делает иллюстрации в основном только к поэтическим сборникам? Проза остается вне поля его зрения. Почему? Во-первых, сам он тонкий ценитель и большой знаток поэзии. Во-вторых, как мне кажется, ему как творцу присущ свой особенный ритм, который во многом соответствует стихотворному. Именно по этой причине поэма Расула Гамзатова, стихотворение Бориса Пастернака или Самеда Вургуня дают начало гравюре-картине, которая сама по себе становится оригинальным произведением, где художник-график как бы сливается с художником-поэтом.

К большой станковой гравюре Ю. Космынина «После выюги» могло бы служить эпиграфом стихотворение В. Пастернака того же названия (из цикла «Когда разгуляется»).

Гравюра эта экспонировалась на Выставке московских художников в 1971 году. В ней знакомый и вместе с тем необычный — по зимнему прихитши и спокойный — московский городской пейзаж не только ассоциируется с поэтическими строками, но как бы продолжает их.

*Как изваяны пни и коряги,
И кусты на речном берегу,
Море крыш возвести на бумаге.
Целый мир, целый город в снегу.*

«Целый мир, целый город в снегу» возведен художником на листе бумаги так, что и в жаркий летний день от него веет холодом и запахом свежего, рассыпчатого снега.

Большую серию гравюр создал Юрий Космынин, работая в течение ряда лет над книгами Расула Гамзатова. Графическая «гамзатиана» Космынина стала заметным явлением в современном советском искусстве. Виртуозная техника штриха сообщает гравюрам необычайную красоту и одухотворенность. Их звонкая пластичность словно хранит в себе отзвуки стального резца, работающего по твердой, как металл, деревянной плашке.

Эти работы Юрия Космынина получили признание не только у нас в стране: в 1972 году он стал лауреатом II Бьеннале — международной выставки деревянной гравюры, которая раз в два года проводится в чехословацком городе Банска-Быстрица и считается самым строгим и самым представительным смотром этого вида искусства.

Задачи чисто иллюстративные, по самой сути своей, казалось бы, вторичные, не мешают художнику выражать собственные идеи и чувства, свое отношение к жизни.

Начав творческий путь как художник-оформитель, Юрий Космынин вырос в автора монументальной гравюры. Как ни покажется парадоксальным само это сочетание «монументальная миниатюра», оно тем не менее очень точно отражает стремление художника передать масштабность вещей, до предела используя ограниченное пространство. Именно поэтому гравюры его — без ущерба для их эстетической ценности — можно увеличивать (или, как говорят сами художники, «растягивать») как угодно сильно.

Черты Юрия Космынина как монументального миниатюриста и живописца-графика, может быть,

наиболее ярко проявились в его журнальных работах. Особое место среди них — по объему и характеру иллюстраций — занимает научно-популярный журнал АН СССР «Русская речь».

Здесь десятки и сотни работ — гравюры и рисунки к произведениям Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Лескова, Тургенева, а также М. Шолохова, Б. Шергина, К. Симонова. Выполнявшиеся в течение многих лет рисунки и гравюры Ю. Космынина определили характер оформления этого журнала, его индивидуальное графическое лицо.

Портреты русских и советских писателей на обложке «Русской речи» в черно-белом или цветном исполнении составляют целую галерею замечательных образов. Особенно хороши среди них и выразительны портреты И. А. Крылова, молодого В. А. Жуковского, Ф. И. Тютчева, Н. Г. Чернышевского, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, а также М. Пришвина и С. Есенина.

Сопутствующий портретам бытовой фон представляет знаменитых литераторов как бы неотделимо от той эпохи, в которую они творили. В этих тематических работах Космынина видится современное, ярко самобытное и вместе с тем реалистически-бережливое прочтение классиков, по-настоящему творческое осмысление обширного их наследия.

Отдельного разговора заслуживает, пожалуй, портрет Ф. М. Достоевского. Выполненный первоначально как полосная иллюстрация, он стал самостоятельной станковой гравюрой-портретом великого русского писателя. Вглядываясь в него, остро ощущаешь трагический душевный строй автора «Бедных людей» и «Бесов», «Братьев Карамазовых» и «Идиота».

В сонмище персонажей, словно обступивших автора, — мир Достоевского и сложная жизнь России его времени. Как и в других лучших вещах Ю. Космынина, здесь поражает вся архитектура пространства гравюры: она требует пристального и неторопливого, внимательного рассмотрения. Многочисленные и разнородные детали фона, сливаясь, подчеркивают и как бы высвечивают изнутри лицо писателя, а наличие и взаимодействие двух пространственных планов придают изображению глубину и динамичность.

По лучшим сегодняшним работам Юрия Космынина чувствуется: он вступил в пору зрелости. В ту лучшую творческую пору, когда настоящий художник хорошо знает истинную цену своим просчетам и своим удачам. Когда творческие сомнения не заглушают в нем веры в свои силы.

Часто на рабочем столе Космынина увидишь ныне томик «Мертвых душ»... Что это? Измена собственному правилу иллюстрировать только поэтов? Нет, Юрий показывает на то слово, которое Николай Васильевич Гоголь поставил под названием книги: поэма.

Значит, впереди еще одно трудное дело, может быть, самое трудное, может быть, судя по тому, как давно и как преданно любит художник Гоголя, дело всей жизни...

Юрий Космынин работает в различных жанрах: в живописи, станковой графике, карандаше, ксилографии и литографии. И все же подлинным его призванием является деревянная гравюра, в которой его художественный талант выражается наиболее полно. Его привлекает сопротивление твердого дерева резцу и замыслу, влечет постижение тайны материала, выявление его фактуры во всей ее выразительности. Юрий хорошо помнит слова Фаворского о том, что необходимо «уважать в материале его цельность»: гравюруя рисунок, как бы сохраняя первоначальное состояние доски и переносить его на бумагу.

Известная русская художница А. П. Остроумова-Лебедева в своих «Автобиографических записках» очень поэтично описала работу гравера: «... А как прекрасен бег инструмента по твердому дереву! Доска так отшлифована, что кажется бархатистой, и по этой блестящей золотой поверхности острый резец стремительно бежит, и вся работа художника — удержать его в границах своей воли! Из-под блестящего кончика резца вылетают с мягким хрустом маленькие золотые стружки и щекочут глаза и губы.

Прекрасен момент, когда после трудной и медленной работы, связанной с непрерывным напряженным вниманием — не сделать промаха, — вы накапываете валиком краску, и все линии, оставленные вами на доске, начинают блестеть черной краской, и вдруг на доске выявляется рисунок».

Я часто припоминаю эти ее согретые собственным творческим опытом слова, когда вижу, как со штихелем в напряженной руке низко склонился над оживающей доской потомственный мастерской — художник-гравер Юрий Космынин.

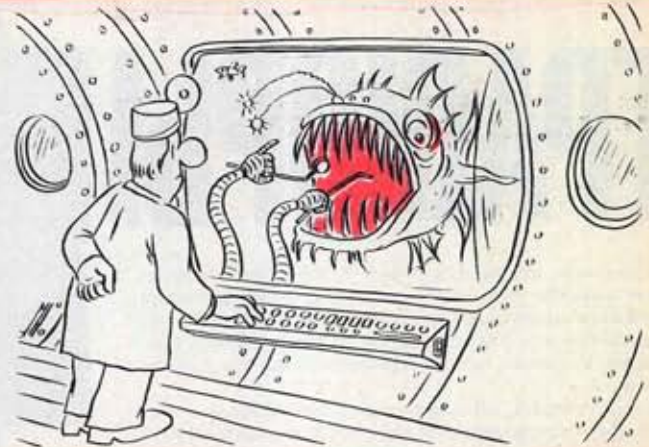

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Рисунок Виктора СПЕЛЬНИКОВА

Рисунок Ростислава НАРСКОГО

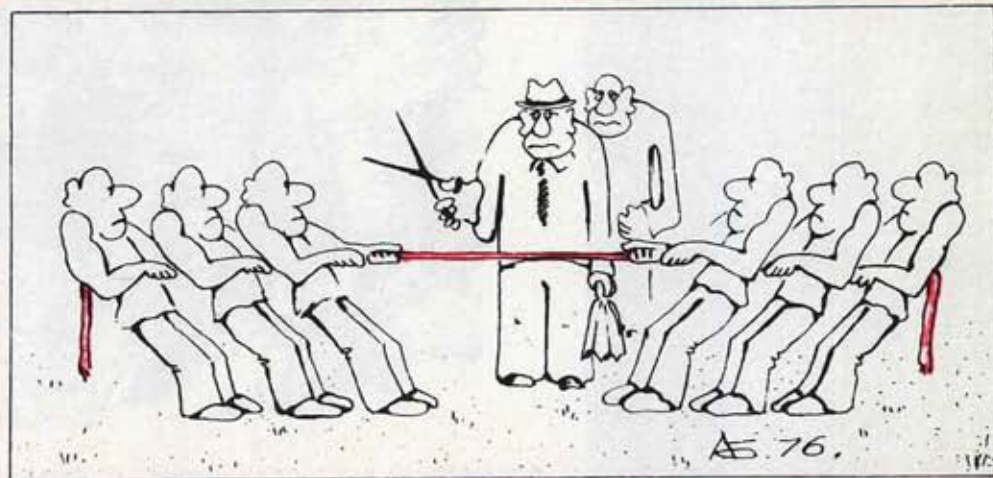

Рисунок Андрея БИЛЮЖО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

19 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

По просьбе многих любителей шахмат повторяем задания первого тура олимпиады, которую мы открыли в предыдущем номере «Смены».

Читатели, которые примут участие во всех восьми турах этого заочного соревнования, получат справки о присуждении им спортивного разряда по шахматам. Для четвертого разряда нужно набрать не менее 23 баллов (из 100 возможных), для третьего — 45, для второго — 80 баллов. Шахматиста-

ми-разрядниками станут и успешно сыгравшие в классификационных турнирах новичков заключительного раздела.

Десять лауреатов олимпиады выявятся по наивысшей сумме баллов и будут премированы специальными дипломами и фото-снимками ведущих советских гроссмейстеров. Последующие за призерами двадцать участников и самые активные организаторы олимпиадных турниров будут награждены дипломами и шахматными книгами.

Запомните, пожалуйста, что и основные и побочные варианты решения или анализа следует обозначать только сокращенной шахматной нотацией. В письме в редакцию на первый тур обязательно сообщите фамилию, имя, отчество, возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется) и точный домашний адрес. В конверт не забудьте вложить почтовую открытку, чтобы жюри оперативно известило вас о вашем регистрационном олимпиадном номере. Учтите, что свои первые письма нужно посылать в

адрес «Смены» (101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14) не позднее 10 февраля с.г. (по почтовому штемпелю отправления).

Итак, задания первого тура:

I. Вот так задача!

Белые: Крб2, Фh5, Ле5, Лf6, Сс2, Кd4, Kh2, пп.e2, f2.
Черные: Кре1, Cd5, п.e3.
Белые начинают и дают мат в два хода (5 баллов).

II. Как бы вы сыграли?

Белые: Крh1, Ле1, Кf1, пп.b3, c4, g3, h2.
Черные: Крg8, Лf8, Cd4, пп.a7, e4, g7, h7.
Найдите красивую комбинацию, которая приводит черных к победе (5 баллов).

III. Как это называется?

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kg8—f6? Каково наименование этого шахматного дебюта? (1 балл).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 6/XII 1976 г. А 01025. Подписано к печати 20/XII 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 48. Заказ № 3173. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

56

Слова Виктора БОКОВА

Музыка Юрия ЧИЧКОВА

*Сибирь— в тебе свое начало,
Сибирь— в тебе своя душа.
То раздастся шум Байкала,
То слышен голос Иртыша.*

Припев.

*Сибирь, Сибирь— сестра Урала,
Сибирь— владычица морей,
Как мать моя, ты понимала,
Что значу я в судьбе твоей.*

Припев.

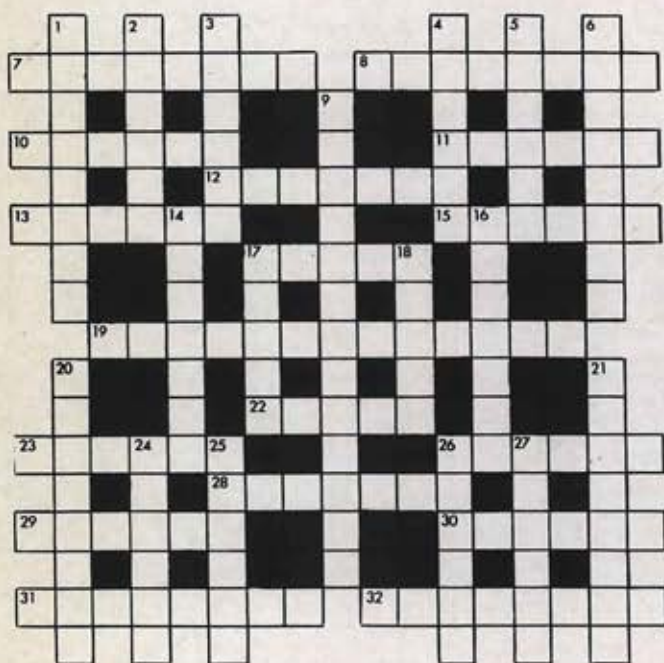
СИБИРЬ

*Сибирь— таежные урманы,
Сибирь— равнины и поля.
Кочуют белые туманы
В степных владеньях ковыля.*

Припев:
*Сибирь, Сибирь, твои пространства
Необозримы, как моря.
Ты несравненна и прекрасна.
Ты навсегда любовь моя.*

КРОССВОРД

Составила Г. КИРИЧЕНКО,
Воронеж

По горизонтали:

7. Колхозница-новатор, дважды Герой Социалистического Труда. 8. Стеклообразная трубка для лабораторных работ. 10. Повесть Л. Н. Толстого. 11. Горный хребет в Забайкалье. 12. Химический элемент, газ. 13. Птица семейства вороновых. 15. Северное созвездие. 17. Горный массив в Греции. 19. Пьеса А. Н. Островского. 22. Фруктовое дерево. 23. Гусли в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 26. Областной центр в РСФСР. 28. Денежная единица Венесуэлы. 29. Сельскохозяйственное орудие для обработки почвы. 30. Баритон, народный артист СССР. 31. Тригонометрическая функция. 32. Наука о животных.

По вертикали:

1. Незамкнутая кривая линия. 2. Советское спортивное общество. 3. Род художественной литературы. 4. Твердый минерал. 5. Советская конькобежка, чемпионка X зимней Олимпиады. 6. Штат в США. 9. Шахматистка, чемпионка мира. 14. Воспитанник военной школы. 16. Приемник, совмещенный с электропроигрывателем. 17. Роман И. А. Гончарова. 18. Итальянская сонна. 20. Парфюмерия. 21. Советский сатирический журнал. 24. Точка орбиты Луны, искусственного спутника, наиболее удаленная от Земли. 25. Приток Енисея. 26. Астероид. 27. Горная порода, употребляемая для скульптурных и архитектурных работ.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 1

По горизонтали:

7. Балерина. 8. Выставка. 9. Лотос. 10. Попов. 12. Расин. 14. Гопак. 15. «Колобок». 17. Захаров. 18. Вокализ. 19. Корректор. 24. Цидерон. 26. Виварий. 27. Лазурит. 28. Отсек. 30. Нонет. 31. Рубин. 32. Бекар. 33. Листовка. 34. Павильон.

По вертикали:

1. «Маскарад». 2. Орион. 3. Антонов. 4. «Рыболов». 5. Отрог. 6. Сказание. 9. Лиман. 11. Волан. 13. Корнейчук. 15. «Колокол». 16. Колорит. 20. Виктория. 21. Вечер. 22. Задор. 23. Кинескоп. 25. Наживка. 26. Видеоман. 29. Купон. 30. Налим.

АВТОПОРТРЕТ.

ТЕМЫ С ВАРИАЦИЯМИ

Чтобы почувствовать самобытность и смелую самостоятельность молодого армянского живописца Роберта Элибекяна, достаточно бросить беглый взгляд на его картины. Однако для «прочтения» его полотен требуется значительно больше душевных усилий.

Очертить границы излюбленных сюжетов Элибекяна можно только условно. Поэтический мир театра, аромат кулис — все это по первому впечатлению может показаться чересчур уж камерным. Однако видимая зыбкость и камерность изображаемого не мешают

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

нам ощутить внутреннюю наполненность и многозначность этого мира, который простирается далеко за пределы каких-то определенных границ...

Лишенные умозрительной повествовательности, картины Элибекяна требуют от зрителя продолжительного раз-

ЗАНАВЕС К ОПЕРЕ «ПАЯЦЫ».

ЗА ТУАЛЕТОМ.

РАЗГОВОР.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ.

мышления и — в еще большей степени — доверительного сочувствования. Живописец словно бы дает зрителю тему, а импровизировать на ее основе каждый волен по-своему... И тем не менее мы все время ощущаем мягкую настойчивость художника, который ведет нас по определенному руслу — к постижению красоты.

Картины Элибекяна красивы по колориту — даже малый фрагмент его живописи воспринимается как законченная цветовая мелодия; красивы по композиции — холсты скомпонованы с удивительным чувством равновесия; красивы по линиям, насыщенным по звучанию, однако ничуть не навязчивым. И хотя художник изображает окружающую реальность так, что мы чувствуем материальную красоту цветов, тканей, движений, за всей этой «данностью» живет нечто более значительное — ощущение внутренней красоты мира.

Алексей НИКОЛАЕВ